

OCR Ю.Н.Ш. yu_shard@newmail.ru. Сентябрь 2005 г.

В фигурные скобки {} здесь помещены номера страниц (окончания) издания-оригинала.

В книге-оригинале нумерация страниц вступительной статьи и самой «Летописи» разные («Летопись» вновь начинается с 1-й страницы).

**ВИЗАНТИЙСКИЕ
ИСТОРИКИ,
ПЕРЕВЕДЕННЫЕ С ГРЕЧЕСКОГО
ПРИ
С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

**САНКТПЕТЕРБУРГ.
В ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДЕЛОВ.
1863.**

ЛЕТОПИСЬ

ВЕЛИКОГО ЛОГОФЕТА ГЕОРГИЯ АКРОПОЛИТА

ПЕРЕВОД

ПОД РЕДАКЦИЕЙ БАКАЛАВРА И. ТРОИЦКОГО*.

---

* Помещаю в эл. версии сведения о переводчике и редакторе этого издания И. Троицком, взятые мной из «Полного православного богословского энциклопедического словаря» (Репринт. издание 1992 г.):

«Троицкий, Иван Егорович (1834—1901). Бывший профессор Спб. дух. акад. по церковной истории, сын причетника с. Красного, Пудожского уезда, Олонецкой губ., кончил Каргопольское духовное училище, Олонецкую духовную семинарию и Спб. духовную академию в 1859 г. магистром и преподавал в Олонецкой семинарии; с 1861 г.— был бакалавром греческого языка в Спб. академии. В 1863 г. защищал диссертацию и удостоился докторской степени и занимал кафедру истории и западных исповеданий до 1899 г., с 1874 г. был приват-доцентом Спб. университета и заслужил в 1884 г. звание ординарного профессора. Ему принадлежат труды по истории церкви: «Изложение веры церкви армянской, начертанное Нерсесом, католикосом армянским, по требованию боголюбивого государя греков Мануила» (докт. диссер.), «Арсений, патриарх никейский и константинопольский и арсениты» и мн. др. Кроме сего он вел много специальных отделов и обозрений в «Церковном Вестнике», «Христианском чтении», выпустил под своим редакторством много переводов, был деятельным членом православного палестинского об-

---

От Санктпетербургского Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Июля 8 дня 1863 года,

Цензор. *Архимандрит Макарий.*

ПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДЕЛОВ.

ГЕОРГИЙ АКРОПОЛИТ И ЕГО ЛЕТОПИСЬ.

Сведений о жизни Георгия Акрополита мы имеем очень немного. Большую часть их сообщает нам его собственная книга. Если к этим относительно кратким и притом отрывочным сведениям присоединить два-три слова о нем у Пахимера и одного анонимного западного писателя, то это будет все, что мы знаем об авторе издаваемой нами летописи.

Великий логофет¹ Георгий Акрополит² родился, кажется, в Константинополе около 1212 года. Так, по крайней мере, можно заключить по одному месту в его книге. Рассказывая о том, что, по смерти Роберта, латин- $\{5\}$ ского императора, в Константинополе в 1228 г., управлявший с этого года Латинскою империею за малолетством преемника и брата Робертова, Балдуина II, титулярный король иерусалимский Иоанн, чрез два года (1230—1231 г.) по вступлении своем в должность регента империи начал войну с греческим императором, Иоанном Дукою, осадой Лампсака, Акрополит вслед за тем продолжает: «В это время мои родители отправили меня к императору (Иоанну Дуке в Nikeю) из Константинополя. Мне было тогда 16 лет, и я только что расстался с энклием, который многие называют грамматикой»³. Кто были родители Акрополита, неизвестно. В его книге сохранилось только прямое указание на то, что они принадлежали к знатной фамилии⁴. Император Иоанн Дука и супруга его, императрица Ирина, приняли юношу по-родственному: дали ему помещение в своем дворце, содержали его и занимались им, как родным. Император и императрица были люди очень умные и добрые, высоко ценившие научное образование. И потому, прежде всего они озаботились дать своему питомцу, для которого они решились заменить его вскоре за тем умершего отца, лучшее по тогдашнему времени образование. Математика, изящная словесность и философия обнимали тогда весь круг высшего образования. Лучшим наставником первых двух наук считался некто Феодор Экзаптериг, а последней — Никифор Влеммид. Высшее образование своего питомца император начал с математики и реторики и с этой целью сдал его с рук на руки учителю Экзаптеригу. Речь, которую сказал при этом $\{6\}$ своему молодому любимцу император, так хорошо обрисовывает светлую личность Иоанна Дуки, что мы не можем отказать себе в удовольствии поместить ее здесь. «Когда мы собрались пред лицо императора,— рассказывает об этом событии в своей жизни сам Акрополит,— он обратился ко мне и сказал: „Этих (товарищей Акрополита по учению) я взял из Nikeи, а тебя привел из собственного дома учиться с ними. Докажи же на самом деле, что ты вышел из моего дома, и сообразно с тем занимайся и математикой. Сколько получает годового жалованья воин от царской милости, столько же или еще бо-

---

щества, членом комиссии при Св. Синоде по старокатолическому вопросу и во многих обществах».— Ю. Ш.

¹ Должность, имеющая близкую аналогию с современной должностью государственного канцлера.

² Дуза думает, что прозвание Акрополита Георгий получил от места своего рождения — Акрополя, одного из трех носивших тогда это имя греческих городов. Но нам кажется вернее мнение Ганкия, который на основании одного места у Пахимера (История Михаила и Андроника Палеологов. Кн. VI, гл. 26) заключает, что это было родовое прозвание в семействе, к которому принадлежал Георгий. И это тем вероятнее, что почти с несомненностью можно сказать, что Акрополит родился в Константинополе.

³ Летоп. гл. 29.

⁴ Там же, гл. 32.

лее, по знатности твоего рода, будет отпускаемо на тебя. А когда изучишь философию, то удостоишься больших почестей и званий, потому что нет в мире людей почетнее царя и философа“». Но о первом своем наставнике Акрополит не сохранил особенно приятных воспоминаний. По его словам, это был «человек, не очень сведущий в математике, но красноречивый, потому что долго изучал ретику и приобрел навык выражаться изящно, за что и пользовался большой известностью». Не видно, чтобы этот красноречивый ретор подслужился своему ученику и той наукой, которую сам изучал долго и которой, по-видимому, владел. По крайней мере, в оставшейся нам летописи Акрополита менее всего ретики в известном смысле этого слова. Зато гораздо более глубокое влияние произвел на своего ученика и оставил в нем более благодарное воспоминание о себе другой его учитель — Никифор Влеммид, преподававший философию. Сколько можно судить об этом человеке по беглым заметкам Акрополита и по его собственным дошедшим до нас сочинениям, то это была личность далеко не дюжинная. Аскет и по одежде, и по жизни, {7} он удивлял своих современников сильным умом, резким словом и железным характером. Отмеченный у Григоры случай столкновения его с фавориткой императора, которую он не пустил в церковь, выставляет этого сурового аскета в ярком свете. Но, к сожалению, лучшие стороны нравственного характера Влеммида: непоколебимая стойкость, глубокое уважение к религии, к правде, совершенная недоступность никаким развращающим влияниям и проч. — или вовсе не отразились на его ученике, или отразились как-то односторонне, криво. В трудные минуты жизни и Акрополит обнаруживал замечательную силу воли, но она нередко высказывалась или в капризном упрямстве, или бесчувственности к страданиям других. Зато уроки логики привились к нему как нельзя более. Со стороны умения владеть своей мыслью Акрополит оставляет далеко за собой всех ближайших к себе по времени византийских писателей. И мы, кажется, не ошибемся, если скажем, что этим умением он обязан Влеммиду; по крайней мере, в приемах и технике мысли в сочинениях того и другого есть поразительное сходство. Из своей жизни этого времени Акрополит передает замечательный случай солнечного затмения, подавший ему повод к интересному объяснению с императрицею Ириною. Этот рассказ много говорит в пользу ума, природной доброты и такта этой замечательной женщины. Наши читатели встретят этот рассказ на 73—74 странице нашего перевода. По окончании образования император, верный своему обещанию, повел своего любимца по ступеням должностей и почестей. Во время блистательного похода Иоанна Дуки в Болгарию мы видим Акрополита уже в звании императорского секретаря: он составляет грамматы для покорившихся городов и крепостей и манифесты о счастливых приобретениях императора для его подданных¹. Такое положение было очень выгодно для будущего историка своего времени, потому что ставило его у самого фокуса, к которому сводились все жизненные силы Византийской империи и все нити ее внешней политики. Насколько воспользовался Акрополит этим своим положением для своей летописи, увидим после. Вдвинутый судьбой в сферу придворной жизни, он не выходил уже из нее до самой смерти. Разлагающее влияние этой сферы выразилось в той гибкости, которую он в последние годы жизни обнаружил в своих религиозных и политических убеждениях.

Кроме указанных нами официальных занятий по должности императорского секретаря, на Акрополита возлагались другие более или менее важные поручения, свидетельствующие о высокой благосклонности и доверии к нему императора. Так, он был отправлен в числе четырех знатных посланников к деспоту Михаилу из рода Ангелов для заключения с ним брачных условий и дружеского союза по поводу предполагавшегося брака внучки императора Марии с сыном деспота Никифором². Был также включен императором в число судей во время знаменитого процесса над Михаилом Палеологом³. Но доверие императора к своему питомцу шло гораздо дальше: он разделил между ним и его бывшим наставником Влеммидом почетный труд преподавания философии своему сыну и наследнику Феодору {9} Ласкарису, который был моложе Акрополита девятью годами⁴. Это занятие сблизило Акрополита с преемником Иоанна и завязало между ними ту короткость во взаимных отношениях друг к другу, которой

---

¹ Летоп. гл. 45.

² Лет. гл. 49.

³ Там же, гл. 50.

⁴ Лет. гл. 50.

Акрополит справедливо мог гордиться¹. Таким образом, положение его при дворе императорском было уже очень прочно, когда в 1255 году 3 ноября скончался император Иоанн Дука. Акрополиту было тогда 42 года. Преемник Иоанна, бывший воспитанник Акрополита Феодор Дука Ласкарис продолжал оказывать своему бывшему наставнику благосклонность и милости своего отца. Верных указаний не сохранилось, но не без вероятности можно предполагать, что вскоре по вступлении на престол Ласкариса Акрополит был почтен важным саном великого логофета. Предполагать так заставляют те новые занятия и поручения, которые вскоре по воцарении Феодора выполняются Акрополитом: принятие иностранных послов, ведение переговоров с ними, ратификация договоров и другие занятия, входившие прямо в круг должности великого логофета. К чести Акрополита, нужно сказать, что все эти поручения исполнялись им с полным знанием дела и добросовестно в отношении к своему государю, которому он был верен до самой смерти, несмотря на жестокую размолвку между ними² и сильные искушения, которые представлялись верности великого логофета со стороны разных лиц и обстоятельств³. Во время похода императора на восток, оставленный им в качестве наместника императорского в западных областях {10} империи, с титулом претора и с полномочной властью над всеми военными и гражданскими чиновниками тех областей⁴, Акрополит вполне оправдал эту безграничную доверенность императора и сделал все, что было в его средствах, для сохранения вверенных ему провинций. Он не запятнал своей чести и тогда, как крайняя скудость средств обороны, бывших у него под руками, и измена жителей Прилапа предали его в руки деспота Михаилу, который, несмотря на близкое родство свое с императором, старался поживиться на счет его провинций, пользуясь его отсутствием. По варварскому обычаю того времени, пленников⁵, обложенных тяжкими цепями, в отвратительных рубищах и босиком, несмотря ни на какую погоду, гоняли из одной крепости в другую, как стадо скота, с побоями и всевозможными поруганиями. Для вероломного деспота был особенный интерес иметь в своих руках императорского наместника и, если возможно, склонить его на открытую измену императору, потому что пленник очень многое знал в делах своего государя и по своему высокому посту пользовался большим нравственным влиянием на чиновных и нечиновных подданных императора, так что его пример мог увлечь за собою очень многих и во всяком случае морально подкреплял партию деспота. Поэтому-то Михаил решился даже на клятвопреступление, чтобы овладеть Акрополитом, и не щадил ни льстивых обещаний, ни угроз, ни действительных истязаний, чтобы склонить {11} своего пленника к измене. К довершению несчастья, император Феодор, «руководясь», как выражается сам Акрополит, «обыкновенными человеческими соображениями», думал, что Акрополит добровольно передался возмущившемуся деспоту из личной мести за нанесенную ему недавно обиду. Поведение Акрополита в плену оправдало его в глазах императора, и Феодор, уверившись в неизменной верности к себе своего наместника, велел сделать опись его имуществу, чтобы оградить оное от расхищения. Вскоре за тем последовавшая смерть императора (1259 г., в авг.) не позволила ему сделать что-нибудь больше в пользу великого логофета. Целых два месяца еще пришлось ему томиться в темнице Михаила. Это были самые трудные минуты в жизни нашего историка и в то же время самые светлые. Личность его выставляется здесь в самом выгодном свете.

Смерть императора Феодора сопровождалась отвратительными, но, к несчастью, очень обыкновенными в тогдашней византийской истории явлениями. Покойный император, страдавший какой-то непонятной природною болезнью, предчувствовал, что ему недолго жить на свете, а потому заблаговременно принял меры к обеспечению престола за своим сыном, которому в год смерти отца не было полных и 8 лет. С этой целью он составил завещание, которым передавал престол сыну своему, а до совершеннолетия его делал правителем государства любимца своего протопреставителя Музалона, главным же опекуном своего сына назначил патриар-

---

¹ Там же, гл. 58.

² Лет. гл. 50.

³ Там же, гл. 71, 72.

⁴ Там же, гл. 68.

⁵ Плен разделяли с ним десятка два его конвойных, сдавшихся вместе с ним на честное слово Михаила, скрепленное клятвой, что они вместе с господином будут немедленно отпущены к императору Феодору.

ха Арсения. Это завещание было обнародовано императором незадолго до своей смерти, и все подданные дали присягу верности назначенному наследнику и признали как протовестиария, так и патриарха в их новых званиях. {12} Тотчас же после смерти императора эта присяга была снова повторена. Казалось бы, что права законного наследника были вполне обеспечены; но, к сожалению, только казалось. На самом же деле едва только закрыл глаза Феодор, как начала зреть самая черная интрига сначала против назначенного императором правителя Музалона, а потом и против малолетнего Иоанна. Дело в том, что в рядах родовой аристократии было много завистников Музалону, который был homo novus и возвысился до первой должности в государстве единственно своими личными достоинствами. Гордость аристократов была глубоко уязвлена этим возвышением темного плебея. Это с одной стороны. С другой, в рядах той же аристократии было много лиц, справедливо или несправедливо обиженных покойным императором. Воспитанный вне всяких родовых предрассудков, император Феодор не обращал никакого внимания на происхождение и ценил людей только по их достоинствам. Вследствие такого взгляда императора на людей ряды аристократов начали постепенно редеть и замещаться людьми, выслужившимися из низкой доли. Кроме потери места и соединенных с ним выгод, многим из опальных пришлось еще поплатиться или увечьем, или лишением свободы. Император, мучимый своей болезнью, часто был раздражителен и поступал иногда с виновными или подозреваемыми в вине аристократами очень круто. Таким образом, в их душах накопело много горечи против императора и возвышенных им лиц. Но пока жив был Феодор, злоба обиженных или считавших себя обиженными аристократов должна была прятаться под личиной смиренной покорности;— а лишь только он умер, как все аристократы, и обиженные, и не обиженные {13} ные, дали полную свободу своей ненависти и составили грозную коалицию против регента государства. Подкупленные ими шайки итальянских наемников с шумом ворвались в церковь Сосандрийского монастыря, где правитель вместе со своим братом и всеми придворными чинами совершал панихиду по умершему государю на девятый день после его смерти, и изрубили в куски обоих Музалонов, которые тщетно искали спасения в святом алтаре. Это злодеяние было только началом отвратительной драмы вероломства и бесчеловечия, которая кончилась низвержением царствующей династии и утверждением на византийском престоле новой династии — Палеологов.

Наш историк сказал только несколько слов о темной интриге аристократов, кончившейся убийством Музалонов и воцарением Михаила Палеолога. Он имел на это свои причины, как увидим ниже. Но мы не имеем оснований уважать этих причин и в интересе исторической истины должны выдвинуть вперед скрытые нашим историком факты. Они объяснят нам многое в странной, на первый взгляд, метаморфозе, которая произошла в политических и религиозных убеждениях великого логофета вслед за смертью Феодора.

Было бы делом совершенно лишним доказывать, что двигателем темной интриги аристократов против Музалона был Михаил Палеолог. Стоит только прочесть правдивый, хотя несколько растянутый рассказ Пахимера об этой интриге, чтобы не сомневаться в этом ¹. {14} Между тем этот человек приходился по жене двоюродным племянником императору Феодору и дядей правителю Музалону. Противоестественность злодеяний, совершенных Палеологом над своими родственниками — сперва Музалоном, а потом и над малолетним Иоанном,— требует нескольких объяснительных слов. Отношения Палеолога к царствующему дому давно уже были очень натянуты. Вот причина этой натянутости. Какой-то досужий пророк, каких немало было в то суеверное время, предсказал, что Михаил будет некогда императором. Мы не думаем, чтобы Палеолог серьезно верил этому предсказанию, хотя бы оно опиралось и на бо-

---

¹ Замечательно, что молва народная прямо винила Палеолога в убийстве Музалонов. Пахимер так передает толки и суждения народа об этом предмете: «Подстрекать их (итальянских наемников) к тому (к убийству Музалонов), как многие говорили, имел причину начальник этой фаланги (Палеолог, бывший тогда великим коноставлом), который, когда его воины и прежде раздражены были против них, теперь же воспламенены и более не связывались страхом, но сами грозили ужасами,— возбуждал их решиться на убийство, как на дело благовременное. И эту молву оправдали последствия, потому что те воины, как иноплеменники, большей частью пришлецы, без возбуждения на то не отважились бы; если же было так, что отважились, самая необходимость заставляла подозревать вождя их. Пахимер Истор. Мих. и Андр. Палеол. кн. 1, гл. 8 по рус. перев.

лее толковых основаниях ¹, потому что имеем причины думать, что он ничему серьезно не верил. Но зато он не мешал этому предсказанию ходить в суеверной массе народа и лицемерно возводил глаза к небу, когда кто-нибудь стороной или прямо упоминал при нем об этом предсказании. Вообще, это был отличный актер, мастерски входивший в свою роль и редко себе изменявший. Как бы то ни было, но это темное предсказание поставило его в очень щекотливое отношение к царствовавшему дому и послужило источником постоянных недоразумений между ним и царствовавшими императорами {15} и серьезных неприятностей для Михаила. Опираясь на это предсказание, искательные люди делали один за другим доносы императорам на Палеолога, что он имеет виды на престол. Мы уверены, что эти доносы в своих фактических основах были ложны; но в то суеверное время трудно было опровергнуть донос, имевший за себя пророчество. Поэтому доносам верили, и Палеолог благодаря им бывал и в темнице, и в ссылках и эмигрировал за границу, чтобы спасти свою жизнь и пр. Доставалось и его семейству. Все это, конечно, не могло питать в нем расположения к своим венчанным родственникам. Между тем эти последние, несмотря на суеверные опасения за свою династию, были слишком совестливы, чтобы отделаться от ее мнимого или истинного врага какой-нибудь решительной мерой. Судя о нем по себе, они считали вполне достаточной гарантией неприкосновенности своих династических прав клятву Михаила, что он не будет никогда добиваться престола. Эту клятву неоднократно заставляли его произносить, обставляя ее большой торжественностью. Эта доверчивость была большой ошибкой со стороны Дук, потому что Михаил давно уже в душе ненавидел их и ждал только случая, чтобы выместить им все испытанные им от них неприятности, и дождался...

Под такими влияниями развивалась и зрела в душе Палеолога преступная мысль отнять престол у законного наследника. Против же Музалонов собственно он ничего не имел. Они были виноваты перед ним только тем, что стояли у него на дороге к престолу. И он постарался отодвинуть их, хотя бы то и руками наемных убийц. Над средствами этот человек никогда не задумывался, лишь бы они вели его к предположенной цели. {16}

Наш историк находился еще в плену у Михаила Ангела, когда разыгрывалась кровавая драма с Музалонами и когда Михаил Палеолог прокладывал себе путь к престолу. Палеолог, бывший в родстве с Акрополитом ², поспешил отправить к деспоту посла для переговоров насчет освобождения великого логофета. Посольство не имело успеха благодаря упрямству деспота. Но смысл этого факта не пропал ни для той, ни для другой стороны. Палеолог этой любезностью успел закупить в свою пользу великого логофета, который в свою очередь, избавившись из плена благодаря счастливому случаю, поспешил поблагодарить нового императора за родственное участие в своей судьбе. Когда он возвратился в Никею, дела были в следующем положении. Было два императора — восьмилетний Иоанн и Михаил Палеолог. Последний был соправителем первого и, согласно соборному определению, призвавшему его к этому сану, должен был передать все права царской власти своему юному товарищу по достижении им совершеннолетия. В этом {17} дал он клятву перед Собором. Но опытный взгляд великого логофета сейчас же понял, чем кончится это искусственное отношение между императорами. Михаил слишком ясно проводил свои виды даже и не для такого опытного глаза. Малютке императору оставлены были его детские игрушки, которыми он мог забавляться сколько душе угодно. Но от него были удалены все более или менее влиятельные люди, которых подозревали в сочувствии к его интересам. Некоторые из этих людей пошли в ссылку, другие поплати-

---

¹ Об этом предсказании и толках на его счет в тогдашнем обществе, смотр. у Пахимера истор. Михаила и Андр. Палеол. кн. I, гл. II.

² Степени этого родства мы определить не можем, потому что Акрополит, сам указавший на это родство, выразился на этот счет очень неопределенно (Л. гл. 79). Мы, впрочем, не придаем этому обстоятельству большой важности, потому что Палеолог несколько не ценил, как мы видели, самых кровных уз и не задумывался разбивать их, когда находил это полезным для себя. И потому нам кажется наивным уверение Акрополита, будто просьбы его жены — родственницы Палеолога — заставили этого последнего принять участие в его положении. Предлогом для Палеолога вмешаться в дело Акрополита, может быть, были просьбы жены последнего, но в существе дела умысел другой тут был: Палеолог драпировался в родственные чувства, чтобы вернее втянуть в свои замыслы своего даровитого родственника, и не замедлил бы — мы уверены в этом — сбросить с себя эту драпировку, если бы обманулся в своих расчетах. Бескорыстные увлечения не были известны этой черствой, глубоко эгоистической натуре.

лись жестоким увечьем, лишением свободы, прав, имущества. Иные не устояли и продали себя Михаилу. В торжественных процессиях, в общих собраниях, в совете о делах государства малютку императора или совсем забывали, или давали ему место в тени. Печально смотрел дворец его предков: скучную и томительную жизнь вели в нем сироты ¹. Воздух был тяжел вокруг них и обещал разразиться бурей.

Наш историк видел все это и понял, что дело последнего Ласкариса погибло и что перед ним самим встает грозная дилемма — или объявить себя за это дело и погибнуть вместе с ним, или отступить от него и продать себя, подобно многим другим, счастливому узурпатору. В первом случае он рисковал жизнью, во втором — совестью. Не знаем, колебался ли великий логофет в выборе посылок и следствий этой дилеммы. Знаем только, что, представившись новому императору с заявлением благодарности и верноподданнейших чувств, он не явился к его товарищу, законному наследнику Дук и Ласкарисов, как можно бы было ожидать от него — старого питомца и слуги их дома, приретенного им, вскормленного и выведенного в люди.

Вскоре за тем последовало ослепление и заключение в крепость малютки императора. Принимал ли и какое именно участие в этом новом злодеянии Палеолога Акрополит, мы не знаем. Но по той торопливой услужливости, с какой он в день торжественного вступления Палеолога в отнятый у латинян царь-град в свою речь по случаю освобождения города ввел приглашение императору сделать участником своей власти двухлетнего сына Андроника, когда еще пользовался всеми правами этой власти законный наследник Дук и Ласкарисов, можно догадываться, что великий логофет со своим усердием к интересам новой династии забегал дальше, чем сколько желалось бы для чести человеческой природы ².

На этом последнем факте обрываются сведения, сообщаемые о жизни Акрополита его собственной книгой. И нужно сказать правду, наш историк вовремя прервал рассказ свой о себе. То, что сообщают о дальнейшей его жизни и деятельности другие, так мало дает ему чести, что лучше он ничего не мог сделать, как пройти молчанием этот последний период своей жизни.

Со вступлением на престол Михаила Палеолога деятельность великого логофета в качестве первого министра этого государя входит в такие широкие и сложные сочетания с политикой последнего, что мы находим нужным здесь наметить главные пружины этой политики, чтобы дать своим читателям ключ к пониманию и оценке этой деятельности.

Политика Михаила, внутренняя и внешняя, определялась особенностями его положения и некоторыми случайными внешними обстоятельствами. Заняв похищенный престол, Михаил прежде всего стал в очень щекотливое и двусмысленное отношение к Церкви. Как мы сказали, Церковь возложила на него императорский венец под условием, чтобы этот венец вместе с властью был передан законному наследнику по достижении им совершеннолетия. Обязывая к выполнению этого условия торжественной клятвой, она тем самым брала на себя гарантию личности и прав Иоанна. Устранив от престола и лишив зрения законного наследника, Палеолог поругался и над личностью и правами Иоанна, и над своей клятвой, и над поручительством Церкви. Такой поступок прямо подвергал его церковному отлучению. И действительно, это отлучение было произнесено тогдашним патриархом Арсением, который был, как мы сказали, главным опекуном малолетнего Иоанна и защитником его прав. В то же время бесчеловечный поступок Палеолога с Иоанном вызвал несколько внутренних смятений и бунтов и послужил поводом к появлению слепцов самозванцев, принимавших на себя имя Иоанна и мутивших народ. Если к этим внутренним затруднениям присоединим то одиночные, то дружные восстания против императора разных деспотов, севастократоров, латинских князь-

---

¹ Печальное одиночество Иоанна разделяли с ним две родные сестры его, уже совершеннолетние. Михаил Палеолог впоследствии выдал их замуж по политическим расчетам одну за итальянца, другую за француза (графа Вентимиллия) и выслал их вместе с мужьями за границу.

² Знаменательно в этом отношении слова самого Акрополита: «В заключении слова (на освобождение Константинополя) было сделано приглашение императору-отцу сделать участником своей власти и первородного сына Андроника Палеолога. *Это было тайною для многих, и особенно принадлежащих к Синклиту, которым и в голову не приходило подобное дело.* Занимавшие высшие места из наших, как-то: деспот Иоанн, брат императора и тесть его севастократор Торникий,— *не зная цели и значения этого требования,* принуждали императора выслушать это слово; а императору это было чрезвычайно неприятно, потому что солнце склонялось уже к полудню и настало время обеда» (гл. 89).

ков Ахайи и Пелопоннеса, грозные движения татар, двусмысленное отношение к Болгарии и в высшей степени натянутые отношения к Западной Европе, то положение Михаила Палеолога на похищенном престоле обозначится перед нами довольно ясно.

Несмотря на сложность и запутанность всех этих внутренних и внешних отношений, Михаил Палеолог со своим министром поняли главную задачу своей внутренней и внешней политики очень просто. Эта задача — давить всех, кого можно, и обманывать, подкупать, интриговать всех, кого нельзя. Иногда эти два противоположных приема шли отдельно, иногда вместе, смотря по обстоятельствам.

Начать с Церкви. Когда всевозможные обещания, ласки, даже унижения перед патриархом Арсением¹ не доставили Михаилу просимого им церковного разрешения, то он решился действовать открытым насилием. При помощи страшно бессмысленного доноса, поданного на Арсения одним клириком, по желанию императора от Арсения отделались и послали в заточение². Но избранный ему преемником Герман, на которого Михаил Палеолог возлагал большие надежды в деле примирения своего с церковью, оказался слишком добросовестным для роли, которую назначал ему император. Гибкий духовник императора Иосиф помог ему отделаться и от этого {21}го патриарха³. На престоле двух низверженных патриархов очутился сам Иосиф, и желанное разрешение было получено Палеологом. Михаил ликовал. В избытке душевной радости он вспомнил даже о несчастном Иоанне и велел кормить его лучше! Но радость его была возмущена самым неожиданным образом. Общественная совесть оказалась вовсе не так створчивой, как совесть его духовника — патриарха. Поднялся глухой ропот и на императора, и на его верного слугу — Иосифа. Монахи разных монастырей, как более других восприимчивые к оскорблениям нравственного чувства, отказались иметь общение с Иосифом и открыли против него настоящую пропаганду в народной массе⁴. В интересах императора и патриарха было подавить эту неприятную пропаганду и успокоить или запутать общественную совесть какой-нибудь решительной мерой. По общем совещании было положено передать дело беспокойных {22} монахов великому логофету. Как же отнесся он к этому делу? А вот как: «Приведя их в свой дом, он подвергал их жестоким истязаниям: сек, держал на весу, бил, почетнейших между ними бесчестил и, как людей бесчестных, торжественно водил по площади,— причины же к наказанию представлял самые постыдные и вымышленные. После того эти лица, по своей жизни и званию пользовавшиеся уважением, испытав горькое бесчестие, сосланы были в ссылку и таким образом лишены земли и всего земного». На многое же был способен наш великий логофет!

Но бесчеловечные жестокости были потрачены даром. Общественная совесть, правда, была запугана, но глубоко болезненно отозвались на ней возмутительные истязания монахов. Боль спряталась внутрь и ждала только случая, чтобы развиться с новой силой. Случай этот не замедлил представиться.

Параллельно с этими собственно церковными смутами шли, как мы сказали, смуты чисто политические. Они производились, как мы тоже заметили, во имя ослепленного Иоанна и вызвали правительство на новые жестокости. А новые жестокости усиливали старую боль и делали ее более раздражительной.

---

¹ Пахим. кн. III, гл. 19.

² Там же. кн. IV, гл. 3.

³ Пахим. кн. IV, гл. 18.

⁴ Согласно духу времени, протест оскорбленного нравственного чувства выразился в форме канонической. «Они (монахи) говорили,— слова Пахимера,— что Иосиф более виноват, чем его предшественник, потому что Герман оскорбил Арсения только тем, что не уважил отлучения, положенного на царя патриархом,— уважив оное, он не принял бы отлученного в духовное сыновство. Монахи Пантепонтского монастыря поэтому смело и дерзко отвергали Иосифа и противились ему, как патриарху отлученному. А отсюда делали они еще дальнейшие заключения: Иосиф взялся, говорили, разрешить неразрешимое и через то подвергся вине сугубой; так что разрешитель не только не разрешил отлученного, но теми же узам связал и самого себя. Таким словам придавали они убедительность как важностью своих лиц, так и сочувствием Иосифу в том отношении, что и он также ревновал о патриархе (Арсении), и радовались, когда при перемене обстоятельств слышали, что он сидит на, патриаршем престоле». Пахимер Истор. Михаила и Андр. Палеологов книга IV, гл. 28, стр. 290 по русскому переводу.

Восстания разных деспотов, севастократоров, латинских князьков Ахайи и Пелопоннеса пришлось подавлять тоже силой. Болгария, на престоле которой была дочь покойного императора Феодора Ласкариса и сестра ослепленного Иоанна, сразу же по ослеплении этого последнего стала в угрожающее положение к империи и держала ее постоянно настороже. Так же точно относились к ней и страшные тогда татары. Тут силой уже ничего нельзя было сделать — пришлось прибегать к хитростям {23} и потому пущены были в ход подкупы, брачные союзы, клятвы, обещания и прочие более невинные проделки ¹.

В таком положении были дела в Восточной империи, когда пришла туда весть о грозных приготовлениях сицилийского короля Карла против Константинополя. Это был тесть изгнанного незадолго перед тем из Константинополя латинского императора Балдуина и готовился возвратить своему зятю потерянный престол. Михаил заранее предвидел грозу с этой стороны, он был уверен, что Запад не простит ему легкого отнятия Константинополя, которым владел 58 лет, и заранее принимал меры отклонить от себя опасность. Крестовые походы были еще у всех в памяти. Хорошо зная, где находится заправляющая сила этих походов, Михаил тотчас же по вступлении в Константинополь отправил посольство к папе с целью смягчить тяжелое впечатление, произведенное на Западную Европу изгнанием латинян ². Вслед за этим посольством отправлено было другое ³, за другим — третье. Это последнее было вызвано уже прямо воинственными приготовлениями Карла и, по всей вероятности, не имело бы успеха, как и два первые, если бы, к счастью Михаила, не умер {24} Климент IV, большой почитатель сицилийского короля, многим ему обязанный, и на папский престол вступил Григорий X. Это был старинный знакомый Михаила по Сирии, где он жил до тех пор под именем Феальда. Но что особенно важно было для Палеолога, так это именно то, что новый папа имел добрую, мечтательную натуру, искренно желал соединения Церквей (ловушка, на которую хотел поддаться Палеолог предшественника Григориева) и от души желал этого соединения ⁴. Обмануть такого папу ничего не стоило такому ловкому интригану, как Палеолог. И действительно, новый папа, знавший о сношениях Михаила со своим предшественником и об условиях, на каких велись или по крайней мере предлагались эти сношения, вскоре по вступлении своем на престол первый отправил посольство к греческому императору с извещением о своем вступлении и предложением мира и единения между Церквами. Палеолог ожил. Противник его Карл был теперь обезоружен. Но, отклонив одно затруднение, Михаил наткнулся на другое. Затруднение это состояло в том, как провести в Греческую Церковь и общество мысль о соединении с Латинской Церковью, особенно на тех условиях, на каких затевал он ⁵. Религиозная вражда Востока к Западу, усиленная за последние двести {25} лет неистовствами крестоносцев на Востоке и последним пятидесятивосьмилетним владычеством латинян в Константинополе, была ему очень хорошо известна. Натянутое отношение свое к Церкви, как отлученного, и к обществу, как похитителя престола, он тоже хорошо сознавал. При таких обстоятельствах трудно было проводить и менее смелую затею. Но он зашел уже так далеко, что отступить было поздно. Раз став на ложную дорогу, Михаил уже не мог сойти с нее и должен был путаться в собственных интригах.

¹ Смотр. Пахимера кн. V, гл. 3, 6 сн. IV. гл. 4.34 и 35 сн. Григ. Рим. Исто. кн. V, гл. 2. 6.

² До того раздражена была гордость латинян отнятием у них Константинополя, что в Риме с одного из послов разъяренная толпа с живого сняла кожу; другой успел убежать. Пахим. кн. II, гл. 36.

³ Пахимер, впрочем, дает понять, что между первым и третьим (по нашему счету) было отправлено к папе одно посольство. Вот его слова: «Он (Палеолог) часто отправлял посольства к папе и сопровождал их дарами». Если только слово *часто* не указывает на короткий промежуток между вторым и третьим посольствами. Мы считаем только два посольства до вступления на престол Григория X, потому что ясно говорится только о двух и у самого Пахимера.

⁴ Мы говорим так, полагаясь на свидетельство Пахимера, который вовсе не был расположен льстить римскому первосвященнику. «Когда Григорий через фрериев объявил об этом (предложении мира и единения между Церквами) державному (Палеологу), тотчас же оказалось, что последний искал мира, боясь только Карла; а если бы этой боязни не было, то ему и на мысль не пришло бы говорить о мире — напротив, Григорий главным делом почитал самое благо мира и единения Церквей» (Пахим. кн. V, гл. 11).

⁵ Первенство папы, право апелляции на его имя и провозглашение его имени при богослужении. Пах. кн. V, гл. 20; Григ. кн. V, гл. 11.

Все факты внутренней политики Михаила показывают, что он невысоко ценил мнение и настроение своих подданных. Этот человек был избалован своими невероятными успехами и привык презирать свой бесхарактерный, невежественный и продажный народ. По крайней мере, иначе нельзя понять той изумительной смелости, с какой он решился навязать Восточной Церкви и государству ненавистную им унию. И обстоятельства показали, что он не ошибся в своих расчетах. Правда, шуму вышло много, но Михаил и не пошатнулся на похищенном престоле.

Папские послы приняты были великолепно.

Великий логофет поручил особенную инструкцию — морочить глаза дорогим гостям. И действительно, он повел дело ловко — зорко следил за всеми движениями православного населения столицы. Агенты его сновали повсюду и предупреждали его насчет готовящихся демонстраций. Получая от них верные донесения, он накрывал заранее подозрительных людей и разделялся с ними в духе того времени. Во время прогулок папских послов по городу, особенно во время посещения ими православных храмов, предусмотрительный министр Палеолога очищал {26} заранее все эти места от подозрительных людей и наполнял их продажными ревнителями унии.

Но это странное мороченье не могло же продолжаться в бесконечность. Послы хотели, наконец, добиться толку во всей этой комедии. Нужно было удовлетворить их требованию. Подготовив наперед патриарха и архиереев, Михаил открыл в Константинополе Собор из личного духовенства для рассуждения о папском предложении. Против ожидания, и на предварительных конференциях, и на заседаниях Собора Михаил встретил со стороны патриарха — своего прежнего верного слуги — и прочих архиереев такой отпор, что принужден был закрыть Собор. Это, впрочем, не заставило его ни на шаг отступить от своего намерения. Оставив разделку с ревнителями православия до более благоприятного времени, он озаботился теперь со своей стороны отправить торжественное посольство к римскому первосвященнику с приветствиями, обещаниями и великолепными дарами для папы и кардиналов. Посольство состояло из духовных и светских сановников. Во главе первых стоял бывший патриарх Герман, во главе последних — великий логофет Акрополит. Потеряв половину своих спутников и драгоценностей, назначенных для папы и кардиналов во время бури, духовные сановники вместе с великим логофетом прибыли в Рим, были приняты радушно папой и пробыли там весну и лето. Это было в 1273 году. В следующем, 1274 году для рассуждений по вопросу о соединении Церквей папа назначил Собор в Лейдене, куда приглашено было и греческое посольство.

В одной западной хронике того времени подробно описана история Лейденского собора. Мы позаимствуем из нее только то, что имеет прямое отношение к греческому посольству. {27}

«В том же году (1274), — повествует анонимный летописец, — того же месяца (июня) в 24 день прибыли послы греческого императора. Имена их записаны в грамоте на имя папы. Все прелаты, бывшие на Соборе вместе со своими свитами, камергер (Camerarius) папы со всем папским двором, вице-канцлер и все секретари (notarii) и все кардиналы вышли им навстречу и с честью проводили их до самого дворца, в котором помещался папа; папа, стоя в сенях дворца со всеми кардиналами и прелатами, с честью принял их, дав им лобзание мира. Послы представили здесь грамоты греческого императора, запечатанные золотыми печатями, и несколько писем от архиереев (греческих) и сказали государю папе (domino Papaе), что они пришли засвидетельствовать всевозможную покорность (omnimodam obedientiam) Святой Римской Церкви и признать веру, которую содержит эта церковь, и первенство ее (primatum ipsius)».

Затем через несколько строк: «Того же года и месяца в пятницу, в день св. апостолов Петра и Павла, было четвертое заседание, в присутствии упомянутых послов греческого императора, которые занимали места после кардиналов по правую сторону от места, на котором восседал государь папа с кардиналом-диаконом». Опять через несколько строк: «Государь папа обратился к Собору с речью, в которой указал на три упомянутые причины созвания Собора и сказал, как, против всеобщего ожидания, греки по доброй воле (libere) пришли с покорностью к Римской Церкви, исповедуя веру (profitendo fideм) и признавая первенство ее (recognoscendo primatum illius) и не требуя ничего временного (nihilque temporale quaerendo); насчет чего очень сомневались (de quo multum dubitabatur)». {28}

За тем несколько ниже: «Когда были прочитаны грамоты (греческого императора), один из вышереченных послдов, именно логофет, сказав предварительно, что он имеет на то, что делает, именное повеление своего государя (что может — если то угодно будет государю папе — подтвердить клятвой на свою душу, *iurare posset in animam suam*), потом в силу этого повеления торжественно объявил, что вышереченный император и его империя содержат исповедание Римской Церкви, которое прочитано было на Соборе, и что они будут хранить оное постоянно (*perpetuo servaturos*) и никогда не отступят от оногo, как в форме клятвенного обещания полнее изложено (*ut in forma iuramenti plenius continetur*)».

Вот форма этого клятвенного обещания:

«Я, Георгий Акрополит, великий логофет, посланник государя императора (*domini imperatoris*) греческого Михаила Дуки, Ангела, Комнина, Палеолога, имея от него полномочие на нижеписанное, от всякой схизмы клятвенно отрицаюсь и подписанное изложение единения веры (*subscriptam fidei unitatem*) в том виде, как оно было вполне прочитано и верно изложено (*prout plene lecta est et fideliter exposita*), от имени реченного государя моего признаю истинной, святой, кафолической и православной верой; ее приемлю и сердцем, и устами исповедую и обещаю, что эту веру, как истинно содержит ее, верно учит и проповедует Святая Римская Церковь, он (император Михаил) будет ненарушимо хранить и от нее никогда не отступит и никаким образом не уклонится и не совратится (*nec ab ea ullo unquam tempore recessurum, vel quoquo modo discrepaturum vel deviaturum promitto*). Равным образом и первенство Св. Римской Церкви, как изложено в предыдущих пунктах {29} (*prout in praemissa serie continetur*) относительно должного повиновения сей церкви, именем его и своим собственным, по доброй воле (*spontaneus veniens*) за него и за себя исповедую, признаю, допускаю и добровольно приемлю (*accepto, ac sponte suscipio*); и что все вышеизложенное как относительно истин веры, так и относительно первенства Римской Церкви он (Палеолог) будет признавать, допускать, принимать, соблюдать и крепко содержать, настоящим моим клятвенным обещанием *corporaliter* на его и свою душу обещаю и закрепляю (*confirmo*). В чем да поможет ему Бог и сие святое Божие Евангелие».

Пока гибкий министр Палеолога от его имени так бесцеремонно продавал Греческую Церковь папе, его августейший патрон готовил иерархию и народ к признанию этой возмутительной продажи. Он начал с патриарха. Мы заметили выше, что Иосиф энергически сопротивлялся первым попыткам императора склонить его вместе с Собором на унию. Подкрепляемый некоторыми своими приближенными, он теперь сделал еще один очень решительный шаг, которым окончательно отнимал у себя возможность к соглашению: разослал окружные послания ко всем восточным епископам, предостерегая их от затеваемой императором унии. Эта мера, которую патриарх привел в исполнение тайно, очень раздосадовала Палеолога; но он затруднялся употребить насилие в отношении к своему бывшему духовнику, поверенному всех своих тайн, человеку, которому он был много обязан. И потому Палеолог пошел на сделку. Пригласивши к себе патриарха, он, по обыкновению, прежде всего расплакался перед ним, рисуя свое трудное положение ввиду угрожающего За- {30} пада, потом предложил ему такое условие: если послы его возвратятся от папы с унией, то патриарх добровольно откажется от престола; а если предполагаемая уния не состоится, то Иосиф останется на занимаемом им престоле. До решения же дела патриарх будет жить в Перивлетской обители, пользуясь всем своим содержанием и сохраняя обычное право провозглашения его имени при богослужении¹. Волей-неволей патриарх принял это условие. Уладив с ним, император обратился к епископам. По обыкновению, он начал с ласк и обещаний. А когда они ни к чему не повели, то приступил к мерам строгости. «Имена противников унии начали описывать, а для них самих готовили суда, чтобы отвезти их в изгнание. И на одних приготовлениях дело не остановилось, а некоторым и действительно пришлось отправиться в ссылку. Мало того, для того чтобы запугать духовных, некоторые духовные лица, более других противившиеся унии, были подвергнуты жестоким поруганиям»². Эти меры наконец подействовали. «Ви- {31} дя висящую над собой опас-

¹ Пахим. кн. V, гл. 17, стр. 354.

² О характере этих поруганий можно составить себе понятие по следующему рассказу Пахимера: «Не прошло еще года после того, как поднятый вопрос о соединении (Восточной Церкви с Западной) всколебал души восточных христиан. Царь, пользуясь нисколько не приличными ему доносами, услышал

ность, духовные начали умолять державного избавить их от своего гнева и водворить спокойствие, пока не возвратятся из Рима послы, но многократные просьбы не убедили его; напротив, было объявлено, что просители будут обвинены в оскорблении величества, если не будут исполнять предписанных условий. Когда же иные, боясь подвергнуться еще большему насилию, стали спасаться бегством,— царь тотчас приказал составить золотую буллу, в которой под самыми страшными клятвами уверял, что ему и на мысль не приходило употреблять насилие или каким-нибудь образом домогаться сделать к символу прибавление хотя бы то одной йоты, или черты, что он не искал больше ничего, кроме соглашения в трех пунктах: в признании первенства папы, в праве апелляции на его имя и в провозглашении его имени, да и то лишь на словах для целей государственного домостроительства, потому что в противном случае произошло бы много бедствий и пришлось бы терпеть гораздо ужаснейшее зло. Написав и подписав это объявление и скрепив золотой печатью, он посылает его в церковь через протасинкрита неокесарийца Михаила. Обеспеченные этой грамотой, архиереи подписали (предложенные условия). Правда, {32} некоторые и теперь отказались и за то сосланы в ссылку, но через несколько времени, изменив свой образ мыслей, были возвращены и присоединились к Церкви; так что из принадлежащих к клиру никто не остался в изгнании»¹. Такими средствами вымучивал Палеолог согласие духовенства на принятие унии. Между тем посольство его возвратилось и привезло с собой радость Палеологу и скорбь Восточной Церкви. Уния состоялась. Нужно было объявить ее торжественно. Согласно заключенному раньше условию, патриарх Иосиф, не хотевший принять ее, оставил престол, который объявлен был вакантным по общему приговору. После этого провозглашена была уния следующим образом: «В шестнадцатый день того же месяца (января),— когда в придворной церкви совершал литургию Николай Халкидонский,— в присутствии послов и царя прочитан был на двух языках апостол из деяний апостольских (ибо в тот день был праздник первоверховного апостола Петра, которого память празднует Церковь при положении божественных вериг), равно как и божественное Евангелие было прочитано по-гречески и римски и в свое время диакон возгласил имя папы: Григорий был назван верховным архиереем апостольской Церкви и вселенским папой»².

Жестокими смутами отозвалась эта уния в Восточной Церкви. «С того времени,— рассказывает правдивый очевидец,— дела пришли в совершенное расстройство, люди начали чуждаться друг друга, и между тем как один желал общения в божественных собраниях, другие говорили: «Не прикасайся, ниже осяжи» — и отчуждение {33} простирали до того, что не хотели ни из одной посуды пить, ни вместе разговаривать. Разделение увеличивалось с каждым днем, и с кем кто сходился вчера, от того отворачивался сегодня. Как больной желудком, подвергаясь, сверх того, какой-нибудь новой болезни, вдвойне страдает и чувствует, что первая болезнь от столкновения с другой еще более усиливается, особенно если они столь различны, что лекарство, служащее к облегчению первой, действует на другую противоположно и ослабляет больного,— так точно было тогда и с Божией Церковью. Претерпевая довольно зла от раскола арсениан, она испытывала теперь еще другое зло, и притом так, что обе эти болезни, терзавшие великое и прежде здоровое тело Церкви, когда бы стал ты рассматривать их отдельно, не только сами по себе — величайшее зло, но и не сродны одна с другой. Те самые люди,

---

уже, что ритор (учитель детей духовенства, по имени Оловол, за приверженность к Иоанну Ласкарису лишенный носа, а за сопротивление унии на Константинопольском соборе сосланный в ссылку) отказывается принять предписанное соглашение и, находя в этом удобный случай — его наказать, а нас убедить, что он стоит такого наказания,— дает приказ привести его в город в оковах и сперва подвергает жестоким и бесчеловечным пыткам, а потом устраивает следующий новый триумф: он велит надеть на шею длинные веревки сперва ему, за ним второму — Иаситу Мелию (монах, приближенный патриарха Иосифа, по совету которого последний разослал окружные послания ко всем восточным епископам, предостерегавшие их от унии) и так далее подряд до десяти человек, а на конце всех — племяннице его, как будто за чародейство; потом первых двух велел обвешать овечьими внутренностями со всеми удивившимися в них нечистотами за то, будто они непокорны царю, а ритора, сверх того, приказал постоянно бить по устам овечьими печенями и в такой торжественной процессии водить их по всему городу, около же церкви подвергать их еще большему бесчестью, угрожая через это духовным лицам и наводя на них страх». Пахим. истор. Михаил. и Андрон. Пал. кн. 1, гл. 20 по русскому перев.

¹ Пах. кн. гл. 19, стр. 365.

² Пахим. кн. V, гл. 22.

которые одинаково не согласны были со всякой другой партией, разногласили еще и между собой и способствовали умножению разделений — одни так, другие иначе, одни просто, другие с большей ревностью. Кто может достойно оплакать тогдашнее состояние Церкви, когда всякое беззаконие отступников считалось ни во что и когда казалось гораздо выгоднее принять соглашение, нежели находиться в церковном общении? Впрочем, не все, что делалось тогда дурного, было объявляемо: многое, совершавшееся втайне, оказывалось злом еще большим. Люди бедные были подкупаемы щедрыми подарками злонамеренных и, увлекаясь ими, молчали. Когда же говорившие были злонамеренны, а слушавшие — просты и необразованны, тогда толки говоривших казались достойными вероятия. Человеку необразованному благоразумие не позволяло рассматривать дело, но внушало спасаться, не вдаваясь в {34} эти хлопоты. А кто под предлогом утверждения себя в вере тронул бы и поднял известный вопрос — тот ох какой бы получил насморк! Но если, напротив, начинали в чем-либо убеждать его самого — он должен был слушать скромно, показывая вид, что далее лопаты, заступа да насущного хлеба ничего не знает. Многие находили тогда многих и такими (ибо мое слово касается не всех), что они знали, в чем состоит разногласие Церквей, знакомы были с историей, читали писания, понимали важность обвинений, которыми одна Церковь преследует другую, и, однако же, пользовались обстоятельствами не меньше умеренно, как и осторожно, — это было хуже самого раскола. Может быть, надлежало бы им столько разногласить со своими, сколько в недавнем времени разногласили они с итальянцами; однако же иные и тогда, по нужде, как говорили, имея с ними общение, отделялись от своих братьев, будто от заразы. Впрочем, довольно об этом. Вижу, что чувство увлекло мою речь далее надлежащего»¹.

Дальнейшая судьба этой унии на востоке не может входить в наш рассказ, потому что никто ни одним словом не проговорился насчет дальнейшего участия в ней великого логофета, хотя несомненно, что участие его в ней не окончилось с закрытием Лейденского собора. Сохранилась коротенькая заметка у Пахимера насчет неожиданной неприятности, которую встретил Акрополит по возвращении на родину: его единородный сын отказался принять привезенную отцом унию и за это подвергся опале при дворе. Можно приблизительно гадать о чувствах старого честолюбца, пожертвовавшего всем для {35} возвышения и укрепления своего дома и испытывавшего крушение всех своих надежд ввиду близкого их осуществления.

Но если имя великого логофета исчезает для внутренней истории унии, то не исчезает еще для истории внешней политики Михаила. Еще раз старый политик отправляется послом — теперь к болгарскому царю Иоанну с предложением ему руки третьей дочери Палеолога, Евдокии. Этим браком Михаил хотел связать руки беспокойному болгарину. Сватовство после состоялось, но на этот раз старый интриган получил гордый отказ от варвара и возвратился ни с чем к своему государю. Это было в 1282 году, в том же году Палеолог лишился своего министра, пережив его только несколькими месяцами².

Предоставляя суд над Акрополитом как над человеком и как над государственным деятелем нашим читателям, мы скажем несколько слов о его книге.

Сказать что-нибудь особенное о летописи Акрополита нельзя. Достоинства и недостатки ее суть достоинства и недостатки целой исторической школы, которую за ее механические приемы в истории можно бы назвать механической. Мы найдем здесь если не всегда подробное описание, то, по крайней мере, перечисление всех наружных примет, привычек, слабостей, добродетелей и пороков {36} византийских императоров и других владетельных особ, которых случалось видеть на своем веку историку, рассказ о войнах, победах, поражениях, переговорах, мирных трактатах, брачных союзах между государями, описание придворных чинов чуть не до последней пуговицы на их парадных костюмах, тщательные отметки, кто, когда, кем, за что и чем был награжден, наказан, обойден и проч. Но не найдем ни слова о народе, его жизни с ее светлыми и темными сторонами, с его симпатиями и антипатиями, с его нуждами и средствами

---

¹ Пахим. кн. V, гл. 23, стр. 369—371 по рус. пер.

² Михаил Палеолог умер в том самом году, в котором Акрополит ездил послом к Иоанну болгарскому. Между тем у Пахимера в первой книге «Истории Андроника Палеолога» мы читаем: «Андроник воспользовался благоразумным советом, который давали ему очень многие лица и особенно Феодор Музалон, которого отец (Михаил Палеолог) назначил великим логофетом на место умершего Акрополита». Pach. hist. Andr. Paleol. Lib 1, cap 1.

к их удовлетворению и проч. Разве говоря о каком-нибудь придворном или военном чиновнике, выслужившемся из низкой доли, автор заметит, что он происходил из мужиков, вскормлен ячменным хлебом и умеет только кричать по-мужицки, не найдем не только понимания внутреннего смысла описываемых фактов, но и чего-нибудь похожего на анализ этих фактов. Все дело историка состоит в записи этих фактов и их группировке. Таким образом, к историческим трудам такого рода и можно заявить серьезно только два требования: а) чтобы они верно передавали описываемые факты и б) не нарушали хронологической их связи.

Последнее из этих требований вполне выполнено Акрополитом. Хронологическая последовательность рассказываемых им событий нигде не нарушается. Он делает еще более, так искусно группирует передаваемые факты, что читатель постоянно видит их как на ладони и легко схватывает их взаимное соотношение. А это — большая заслуга со стороны историка XIII века. Она возвышается в наших глазах еще оттого, что время, избранное историком, представляло к тому большие за- {37} труднения. Это был период между взятием Константинополя крестоносцами и отнятием его у них греками. То был самый хаотический период во всей византийской истории. На территории, которую занимала тогда империя, явилось столько же самостоятельных государств, сколько было больших укрепленных городов. Не говоря уже о латинах, болгарах, сербах, турках, татарах, которые со всех сторон бросились захватывать себе лучшие провинции и города несчастной империи, сама она выставила столько узурпаторов, старавшихся захватить себе свою долю власти с каким-нибудь клочком земли и с громким титулом императора, кесаря, деспота, севастократора и проч., что буквально походила на бурное море, сплошь усеянное большими и маленькими островами. В таком хаосе не мудрено было потеряться историку. Но наш летописец не потерялся. В своем рассказе он сумел выдержать взаимное отношение почти между всеми лоскутками, на которые распалась несчастная империя, ни на минуту не запутывая ни себя, ни читателя сложностью этих отношений. Читая его летопись, как будто видишь перед собой распорядок и передвижение этих насильственно оторванных частей и следишь процесс из постепенного исчезновения в бывшем целом, восстановителями или, вернее, собирателями которого являются у автора императоры Феодор Ласкарис-старший, Иоанн Дука, Феодор Ласкарис-младший и Михаил Палеолог. Вероятно, автор, прежде чем взялся за перо, долго думал над планом своего труда. И действительно, его летопись со стороны своего технического выполнения представляет совершенную противоположность с историями Григоры и Пахимера, касавшихся в своих исторических трудах времени, описанного Акрополитом. {38} У них, особенно у последнего, все лица и события перемешаны в такой нестройной массе, что читатель должен употреблять большие усилия, чтобы отделить чистое зерно от шелухи. Невольно подумаешь, что авторы хотели играть в прятки со своими читателями — так часто случайное становится у них на месте существенного, главное смешивается с посторонним, басня с фактом. В отношении к этим историческим трудам летопись Акрополита может служить Ариадниной нитью, которая дает читателю возможность не заблудиться в бесконечной путанице передаваемых ими фактов.

Что же касается первого требования, то мы должны сказать, что Акрополит не вполне выполняет оное. И это тем более жаль, что он поступает так сознательно. Его рассказы о событиях при Феодоре Ласкарисе-старшем, Иоанне Дуке и Феодоре Ласкарисе-младшем вполне подтверждаются другими историками и могут быть признаны вполне справедливыми. Своими рассказами об этих императорах и их делах он поправляет даже рассказы других историков как очевидец и непосредственный участник во всех важнейших предприятиях этих государей (за исключением первого) и как человек, не имевший причин искажать истину. Но там, где он говорит о личности Михаила Палеолога, его внутренних и внешних отношениях, его делах и замыслах, там его свидетельства приходится постоянно проверять показаниями других историков. И почти всегда эта проверка ведет к открытию либо намеренной перелицовки фактов, или умышленного их умолчания. И мудрено, если б было иначе. Мы уже знаем, что здесь говорит человек партии, продавший и душу, и тело своему идолу. Мы не будем останавливаться на этих искаже- {39} ниях истины: все случаи этого искажения мы тщательно отмечали в своих примечаниях к самому тексту, а вместо того скажем слова два о литературной стороне летописи.

В этом отношении мы опять должны отдать справедливость Акрополиту. Слог в его летописи прост, ясен и точен. Длинные периоды почти не встречаются. Еще менее встречается

фраз, не идущих к делу, и риторических украшений. Только однажды он изменил себе и ударился в риторику, чтобы изобразить, как ликовала Византия при вступлении на престол Михаила Палеолога, но сам, вероятно, почувствовал всю неестественность для себя такого образа речи и поспешил прекратить его на четвертой строчке. Вообще, если позволено по слогу заключать о человеке, то это была натура положительная, с холодным сердцем и математическим умом. Как не давались ей бескорыстные увлечения, так не давался и лиризм. Предлагаемый публике перевод летописи сделан со списка Алляция, изданного в Бонне 1837 года под редакцией {40} Беккера.

СОДЕРЖАНИЕ ЛЕТОПИСИ

Почему Акрополит не хочет доказывать пользы истории. С чего начинается его летопись? гл. 1, стр. 1—2. Осада Константинополя крестоносцами, в интересах Алексея, сына ослепленного Исаака Ангела. Бегство императора Алексея, брата Исаакова, из Константинополя, гл. 2, стр. 3—5. Вступление крестоносцев в город и провозглашение императором Алексея, сына Исаакова. Кратковременное согласие между константинопольцами и крестоносцами. Непомерные требования крестоносцев и неблагоразумное распоряжение императора Исаака нарушают это согласие. Пользуясь возникшими отсюда беспорядками, протовестиарий Алексей Муртзуфлос убивает молодого императора Алексея и провозглашается императором от константинопольских граждан. Негодование крестоносцев по этому поводу. Константинопольцы высылают вон из города живших там латинян и тем усиливают ополчение крестоносцев, гл. 3, стр. 5—7. Взятие Константинополя после сорокадневной осады. Общая картина взятия приступом города, гл. 4, стр. 7—8. Император Алексей, бежавши из Константинополя, делает своею резиденциею Мосинополь. Алексей Дука Муртзуф- {41} лос, желая закрепить свои права на похищенный престол, женится на младшей дочери бежавшего императора — Евдокии. Бегство Муртзуфлоса из Константинополя по взятии этого города крестоносцами и прибытие его к своему тестю, экс-императору Алексею, в Мосинополь. Ослепление Муртзуфлоса Алексеем и изгнание из Мосинополя. Он блуждает в окрестностях этого города и попадает в плен крестоносцам. Казнь его в Константинополе, гл. 5, стр. 8—10. По взятии Константинополя, крестоносцы дают полную свободу гражданам оставаться в городе, или выходить из него с женами и детьми. Между многими другими знатными лицами, этим позволением пользуется зять экс-императора Алексея, Феодор Ласкарис и удаляется в Никею. При помощи персидского султана овладевает Прузою и ее окрестностями и чрез два года провозглашается в Никее императором. Отречение патриарха Иоанна Каматира от патриаршего престола и избрание в патриархи Михаила Авториана. Коронация Феодора Ласкариса в Никее, гл. 6, стр. 10—12. Трудное положение Ласкариса. Его со всех сторон теснят латиняне и разные узурпаторы. Успешная борьба его с теми и другими и расширение пределов его области, гл. 7, стр. 12—14. Экс-император Алексей удаляется из Мосинополя в Солунь к невестке своей, жене ослепленного Исаака. Крестоносцы делят между собой Византийскую империю. Маркиз Монферратский делается князем Солунским и женится на невестке Алексея, Марии Венгерской. Радушный прием экс-императору в Солуни. Он интригует против владетеля Солуни, изгоняется и удаляется в Коринф к зятю своему Згуру. Бежит отсюда, испуганный слухами о грозящем ему ослеплении, попадает в плен к лонгобардам, откупается {42} от них и, пробывши несколько дней у деспота Эпирского, Михаила, удаляется к Иконийскому султану, Ятатину. История этого султана. Гл. 8, стр. 14—16. Прибытие Алексея в Аттал и радужный прием ему со стороны султана. По просьбе его султан отправляет посольство к императору Никейскому Феодору Ласкарису с требованием возвратить тестю похищенную будто бы у него область. Феодор отказывается исполнить это требование. Султан осаждает Антиохию. Феодор с горстью воинов спешит на выручку к осажденному городу, гл. 9, стр. 16—19. Битва под стенами Антиохии кончается поражением мусульман. Ятатин убит. Экс-император Алексей попадает в плен Феодору и заключается в монастырь Иакинфа, гл. 10, стр. 19—21.

Болгары. Их вражда к грекам. Василий Болгароктон покоряет их. Исаак Ангел, по случаю свадьбы своей, налагает на них усиленный побор овцами, козами и пр. и тем побуждает их к открытому возмущению. Асан объявляет себя царем Болгарским. Несчастный поход Исаака против Болгарии, закрепивший ее независимость, гл. 11, стр. 21—24. Постоянные войны греков с болгарами из-за разных городов. Убиение Асана двоюродным братом, Иванком и возведение на болгарский престол младшего брата его, Иоанна Асана, мимо старшего Петра, гл. 12, стр. 24—25. Столкновение Иоанна Асана с крестоносцами из-за обладания Адрианополем. Взятие в плен императора Балдуина союзниками Асана — скифами и печальный конец его. Адрианопольцы обманывают Иоанна Асана, который в отместку за это и для того, чтобы сделать как можно больше вреда грекам, опустошает всю Македонию. Смерть Асана близ Солуны. Характер этого царя Болгарского. Племянник {43} его Ворила делается Болгарским царем, гл. 13, стр. 25—28.

Деспот Эпира Михаил. Его братья. Младший из них, Феодор, служит у императора Никейского Феодора Ласкариса. По просьбе деспота император Никейский отпускает к нему его брата Феодора, взявши с него клятву на верность себе и своим преемникам. Убиение Михаила. Феодор делается деспотом. Расширяет свои владения на счет итальянцев и болгар. Стычка Феодора, деспота, с Петром, зятем первого латинского императора в Константинополе, Балдуина, в теснинах Албанских, кончившаяся совершенным поражением латинян. Сам Петр падает на поле битвы, гл. 14, стр. 28—30.

Император Феодор Ласкарис. Его дочери. Старшую из них, вдову после первого брака, он выдает замуж за Иоанна Дуку, прозванного Вататцем. Сам Феодор, после смерти первой своей супруги и развода со второю, женится на сестре латинского императора в Константинополе Эрика. Характер Эрика и отношение его к Никейской империи. Союз между обоими императорами. Глава 15, стр. 30—32. Благоклонность Эрика к грекам. Его великодушие. Он берет крепость Лентианы и с благородной прямою отдаст должную справедливость храброму гарнизону этой крепости. Гл. 16, стр. 32—33. Папский легат Пелагий. Его характер. Зачем он был прислан в Константинополь и как исполнял свое поручение. Гонение, воздвигнутое им на православных, особливо на духовных. По просьбе депутации, присланной к Эрику православным населением столицы, император останавливает действия легата. Гл. 17, стр. 33—35. Смерть Эрика. Ему наследует брат его Роберт. Неспособность и {44} слабости этого государя. Феодор Ласкарис думает женить его на дочери своей, Евдокии, которая приходится племянницей Роберту; но смерть мешает ему привести в исполнение это противозаконное намерение. Характер Феодора Ласкариса. Ему наследует зять его Иоанн Дука. Гл. 18, стр. 36—37. Иоанн Дука коронуется на царство патриархом Мануилом. Предшественники этого патриарха до Михаила Авториана. Гл. 19, стр. 37—38.

Состояние дел в Болгарии. Ворила заключается в Тернове и в продолжение семи лет удерживает за собой этот город вопреки всем усилиям сына Асанова, Иоанна, вытеснить его оттуда. Измена терновцев Вориле. Бегство сего последнего, плен и ослепление, по приказанию Иоанна, который делается единственным обладателем Болгарии. Гл. 20, стр. 38—39.

Деспот Эпира, Феодор Комнин овладевает Солунем и провозглашает себя императором. Отказ Солунского митрополита венчать его на царство. Он коронуется Болгарским архиепископом Димитрием. Двор Феодора. Гл. 21, стр. 39—40. Братья покойного императора Никейского, Феодора Ласкариса, Алексей и Исаак, при помощи итальянцев, пытаются лишиться императорской власти Иоанна Дуку. Сражение при Пиманине, кончившееся поражением итальянцев и пленением обоих претендентов. Иоанн Дука приказывает ослепить их. Нравственное значение этой победы. Иоанн отнимает одну за другой шесть крепостей у латинян и опустошает все морское побережье при помощи построенных им триир. Гл. 22, стр. 40—43. Заговор против Иоанна Дуки. Раскрытие этого заговора. Великодушие Иоанна. Гл. 23, стр. 43—45. Адрианопольцы просят Иоанна Дуку освободить их из-под власти латинян. Император посылает {45} им вспомогательное войско, при помощи которого адрианопольцы выгоняют латинян. Завоевания Феодора Комнина в Македонии. Он подходит к Адрианополю и щедрыми обещаниями и льстивыми словами убеждает адрианопольцев выгнать из города войско Иоанна Дуки. Феодор Комнин утверждает в Адрианополе и гонит перед собой латинян до самых стен Константинополя. Гл. 24, стр. 45—48. Союз Феодора Комнина с болгарским царем Иоанном Асаном. Нарушение этого союза со стороны Феодора. Сражение при Клокоти-

нидзе. Феодор разбит и попадает в плен болгарам. Великодушие Иоанна Асана к пленникам и вообще к покорившимся ему грекам, привлекшее к нему много частных лиц и городов. Гл. 25, стр. 49—50. Слепление Феодора Ангела за интриги его против Асана. Мануил Ангел. Он овладевает лежащими на западе областями и спокойно владеет ими, нисколько не стесняемый болгарями. Гл. 26, стр. 50—52.

По смерти Роберта константинопольский престол достается малолетнему брату его, Балдуину. Иоанн, титулярный король Иерусалимский, по просьбе константинопольских латинян, берет на себя регентство империи до совершеннолетия Балдуина, выдавши за него свою дочь. Его наружность. Его сожаление о том, что взялся за управление империей. Два года он живет в Константинополе, не предпринимая ничего против Никейской империи. Наконец решается выступить в поход с целью овладеть Лампсаком, гл. 27, стр. 52—54. *Император Иоанн Дука поручает управление войсками великому domestiku Андронику Палеологу, который отправляет флот к Родосу. Король иерусалимский выступает из Константинополя с войсками к Лампсаку. Гл. 28, стр. 54.**

Родители Акрополита отправляют его из Константинополя в Nikeю к императору Иоанну. Благосклонный прием ему со стороны императора. Гл. 29, стр. 54—55.

Титулярный король Иерусалимский у Лампсака. Импера-^{46}тор Иоанн Дука принимает умные меры к тому, чтобы воспрепятствовать успеху его экспедиции. Бесплезное взятие Лампсака латинянами и отступление их к Константинополю. Гл. 30, стр. 55—57.

Умная политика Иоанна Дуки. Родственный союз его с владельцем болгарским, Иоанном Асаном, гл. 31, стр. 57—58.

Автор истории начинает изучать словесность. Его учитель. Что сказал ему император, передавая его учителю. Учитель философии Никифор Влеммид, гл. 32, стр. 58—59.

Дружные действия Иоанна Дуки и Иоанна Асана против латинян. Иоанн Дука берет Лампсак и Каллиуполь. Прибытие к этому городу Иоанна Асана. Бракосочетание Феодора Дуки-Ласкариса с дочерью Асана. Архиепископ Терновский делается автокефальным. Иоанн Дука и Асан проходят по западным областям империи, подчиненным латинянам, и опустошают их. Они захватывают много городов и крепостей и делят их между собой полюбовно. Страх, наведенный их походом на константинопольских латинян, гл. 33, стр. 59—62. Иоанн Асан обнаруживает попытку разлучить свою дочь с ее мужем, царевичем Феодором. Придуманное им к тому средство. Он уводит свою дочь, несмотря на ее сопротивление, гл. 34, стр. 62—63.

Татары теснят скифов и заставляют их броситься в Македонию. Опустошение этой страны скифами, гл. 35, стр. 63—65.

Тройственный союз между латинянами, болгарями и скифами против Иоанна Дуки. Союзники делают большие приготовления и осаждают крепость Цурул. Кто был тогда начальником этой крепости. Во время осады Иоанн ^{47}Асан получает известие о смерти своей супруги, сына и архиепископа Терновского, видит в этом событии знамение Божия гнева за нарушение союза с Иоанном Дукою и поспешно удаляется вместе со скифами в Болгарию. Латиняне, будучи не в состоянии овладеть крепостью одни, снимают осаду и возвращаются домой. Иоанн Асан отправляет посольство к Иоанну Дуке с извинением в своем нечестном поступке. Император Никейский прощает его и снова принимает его дочь в качестве супруги своего сына, гл. 36, стр. 65—68.

События в Константинополе. Император Балдуин выпрашивает у короля французского шестьдесят тысяч вспомогательного войска. По каким землям шло это войско и как принимали его владельцы тех стран. Осада и взятие Цурула вспомогательным французским войском. Иоанн Дука строит триеры и собирает значительное войско, чтобы дать отпор латинянам. Удачные действия его с Иоанном Асаном, гл. 37, стр. 68—71. Иоанн Асан женится на дочери Феодора Ангела, Ирине. Сыновья Феодора Ангела. Опираясь на родство с Асаном, Феодор Ангел коварно вытесняет брата своего Мануила из Солуня и овладевает этим городом. Провозглашает императором Солуня своего сына Иоанна и управляет его именем. Мануил бежит в Атал. Сарацины принимают его дружелюбно и дают ему средства добраться до Nikeи. Радужный прием и помощь, оказанная ему императором Никейским и его супругою. Он оказывается не-

---

* Слова, выделенные курсивом пропущены в разделе «Содержание» книги-оригинала, добавлены мною.— Ю. Ш.

достойным принятого в нем участия, гл. 38, стр. 71—73. Смерть Мануила. Кончина императрицы Ирины. Характер и достоинства этой государыни. Разговор ее с автором летописи по поводу солнечного затмения. Кончина Иоанна Асана. Достоинства этого государя. Ему на {48} следует сын его Каллиман. Наследник Асана возобновляет союз с императором Никейским. По смерти Мануила его участок достается внуку его, Михаилу. Дружеские отношения между всеми греческими владетелями, гл. 39, стр. 73—76. Император Никейский не хочет терпеть другого императора в Византийской империи, кроме себя самого, и вооруженною рукою заставляет солунского императора Иоанна отказаться от титула, знаков и власти императорской и довольствоваться титулом и правами деспота гл. 40, стр. 76—79. Путешествие императора Иоанна в Пиги. Несчастье в дороге от страшной стужи. Султан иконийский Ятатин. Его беспутная жизнь. Несчастное сражение его с татарами, заставившее его обратиться с просьбой о помощи к императору Никейскому. Союз между обоими государями обезопасивает владения того и другого от татар, гл. 41, стр. 79—82.

Смерть деспота солунского Иоанна. Брат его, Димитрий, наследует его титул и права. Молодой деспот ведет зазорную жизнь. Смерть патриарха Германа. Его преемник, Мефодий, гл. 42, стр. 82—84. Путешествие императора Иоанна для обзора западных провинций своего государства. Смерть болгарского царя Каллимана. Замыслы никейского императора против Болгарии. Взятие крепости Серр, гл. 43, стр. 84—88. Отнятие у болгар крепости Меленика и многих других городов и крепостей. Мир с болгарями, гл. 44, стр. 88—92. Император никейский замышляет лишить власти деспота солунского, Димитрия и присоединить его владения к своим. Как исполнил он свои замыслы? гл. 45, стр. 92—97. Распоряжения императора Иоанна относительно вновь приобретенных областей и городов. Кто оставался тогда еще независимыми владетелями на территории бывшей Византийской импе- {49} рии из самих греков? Границы их владений, гл. 46, стр. 97—98.

Император никейский отнимает у латинян крепости, Цурулл и Визию, гл. 47, стр. 98—99. Взятие Родосского укрепления генуэзцами и обратное отнятие его у них никейским императором, гл. 48, стр. 99—102.

Родственный союз императора Иоанна с деспотом Михаилом. Измена Михаила и действия против него императора. Михаил, будучи не в состоянии бороться с императором никейским, просит у него мира и получает его. Возвращение императора из похода на Восток. Гл. 49, стр. 102—106. По дороге император останавливается в Филиппах для исследования дела Михаила Комнина, на которого сделан был донос, будто бы он имеет виды на престол никейский. Как велось и чем кончилось это дело? Гл. 50, стр. 106—114. Император возвращается на Восток и снова приближает к своей особе Михаила Комнина. Чем обезопасил император престол за собою и своим родом от предполагаемого посягательства на оный со стороны Михаила Комнина. Гл. 51, стр. 115—116. Болезнь и смерть императора Иоанна Вататци в Никее. Суждение автора о характере и достоинствах этого государя. Гл. 52, стр. 116—120.

Вступление на престол императора Феодора, Дуки, Ласкариса-младшего. Пришествие нового императора в Филадельфию и посольство к султану иконийскому. Смерть патриарха Мануила и избрание на патриарший престол Арсения. Гл. 53, стр. 120—122.

Михаил, царь болгарский, замышляет возвратить завоеванные никейским императором области и успевает в этом. Гл. 54, стр. 122—124. Император Феодор собирает огромное войско и выступает в поход против {50} царя болгарского. Гл. 55, стр. 124—126. Войско болгарское, стоявшее лагерем близ Адрианополя, услышавши о приближении императора Феодора, обращается в бегство, но суровая зима препятствует императору воспользоваться паническим страхом болгар. Гл. 56, стр. 126—128. Взятие укреплений Ахриды, Перистицы, Стенимаха, Крицимона и др. императором Феодором. Постыдное бегство Алексея Стратигопула и Михаила Палеолога из-под Цепены. Гл. 57, стр. 128—130. Измена начальника Меленикского гарнизона, Драготы. Император никейский нечаянно является перед возмущившимся городом, разбивает болгар и берет крепость. Гл. 58, стр. 130—133. Феодор Ласкарис снова возвращает под свою власть все отпавшие болгарские города. Гл. 59, стр. 133—139. Он возвращается на Восток, оставивши небольшой отряд на границах Болгарии для соблюдения за этой страной, и жалует своих вождей за отличие в прошедшей кампании разными чинами. Гл. 60, стр. 139—142. Вторичный поход императора Феодора против болгаров. Бестолковость начальников отряда, оставленного императором для наблюдений над болгарями, губит весь отряд. Гл. 61, стр. 142—

145. Царь болгарский, будучи не в состоянии вступить в борьбу с никейским императором, отправляет к нему послом тестя своего Роза-Ура и просит мира, император соглашается и заключает мир на условиях, очень выгодных для империи. Гл. 62, стр. 145—146. Неприятный случай с писателем летописи по поводу слухов об обмане со стороны болгар. Гл. 63, стр. 146—153.

Прибытие никейского императора в Солунь и свадьба его дочери Марии. Бегство Михаила Палеолога к туркам и тревога императора Феодора по этому случаю. Как {51} успокаивал император автора летописи и как обстоятельства оправдали его предположение. Гл. 64, стр. 153—157. Приключение Михаила Палеолога во владениях турок. Гл. 65, стр. 157—160. Поход императора на Восток и назначение писателя летописи императорским наместником на Западе. Гл. 66, стр. 160—162. Какими средствами располагал Акрополит для управления делами вверенного ему края, что замыслил против него деспот Михаил и какие меры были приняты им для ограждения себя от воинственных намерений деспота. Гл. 67, стр. 162—163. *Продолжение описания действий Акрополита на Западе.* Гл. 68, стр. 163—166.* Султан иконийский, разбитый татарами, убегает к Феодору Ласкарису и просит у него убежища. Император принимает его дружески. Султан в благодарность уступает грекам Лаодикию. Кратковременное обладание греков Лаодикией. Возвращение Михаила Палеолога к императору Феодору и благосклонное принятие его императором. Гл. 69, стр. 166—167. Печаль и негодование императора Феодора по поводу событий на Западе. Его распоряжение по этому поводу. Деспот Михаил опустошает Запад и осаждает Акрополита в Прилапе. Гл. 70, стр. 167—170. Приключение с Михаилом Ласкарисом, Михаилом Комниным и Лампардасом — императорскими полководцами на Западе. Гл. 71, стр. 170—172. Осада и взятие Прилапа деспотом Михаилом и плен императорского наместника. Измена многих вождей императорских. Гл. 72, стр. 172—175.

Смуты в Болгарии. Убиение царя болгарского Михаила двоюродным братом его Калиманом. Изгнание Калимана Розом-Уром и избрание на болгарский престол Константина, сына Тихова. Новый царь болгарский просит себе руки второй дочери императора Феодора и получает ее. Мир с болгарями. Гл. 73, стр. 175—176. Болезнь {52} и смерть императора Феодора Ласкариса. Смерть старшей дочери его Марии, бывшей в замужестве за сыном деспота Михаила, Ласкарисом. Гл. 74, стр. 176—178. Императору Феодору наследует малолетний сын его Иоанн. Регент государства Музалон. Интрига против него аристократов и убиение его. Гл. 75, стр. 178—183.

Избрание на никейский престол Михаила Комнина. Священный собор снимает с него клятвы, которые он неоднократно давал Иоанну Вататце и Феодору Ласкарису в том, что не будет заявлять никаких притязаний на императорский престол. Михаил после разных колебаний уступает требованию властей и народа и вступает на престол в качестве соправителя малолетнего Иоанна, сына Феодорова. Гл. 76, стр. 183—186. Коронование Михаила Комнина. История с одним вельможей императора Феодора, Карианитом. История с протостратором Иоанном Ангелом. Что предпринял Михаил Комнин против деспота Михаила Ангела и как наградил он своих братьев и приближенных. Гл. 77, стр. 186—189. Как поступил Михаил Комнин с опальными предшествовавшего царствования и какими средствами старался привязать к себе народ? Посольство латинян к Михаилу. Их требования и ответ им императора. Гл. 78, стр. 189—192. Посольство к деспоту Михаилу. Чего добивался от него император и как отвечал ему деспот. Посольство к королю сицилийскому и князю ахайскому — зятьям деспота с целью, при их посредстве, завязать переговоры с их тестем. Оба владетеля дают гордый отказ императору. Гл. 79, стр. 192—194. Севастократор Иоанн, по инструкции своего брата, императора, открывает военные действия против деспота Михаила. Неожиданностью нападения он наводит пани-{53}ческий страх на армию деспота, и она рассеивается в разные стороны. Севастократор подступает к Ахриде и при помощи архиепископа ее Иоанна, овладевает этим городом. Осада и взятие Деаволиса передает в руки севастократора все остальные города и крепости на Западе. Заметки автора насчет характера западных жителей. Гл. 80, стр. 194—196. Деспот Михаил собирает огромное войско и в соединении с обоими зятьями своими выступает

---

* Слова, выделенные курсивом отсутствуют в разделе «Содержание» книги-оригинала, добавлены мною. Далее в книге-оригинале в разделе «Содержание» идет неправильная нумерация глав и соответствующих им страниц (главы 69—75), после чего правильная нумерация восстанавливается. Неправильную нумерацию глав с 69 по 75 и №№ страниц в эл. издании я исправил.— Ю. Ш.

против севастократора. Полководец императорский искусно утомляет и расстраивает войска союзников и посредством лазутчиков посеивает недоверие и раздор между деспотом и его зятьями. Вследствие слухов, распространенных лазутчиками, деспот со старшим своим сыном Никифором, тихонько оставляет поле битвы и своих союзников на произвол судьбы. Севастократор разбивает их и берет в плен князя ахайского и второго сына Михайлова, Иоанна. Гл. 81, стр. 196—201. Севастократор Иоанн проходит по Фессалии и укрепляет тамошние города. Небольшой отряд, отправленный другим полководцем Михаила Палеолога к Арте, овладевает этим укреплением, где находит и автора истории. Акрополит, побывавши у севастократора Иоанна, отправляется к императору. Побочный сын деспота Михаила, Иоанн, бежит к своему отцу, ободряет его, и общими силами овладевают Артою и некоторыми другими соседними городами. Почему такой неблагоприятный исход имели блестящие успехи севастократора Иоанна? Награды царским полководцам. Гл. 82, стр. 201—203. Михаил Палеолог делает попытку овладеть Константинополем. Кем вызвана была эта попытка и почему она неудачно кончилась? Перемирие с латинянами. Гл. 83, стр. 203—205. Возвращение императора никейского в {54} Нимфей. Автор истории отправляется послом к царю болгарскому, Константину. Михаил Палеолог переезжает во Флевию. Сюда является севастократор Торникий и ходатайствует за бывшего патриарха, Арсения. Характеристика этого патриарха. Причина неудовольствий между Арсением и Михаилом Палеологом. Епископы Андроник Сардский и Мануил Фессаликский. Император склоняется на представление Торникия и возвращает Арсения на престол. Гл. 84, стр. 205—209. Михаил Палеолог отправляет князя Алексея Стратигопула с отрядом войск на Запад против деспота Михаила, наказавши ему на дороге сделать фальшивое нападение на константинопольских латинян, с целью потревожить их. Стратигопул подступает к Перре и, благодаря отсутствию константинопольского гарнизона, осаждавшего остров Дафнусию, и содействием некоторых жителей Константинополя, овладевает этим городом. Возвращение латинян из-под Дафнусии и бегство императора Балдуина и латинского патриарха из Константинополя. Когда случилось это событие? Гл. 85, стр. 210—216. Где находился император Михаил Палеолог во время взятия Константинополя? Как принял он весть об этом? Гл. 86, стр. 216—218. Почему Палеолог спешил прибыть поскорее в Константинополь? Как хотел он вступить в этот город? Гл. 87, стр. 218—220. Церемония вступления Михаила Палеолога в Константинополь. Церемония вступления патриарха Арсения на свою кафедру в Константинополь. Гл. 88, стр. 220—221. Автор истории пишет слово на взятие Константинополя. Какое предложение императору было введено в это слово? Почему императору не хотелось слушать это слово? Гл. 89, стр. 221—222.

Летопись великого логофета Георгия Акрополита

1. Пользу истории доказали еще прежде нас писавшие летописцы, и нам остается только подтвердить то, что они сказали. Ибо что же выскажем мы нового после такого множества историков, которые в своих творениях сказали все, что можно сказать в пользу истории. И потому мы просто внесем в свою летопись то, что найдем достойным замечания в новейших событиях, которые никем еще не преданы письмени, и тем в свою очередь докажем пользу истории, восстановив историческую истину этих событий, из которых некоторые молва устная передает памяти потомков неверно. Писавшие подобно нам историки начинали свои истории с разных событий: одни — от создания мира, другие — от иного какого-либо важного события, например, {1} от происхождения персов, эллинов, римлян или других каких-либо народов, каждый направляя свое произведение согласно с предположенной целью. И мы поведем свою историю тоже от своего начала. О событиях, совершившихся от начала мира, повествовали много и многие, и не нам говорить о том, что большая часть из них в своих сказаниях о делах царей, переворотах в разных странах, смятениях в различных городах, о войнах, пленениях, победах, поражениях и тому подобных событиях весьма много разногласили между собой.

Описываемые ими события были до того разнообразны и многосторонни, что не всегда были вполне известны и самим деятелям,— где же тут историкам восстановить во всем истину? Историк должен прислушиваться и к общей молве, если не хочет исказить истину подобно тем, которые портят или подделывают монету. Он должен излагать дела людские, будут ли они хороши или худы, не по пристрастию или по ненависти, не по зависти или личному расположению, а единственно для одной истории и для того, чтобы не забылись в памяти людей дела минувших дней. Началом нашей истории послужит взятие Константинополя — этого славного и знаменитого города, который известен всем народам без изъятия.

2. При Алексее Комнине, который был родным братом царствовавшего перед ним Исаака (оба они происходили из фамилии Анге-лов¹) и управлял после него державой Римской, приступили к Константинополю пришлецы из Италии — по следующей причине. Упомянутый Алексей достиг владычества над римлянами² тем, что сверг с престола брата своего Исаака и ослепил его³. Но у Исаака был сын, рожденный им от первой жены и вступавший уже в юношеский возраст. Потрясенный до глубины души злодеянием, совершенным над его отцом, он решился бежать, прибыл в Рим и, повергшись перед римским первосвященником⁴, усиленно и неотступно просил его отомстить за поруганного отца. Случилось так, что в это время в Италию собрались в огромном количестве воины, частью из самой Италии, частью из королевства Французского, частью из Венеции, частью из других земель. Они собрались сюда для того, чтобы отсюда отправиться на освобождение Иерусалима, где находится гроб Господень. Их созвал тогдашний первосвященник Древнего Рима, которого, как я сказал, неотступно просил о возвращении родительской власти сын Исаака. Преклонившись его просьбами, а еще более обещаниями (они были очень велики⁵), папа поручил отрока вождям войск с тем, чтобы они, свернув с предстоящего пути, возвели его на отцовский трон и взяли с него издержки, какие будут сделаны по дороге и у Константинополя. Затем и вожди, и воины сели на корабли и триеры и, прибыв к Константинополю после самого счастливого плавания при попутных ветрах, объявили жителям города об отроке, о злодеянии (совершенном над его отцом) и о распоряжениях римского первосвященника. Несколько времени продолжались переговоры между обеими сторонами, но потом началась сильная борьба на суше, так как переговоры послов ни к чему не повели. Тогда император Алексей, частью испугавшись этих событий, а еще более из опасения внутреннего смятения между своими подданными, склонными к мятежам и непостоянными, к общему удовольствию, предался бегству добровольному поневоле⁶, сказав при этом, как говорили люди, собственными ушами слышавшие, эти слова:

---

¹ Оба были детьми Андроника Ангела, бывшего при Алексее Комнине, сыне Мануила Комнина, начальником отряда, назначенного действовать против узурпатора Андроника, двоюродного дяди малолетнего Алексея. См.: Н. Хониата. Царствование Алексея Порфирородного. Стр. 315—317 в русском переводе.

² Акрополит, как и другие византийские историки, называет римлянами греков, а римлян — то итальянцами, то латинянами.

³ Подробности об ослеплении Исаака и об отнятии у него престола братом его Алексеем можно найти у Никиты Хониата в его истории царствования этих государей. Это случилось в 1193 году. Исаак, по словам Хониата, царствовал 9 лет и 7 месяцев; Алексей — 8 лет 3 месяца и 10 дней.

⁴ Иннокентием III.

⁵ Из писем Иннокентия III к императору Алексею видно, что Алексей обещал папе принять участие в предпринимаемом тогда крестовом походе, подчинить Греческую Церковь папе и, кроме того, изъявил готовность на всевозможные услуги папе: «Paratus etiam in omnibus et per omnia nostris stare mandatis, eo quod sacrosanctam Romanam Ecclesiam vellet juxta posse suum modis omnibus honorare, ac ea efficere, quae nostrae forent placita voluntati». Эти обещания и сами по себе могли расположить папу в пользу молодого претендента на константинопольский престол. Но Алексей Комнин имел еще и деятельных ходатаев перед папой в лице маркиза монферратского и Филиппа Швабского, женатого на его сестре Ирине. Оба они писали письма и лично просили Иннокентия вступить за дело Алексея, хлопотали за него и у дожа венецианского, и у других вождей крестоносного ополчения. Со своей стороны и император Алексей, встревоженный искательствами своего племянника перед римским двором, отправил к папе посольство с подобными же обещаниями, но было уже поздно.

⁶ Игра слов в подлиннике: ἐκδὼν ἄέκοντί γε θυμῷ.

«И Давид искал спасения в бегстве» — и взяв с собой супругу свою ¹ и значительное количество денег из государственного казначейства.

3. По удалении его из Константинополя жители отправили послов к итальянцам с объявлением, что они согласны принять в город сына Исаакова — Алексея, который, по-видимому, был причиной этой распри, и провозгласить его императором. И действительно, отрок был введен в город и провозглашен императором единодушно всеми на тех условиях, которые заключил он с сопровождавшими его итальянцами. С этого времени жители города и итальянцы, по-видимому, помирились. Но когда итальянцы потребовали исполнения обещаний и уплаты издержек, граждане нашли их требование несоразмерным со своими средствами и объявили, что они не могут дать так много денег ². По этому случаю в городе возникло смятение. Отец Алек- {5} сея Исаак Ангел (он был еще жив, хотя вскоре после того помер), когда не был еще взят Константинополь, предложил собрать прежде всего церковные драгоценности ³ и с них начать уплату обещанного итальянцам, остальное же выдать из царской казны и из достояния городских жителей. Но в то время как шел спор об этом предмете и с той и с другой стороны пересылались послами, сын Исаака Алексей был убит Алексеем Дукой, которого тот почтил достоинством протовестиария ⁴, а жители прозвали за один природный недостаток Мурзуфлосом ⁵. Затем этот Алексей был провозглашен императором. Итальянцы вследствие этого пришли в неистовство и начали ожесточенную борьбу с константинопольцами. Тогда эти последние сделали и другое, достойное одобрения распоряжение. Именно — лица, имевшие власть и {6} вес в городе, положили выслать из него латинян, живших в Константинополе, для того чтобы они не соорили им здесь каких-либо опасных ков. Вследствие этого многие тысячи этих перебежчиков перешли к врагам, обязавшись наперед клятвой, что они не только не предпримут ничего вредного для них (константинопольцев), но и умрут вместе с ними, если будет нужно, как соотчичи их и земляки. Оставляя жен своих и детей, они не просили даже о том, чтобы поместить их в более безопасных местах. А между тем, выйдя из города, они много помогли врагам как самой многочисленностью своей, так и знанием дела.

4. Прошло сорок дней после этого, и Константинополь был взят ими 6711 (1203) г. от сотворения мира, 12 апреля ⁶. Они прибыли сюда в мае 6710 г., а в 11 месяц после этого случилось самое опустошение города. И этот огромнейший и славный город был взят, как сказывают, одним или двумя воинами, взошедшими прежде других на стену по лестнице, которую они прикрепили к мачте огромного палубного корабля. То, что произошло вслед за этим в городе, потребовало бы от нас слишком длинного описания, далеко выходящего за пределы нашей истории. А пусть лучше всякий сам себе представит все {7} те бедствия, каким подвергаются города пленяемые: убийства мужчин, похищения женщин, грабежи, разрушения жилищ и все другое, что обыкновенно производит меч. Словом, овладев городом, итальянцы устремились на него как будто с некоторой высоты и рассеялись и по западным его сторонам, и по восточным. Но прежде подверглась их нападению западная сторона, где все бежали от них, как будто от кары небесной.

---

¹ Никита Хониат ничего не говорит о супруге, а напротив, упоминает о дочери, о которой умалчивает Акрополит.

² Крестоносцы требовали 5000 ф. золота. Алляций.

³ Религиозное чувство греков было возмущено той бесцеремонностью, с какой исполнители этого императорского распоряжения сдирали с образов церковных серебряные и золотые ризы и забирали священные сосуды и потом все это переливали, чтобы обратить в слитки и удовлетворить латинян. Такое оскорбление народной святыни окончательно воспламенило религиозные страсти греков, значительно подогретые унижительными для Церкви и государства условиями сделки императора с латинянами. Здесь причина гибели Алексея и успеха — хотя кратковременного — Мурзуфлоса.

⁴ Главный начальник императорского гардероба.

⁵ Он постоянно хмурил брови и смотрел насупленным. (Н. Хониат в истории Исаака Ангела и сына его Алексея). По свидетельству Блонда (*De Gestis Uenetorum*), он собственными руками задушил несчастного Алексея, после того как два раза данный яд не произвел действия от принятых молодым императором противоядий.

⁶ Никита Хониат указывает тот же месяц и число, но другой год, именно 6712 от сотворения мира (1204). Показание Акрополита вернее, как доказал это Балдуин.

5. Между тем император Алексей Ангел, убежавший, как мы сказали, из Константинополя, прибыл к Филиппополю и, будучи не принят его жителями, отправился в Мосинополь, где и утвердил свое местопребывание. А Алексей Дука, умертвивший Исаакова сына, желая вступить в родство с ним (императором Алексеем), вслед за убийством сына Исаакова взял в супружество дочь императора Алексея Евдокию, последнюю из дочерей его. Их было у него три, из коих первая называлась Ириной — ее он выдал за Алексея Палеолога, которого почтил титулом деспота¹, но он умер еще до взятия Константинополя; вторая называлась Анной — ее он сочетал браком с Феодором Ласкарисом; {8} а третья называлась Евдокией и была обручена своим отцом еще малолетней с королем Сербии², но этот по какому-то подозрению³, как сказывали, отпустил ее обратно к отцу, у которого она и оставалась. Эту-то самую и взял себе упомянутый Алексей Дука, оставив собственную жену. Когда Константинополь был взят итальянцами, и он (подобно тестю) удалился оттуда, взявши с собой супругу свою Евдокию. Узнав, что тесть его император Алексей находится в Мосинополе, он имел смелость отправиться к нему; между тем император ненавидел его по многим причинам, а больше всего за свою дочь. Однако же он принял Алексея с притворной лаской и даже велел изготовить баню для него и для своей дочери. Но в то время как Алексей находился в бане, вдруг напали на {9} него люди, подсланные императором Алексеем, и там же лишили его зрения. Очевидцы этого события рассказывали, что дочь, стоя при входе в баню, ругала отца бранными словами, а он укорял ее в постыдной и своевольной любви. Слепленный таким образом Алексей Дука блуждал по окрестностям Мосинополя, переходя с места на место, как заблудившийся; а император Алексей, поднявшись отсюда, отправился к пределам солунским. Между тем некоторые итальянцы, оставив Константинополь и разъезжая по стране, добрались и до Мосинополя и, найдя здесь Мурзуфлоса, взяли его в Константинополь и, поставив ему на вид злодеяние, совершенное над сыном императора Исаака⁴, приговорили лишить его жизни, сбросив с какой-нибудь возвышенности; для этого подняли его на высочайший столп, называвшийся Тавром, и свергли оттуда. Таков был конец его жизни! Между тем император Алексей прибыл в Солунь.

6. Овладевши городом, итальянцы дали жителям полную свободу⁵ остаться ли в городе и подчиниться им или, кто этого не хо- {10} чет, удалиться куда угодно. Вследствие этого знатные лица в городе удалились, одни явно, другие тайно. Так, например, предпочел оставить город Феодор Ласкарис с супругою своею Анною, зять императора Алексея, как мы заметили выше, почтенный титулом деспота. Удалившись со своею женою и детьми (у него было три дочери, из которых старшая называлась Ириной, вторая — Марией, а третья — Евдокией), он прибыл к городу Никее и стал убеждать никейцев впустить его в город и покориться ему, как государю. Они не принимали его, и только после усиленных упрашиваний он едва-едва склонил их принять по крайней мере его супругу. Оставив таким образом жену свою в Никее, он направился к Прuze и ее окрестностям — с целью овладеть этими местами и управлять ими с вла-

---

¹ Титул деспота был обыкновенным титулом сыновей и братьев царствовавшего императора, также севастократора, кесарей и патриарха. Но по преимуществу это был титул старшего сына императора, обыкновенно наследника престола. Впрочем, иногда по дружбе или по родству давался и другим знатым лицам, как, например, здесь дан был императором Алексеем зятю своему Алексею Палеологу.

² Никита Хониат в своей истории царствования Алексея Комнина (кн. 3) говорит, что эту Евдокию выдал за Стефана, сына Неомана, короля трибаллов (так называет он сербов), дядя ее Исаак в то время, как отец ее Алексей убежал в Палестину и жил у мусульман.

³ Подробнее и вернее рассказывает об этом Н. Хониат. Из его многословного рассказа мы извлечем только главное. Стефан имел уже от Евдокии нескольких сыновей, когда, наконец, их любовь друг к другу начала ослабевать по подозрениям во взаимной неверности. Эти подозрения повели к постоянным жалобам друг на друга, и отношения супругов сделались до крайности натянутыми. Желая разом отделаться от супруги, сделавшейся наконец ненавистной, Стефан обвинил ее в прелюбодеянии и выгнал из дому в одной рубашке. Брат Стефана Вольск, возмущенный таким бесчеловечием, старался примирить супругов, но, не успев в этом, препроводил Евдокию, прилично ее сану, в Диррахий, откуда и взял ее к себе отец ее Алексей. Хон. Ист. Цар. Алек. Комнина, кн. III.

⁴ Мурзуфлос оправдывался тем, что молодой Алексей был предатель отечества (латинянам) и за это понес должное наказание и что во всяком случае в его смерти виноват столько же он (Мурзуфлос), сколько и все жители Константинополя, в сочувствии которых к его поступку — лучшее его оправдание.

⁵ Эта свобода — если верить Никите Хониату — дана была не сразу по взятии города, а после того как Балдуин попал в плен к болгарам, о чем Акрополит рассказывает дальше, в гл. 13.

стью императорской — вместо тестя своего Алексея, что ему действительно и удалось. Отправившись к царю персидскому, своему союзнику, он взял у него вспомогательное войско и при его помощи достиг своей цели. И вот, едва только прошло два года, как Ласкарис был признан всеми деспотом, на собрании в Никее знатных особ и представителей церкви положено было признать деспота Феодора императором. Патриарха здесь не было; он — это был Иоанн Каматир¹, украшавший патриаршский престол во время взятия Константинополя итальянцами, — удалился на жительство в Дидимотик и, будучи призываем и Ласкарисом, и другими лицами, отказался прибыть к ним, послав письменное отречение от патриаршего престола. Вследствие этого патриархом избран был Михаил Авториан², человек ученый, знакомый не только с нашей, но и с иностранной литературой; он и увенчал императорской короной Феодора-деспота.

7. Провозглашенный императором, Ласкарис ревностно принялся за дела и выдержал много трудных битв. Итальянцы, отправившись на Восток, большую часть его покорили своей власти; так что не только провинция³ Опсикийская и Егейская и Атрамитская подпала власти их, не только Варис, Авлония, Пименион, Лентиана, даже до Лопадии считали их своими владениями, но и вся Вифиния до самой Никомидии. Таким образом, император Феодор был в очень стеснительном положении, тем более что тревожили его и сами римляне, потому что среди смут, произведенных взятием Константинополя, явилось множество разных вождей, которые, одолевая друг друга, покоряли своей власти целые области. Одни из них брались за это сами собой, а других призывали жители для своей защиты (от врагов). Так, Феодор⁴, которого звали также и Морофеодором, владел городом Филадельфией, а другой, некто Савва, господствовал над городом Сампсоном и его окрестностями. А обладателем всей Пафлагонии был Давид, брат Алексея, владетеля трапезундского, который назывался также великим Комнином. Оба они были внуками императора Андроника от сына его Мануила. Все эти обстоятельства поставляли в большое затруднение императора Феодора. Впрочем, Морофеодора и Савву он легко одолел и затем стал безопасно владеть всем Калвианом, Меандром, Филадельфией и Неокастрами.

8. Но здесь мы должны приостановиться, чтобы рассказать о том, что случилось с императором Алексеем, и о некоторых других событиях, совершившихся на Западе. Упомянутый

---

¹ Иоанн Каматир был возведен на патриарший престол при императоре Алексее Ангеле из диаконов и хартулариев Константинопольской церкви. До взятия Константинополя патриаршествовал 5 лет 8 месяцев и 7 дней. По взятии Константинополя удалился в Дидимотик и здесь умер через 2 года 2 месяца и 14 дней. См. *Catalogus, sive Notitia patriarcharum Constantinopolitanorum apud Leunclavium Juris Graeco — Romani lib. 4.*

² Мёрсий находит, что Акрополит неверно написал фамилию этого патриарха и поправляет ее на Савриан. Это был 99-й Константинопольский патриарх, занимавший престол в Никее пять лет с половиной. См. *Chronic. Ecclesiast. Pauvini ad annum. 1206.*

³ Θέμα Οψικίῃ κ. λ. π. Θέμα первоначально имела значение нашего отряда и обозначала легион, занимавший известную провинцию, и потому в *Glossario* Генриха Стефана Θέμα значит τάξις, legio. Но впоследствии это название стало оставаться и за самыми провинциями, или областями. Meursius.

⁴ Довольно длинная история этого Феодора не лишена интереса. Это история тех искателей приключений, которыми было переполнено то смутное время. Родиной его была Филадельфия. Здесь, неизвестно по каким причинам, он впервые возмутился против императора Исаака Ангела и, объявив себя царем, подчинил себе свой родной город с его окрестностями на довольно большое пространство и начал чеканить серебряную монету со своим изображением. Император Исаак, собрав войско, осадил его в Филадельфах, но не мог принудить его к сдаче ни силой, ни хитростью и потому заключил с ним мир с условием, чтобы он, оставив за собой власть над своим округом, отказался только от титула царского. Через несколько времени Василию Ватаце удалось подкупить многих приверженцев Феодора, которые и изгнали его из города. Он удалился к иконийскому султану Хай Хозрою и отсюда с горстью турецких удалцов начал производить частые и опустошительные набеги на свои прежние владения. Тревожимый этими набегами, император Исаак решил купить у султана своего беспокойного врага. За огромные деньги султан выдал Исааку Феодора с тем, чтобы его не убивали и не увечили. Вследствие этого условия Феодор был посажен в темницу. А после взятия Константинополя крестоносцами мы находим его опять обладателем родного города. В последний раз он всплывает на поверхность истории в неудачной стычке близ Адрамита с Эриком, преемником Балдуина на константинопольском престоле, и затем имя его исчезает навсегда. Ник. Хониат в истории царств. Исаака и Алексея Комниных.

нами император Алексей отправился, как мы сказали, в Солунь и был принят здесь своей невесткой, родом из Венгрии, которая была замужем за императором Исааком после смерти его первой жены и отличалась необыкновенной красотой, как сказывали знавшие ее. Когда итальянцы стали делить между собой владения римские, то Балдуин Фландрский был провозглашен императором, а дож венецианский, находившийся тут же лично, был почтен саном деспота и получил также немалую часть, именно — целую четвертую часть и еще половину четверти ¹ из {14} всей добычи, тогда и маркиз (монферратский), оказавший большую помощь союзникам, был возведен Балдуином в достоинство владетеля Солуни и взял себе в жены названную нами Марию венгерскую, бывшую прежде замужем за императором Исааком. Ею-то и был принят, как сказал я, император Алексей. Но через несколько времени заметили, что он покушался произвести возмущение, и потому изгнали вместе с женой и дочерью Евдокией, которую он отправил теперь в Коринф и отдал в замужество Згуру, владевшему той страной. Этот Згур ², подобно другим, воспользовался смутами при взятии Константинополя и таким образом завладел Коринфом и его округом. Пробыв здесь {15} несколько времени, Алексей узнал от некоторых лиц, что его хотят схватить, и потому бежал и отсюда. Но был схвачен лонгобардами, с которыми он встретился на пути, пробираясь к двоюродному брату своему Михаилу, который владел некоторой частью древнего Эпира и имел частые стычки с разъезжавшими по стране итальянцами как владелец этих мест, а именно Иоанники и Арты до самого Навпакта. Откупившись вместе с женой деньгами из рук лонгобардов, он пробыл несколько времени у Михаила и потом решил отправиться к иконийскому султану Ятатину, который был его союзником. Этот Ятатин, избегая рук брата своего Азатина, прибежал в Константинополь, был принят императором Алексеем, крещен им и усыновлен. Он сопутствовал императору Алексею и в бегстве его из Константинополя; но по прошествии немногих дней к нему явился тайно человек с известием о смерти брата, и потому он, облекшись в ветхое рубище, отправился вместе с ним в страну свою, был признан своими родственниками и провозглашен владыкой Персии. Он же оказал много услуг и императору Феодору, дал ему вспомогательное войско, когда тот находился в стесненных обстоятельствах, и вступил с ним в союз, потому что императрицу Анну считал как бы сестрой своей.

9. Все усилия императора Алексея сосредоточились теперь на том, как бы добраться до него (Ятатина); ибо идти к царю и родственнику своему Феодору он не мог себя приневолить ³. Итак, снабженный путевыми издержками, он оставил владения Михаила и,

---

¹ Автор «Vitae Innocentii III» рассказывает об этом разделе следующее: положено было всю добычу, какая только взята будет, складывать в одном определенном месте; из всей этой добычи венецианцы должны были делить со всеми крестоносцами, которых они привезли на своих кораблях, три части, согласно с договором, заключенным с императором Алексеем. Четвертая часть должна была быть запасной на случай, если дележ трех частей, назначенных в раздел, не будет равняться цифре договорного вознаграждения. Недостающее должно быть дополнено из этой части. Если же она окажется лишней, то разделить ее пополам между венецианцами и союзниками. Таким образом, по смыслу этого условия венецианцы получили из восьми частей общего раздела три, а остальные пять делились между крестоносцами итальянскими, французскими и немецкими.

² Он был родом из Навплии. Пользуясь тогдашними смутами, он то силой, то хитростью овладел Аргосом, Коринфом, Фивами. Осаждал и Афины, но безуспешно. Пройдя через Термопилы, он соединился с императором Алексеем в Лариссе. Когда маркиз монферратский, объявленный владетелем Солуни, пробирался к этому городу, тогда Згур заступил ему дорогу в теснинах термопильских, но не мог остановить его по оплошности греков. Оттесненный отсюда, он заперся в коринфской крепости, откуда маркиз не мог его вытеснить. Это был человек коварный и чрезвычайно жестокий, для которого бить и резать было удовольствием. Так, например, по личным неудовольствиям на Коринфского архиепископа Николая он пригласил его к себе на обед, где приказал выколоть ему глаза, а потом бросить со скалы.

³ Григора рассказывает, что когда Алексей «услыхал, что его зять по дочери Феодор Ласкарь воцарился в восточной части империи и что ему принадлежит уже не только Вифиния и приморские обширные области, но что он простер свою власть уже далеко в середину материка и образовал очень обширные владения, начинающиеся с юга от Карии и реки Меандра и простирающиеся к северу до Галатийского Понта и до самой Каппадокии, то при этом не вознес он благодарственных рук к благодетелю и человеколюбцу Богу, который укротил бурю многоначалия и, сверх всякого ожидания, открыл спасительную пристань тем из римлян, которые уцелели от невзгоды и волнения, производимых латинянами, и ему самому подал успокоительную надежду и отдых после продолжительного скитальчества и быв-

пользуясь попутным ветром, прибыл в Аттал, где встретил самый дружелюбный прием у султана. Между тем император Феодор продолжал жить в Никее, как вдруг прибыло к нему посольство от султана, дававшее ему знать о прибытии царя и родственника его и о том, как несправедливо поступил он, завладев чужой властью. Эти слова встревожили императора и навели на него немалый страх: он видел, что султан под предлогом защиты императора Алексея имел истинной своей целью не что иное, как пройти, опустошить и покорить своей власти всю землю Рим-^{17}скую, и судьба императора Феодора, таким образом, висела, как говорится, на волоске. По этому случаю он созвал всех своих приверженцев и спросил их, его ли сторону они будут держать или родственника его императора Алексея. На это все в один голос, как будто наперед сговорившись, отвечали, что они — его на живот и на смерть. Ободренный такими словами своих приверженцев, император вышел из Никей, имея при себе и посла султанского и, сделав быстрый переход, прибыл в Филадельфы. А султан, поднявшись с места вместе с Алексеем, которого вел с собой как приманку (для греков), направился к Антиохии, главному городу провинции, лежащей по реке Меандру, с целью взять его. Для этого приказал он придвинуть машины и громить город. Антиохии угрожала опасность быть скоро взятой. Испуганный этим, император Феодор (по правде сказать, и действительно, если бы султан овладел этим городом, то для него не было бы уже никакого препятствия завоевать и остальные римские области), положившись на жребий войны или, вернее сказать, дерзая о Христе Иисусе, которого имя мы, благочестивые, носим, как некоторое знамя или печать, быстро поспешил туда, объявил предварительно, чтобы никто не брал с собой на войну ни украшений, ни тяжестей, ни другого чего-нибудь лишнего на войне, кроме самого необходимого — в небольшом количестве — пищи и одежды. Все вой-^{18}ско его состояло из 2000, между которыми было 800 итальянцев, воинов храбрых и сильных, как показало время, а остальные были римляне.

10. Приблизившись к Антиохии, император отправил посла персидского к его государю, и когда тот известил султана о прибытии императора, то это показалось ему до того невероятным¹, что посол должен был подтвердить клятвой, что император тут. Услышав это, султан тот же час собрал свои войска и приготовил их к битве. Прежде других схватились с войсками султана итальянцы; но так как мусульман было великое множество, то они все почти пали, оказав наперед чудеса силы и храбрости и произведя большое опустошение в рядах врагов. Одолев итальянцев, мусульмане без труда взяли верх и над римлянами, так что они в беспорядке побежали и только немногие остались ожидать исхода борьбы. Выиграв победу, султан стал искать императора, и когда кто-то указал ему его, находившегося почти в безвыходном положении, он стремительно бросился к нему, уверенный в своей телесной силе. Они узнали друг друга. И султан поразил царя по голове булавой так, ^{19} что тот свалился с коня на землю, потому что был ошеломлен этим ударом; а вместе с ним, как сказывали, свалился от этого же удара и конь его, — впрочем, я не знаю наверно, может быть, и не от этого удара, а от другого, нанесенного ему султаном. Высвободившись из-под коня и укрепленный как бы божественной силой, император вскакивает на ноги, извлекает меч из ножен и, когда султан уже отвернулся и с презрением вскричал: «возьмите его», поражает сзади по ногам огромную лошадь, на которой ездил султан. Как с башни упал со своей лошади султан, и тот же час отделилась голова его от тела. Между тем ни сам император², ни бывшие с ним не видели, кем она была отсечена. Император спешил воспользоваться тут же своей победой, потому что дальше уже не мог он идти с тем небольшим количеством воинов, которое у него осталось. Римляне могли теперь вздохнуть свободнее, потому что мусульмане заключили здесь с ними неразрывный союз. А император, избавленный таким образом от борьбы с этой стороны, занялся войной с итальянцами. Между прочим, он нашел и тестя своего, императора Алексея, на поле битвы,

---

ших трудов. Нет, такой оборот дел он принял с неудовольствием, весь отдался зависти и недоброжелательству и, коротко сказать, стал собираться с силами для битв и пролития родственной крови». Рим. Ист. Григ. кн. 1, стр. 16 по р. перев.

¹ Феодор Ласкарис прошел к Антиохии кратчайшим путем через теснины горного хребта Олимпийского, разделяющего обе Фригии от Вифинии. Это пространство он прошел в 10 дней, и потому султан никак не хотел верить, чтобы Ласкарис мог быть у Антиохии так скоро.

² Григора, напротив, говорит, что голова султана была отрублена самим Ласкарисом. Рим. История. кн. 1, стр. 20 по р. перев.

обошелся с ним с подобающей честью, взял с собой в Nikeю и, сняв с него знаки царского достоинства, приказал жить в монастыре Иакинфа, где он и умер, а супруга его Евфросинья скончалась и погребена в земле Артской.

11. Оделел император Феодор и Давида, владетеля Пафлагонии, овладел также Иралией и Амастрией и всей окрестной страной с городками. Но мне опять хочется возвратиться к истории Запада и рассказать случившиеся там события. А чтобы моя история была для всех понятна, начну несколько раньше.

Когда у императора Исаака во время владычества его над Константинополем скончалась супруга, он взял в жены себе, как сказал я, венгерку, дочь венгерского государя. Желая устроить брачный пир по-царски, он счел нужным сделать и сообразные с тем поборы. Поэтому со всей Римской империи были собираемы овцы, свиньи и волы; а так как всего более производила их Болгария, то от нее и потребовали их в самом большом количестве. Но племя болгарское¹ издревле {21} было враждебно римлянам и много раз причиняло им войны, пленения, опустошения и другие бесчисленные бедствия. И это делалось в продолжение многих лет, пока наконец оно было покорено императором Василием, который за это прозван был Болгароктоном (Бичом болгар), и с того времени до самого Исаака оно платило римлянам дань. А тут по упомянутому нами случаю вздумало возмутиться: восстал некто, по имени Асан², и объявил себя царем страны, подчинив себе всю местность внутри Гема и даже до самого Истра (Дуная). Это сопровождалось немаловажными следствиями для римлян, ибо болгары, имея союзниками скифов, нанесли много вреда владениям римским. Поэтому император Исаак принужден был собрать все силы римлян в одно войско и двинуть оное против них. Пройдя приморским путем через город Месемврию, он прибыл в пределы Гема. А так как Асан со своим войском заключился внутри крепости, называвшейся Стринавом, то Исаак раскинул тут же лагерь и осадил болгар, но был обманут ими. Один болгарин под видом перебежчика пришел к императору и сообщил ему, {22} что ему готовится нападение со стороны скифов. Смущенный этой вестью, в следующий же день император отходит от крепости, уже готовый сдаться, и при этом избирает не тот путь, которым пришел, а другой, который присоветовал ему избрать тот же болгарин как кратчайший путь из Болгарии. Но при проходе через одно тесное место на него напали болгары, рассеяли все войско и захватили весь запас не только войска, но и самого императора. Много римлян пало тогда, спаслись вместе с императором весьма немногие, да и те — нагие. А болгары до чрезвычайности возгордились тем, что отбили у римлян такую богатую добычу и, между прочим, драгоценные императорские принадлежности. И действительно, им достались царские пирамиды³, сосуды вельмож, множество денег и самый крест царский⁴. Они вынули этот последний из реки, куда бросил его один из священников. Крест этот был сделан из золота, заключал внутри святое древо, на котором висел Христос Господь, обделанное в форму креста, и имел множество маленьких влагалиц, в которых хранились останки прославленных мучеников, млеко Богоматери, часть ее пояса и многое другое, от- {23} носящееся к святыне. Таким образом, император Исаак, как беглец, возвратился в Константинополь.

---

¹ Географическое положение земли, которую занимали тогда болгары, Григора определяет так: «К северу за Истром есть земля, по которой протекает немалая река,— туземцы называют ее Булга, от нее получили имя и сами болгары, которые по своему происхождению не кто другой, как скифы. Когда недуг иконоборства тревожил православных, болгары поднялись оттуда с детьми и женами и в бесчисленном множестве переправились через Истр. Пройдя затем лежащие по Истру обе Мизии и ограбив мизийцев дочиста, что вошло и в пословицу, как саранча какая или как молния, они занимают Македонию с лежащей за ней Иллирией, довольные теми удобствами, какие нашли там. Столицей их на будущее время сделался город, которому Иустиниан присвоил честь архиепископии и дал имя первой Иустинианы. Потом по племени народа, поселившегося там, эта страна переименована была в Болгарию, а первая Иустиниана признана митрополией Болгарии». Рим. Ист. т. 1 кн. 2, стр. 23 по р. переводу.

² Этот Асан мстил грекам за личную обиду, нанесенную ему севастократором Иоанном, который однажды при многочисленном собрании греков и болгар дал ему жестокую пощечину. Алляций.

³ Это были шапки, имевшие вид пирамиды и носимые обыкновенно владетельными особами тогдашнего Востока.

⁴ Βασίλειος σταυρός назывался крест, который обыкновенно носил кто-нибудь из духовных лиц подле императора византийского, когда он отправлялся на войну со своими войсками.

12. Отсюда немало вышло хлопот римлянам с болгарами, так что уже и после того, как Исаак был ослеплен братом своим Алексеем и держава Римская перешла к нему, римляне продолжали постоянно воевать с болгарами из-за Филиппополя и Веррой, где, между прочим, был взят в плен болгарами протостратор ¹ Камитза тогдашним вождем их Иоанном, братом Асана. Упомянутый нами Асан имел двух братьев, из которых один назывался Петром, а другой Иоанном. Иоанна он всегда держал при себе, а Петра, отделив ему часть своих владений, назначил туда начальником, почему великая Перислава ², Проватус и его окрестности, данные Асаном Петру, до сих пор называются Петровыми. Управляя, таким образом, как царь, в продолжение 9 лет болгарским народом, Асан был убит двою-^{24}родным братом своим Иванком ³, который тотчас же и убежал, а царем болгарским сделался брат его (Асана) Иоанн, так как болгары не захотели принять на царство Петра, а сын Асанов, Иоанн, находился еще тогда в детском возрасте.

13. Этот-то Иоанн, наименованный царем болгарским, причинил много бедствий римлянам и был очень счастливым соперником и самим итальянцам. Он царствовал над болгарами в то самое время, как Константинополь был взят (латинянами). Итальянцы, покорив своей власти всю Македонию при первом константинопольском императоре своем Балдуине, вздумали подчинить себе и Адрианополь, между тем как царь болгарский Иоанн замыслил сам овладеть Филиппополем и оттуда производить опустошительные набеги на римские владения. Так как адрианопольцы не хотели покориться итальянцам, то итальянцы выступили против них в сопровождении императора своего Балдуина и наместника венецианского дожа в Константинополе. Приведенные в немалое затруднение, жители Адрианополя обратились к ^{25} царю болгарскому Иоанну, прося его, чтобы он соединился с ними и избавил их от предстоящей опасности. Он охотно согласился на эту просьбу и, пригласив к себе скифов, решился прибегнуть к хитрости, не надеясь победить латинян открытой силой. Оставаясь сам вдалеке от Адрианополя, он высылает на итальянцев скифов, задумав употребить против них скифский способ вести войну. Итальянцы обыкновенно дрались на конях, тяжеловооруженные с головы до ног, и потому в своих нападениях на неприятелей были медленны и неповоротливы, тогда как скифы, вооруженные легче, проворнее и нападали на противников. Не зная этого, итальянцы были разбиты скифами, так что и сам император их Балдуин был взят ими в плен и в узах представлен к царю болгарскому Иоанну, который, как сказывают, отрубленную голову его, по варварскому обыкновению, обратил в сосуд, очистив ее внутри и украсив со всех сторон снаружи. Адрианопольцы не тотчас узнали о случившемся, ибо если бы они узнали, то немедленно вышли бы из города и овладели бы палатками латинян. Пользуясь этим, итальянцы, здесь оставшиеся, развели большие огни в палатках и, тем давая жителям вид, что они тут, среди ночи бежали к Константинополю. И только уже поутру узнав дело, граждане адрианопольские вышли и разграбили то, что осталось в их лагере. Между тем царь бол-^{26}гарский, в надежде на обещания (адрианопольцев), прибыл к их городу с намерением сделаться их владыкой, но они решительно отказали ему в этом. Оскорбленный до глубины души, царь болгарский хотел было осадить их, но так как болгары были совершенно неспособны к ведению осад, не умея пользоваться ни стенобитными машинами, ни другими разрушительными орудиями, то он и отступил отсюда и, не имея против себя ни итальянцев, напуганных им в последнее время, и никакого другого противника, прошел всю Македонию, собрал огромную добычу, забрал в плен города и вконец разрушил их. Это делал он с той целью, чтобы римляне не воспользовались про-

¹ Начальник отдельного отряда.

² Анна Комнина так описывает этот город: «Этот знаменитый город лежит при Истре и некогда имел не варварское, а эллинское название и как был, так и назывался Мегалополисом (Великим городом). Но с того времени, как болгарский царь Мокр и его потомки, особенно Самуил, последний из болгарской династии, будто иудейский Седекия, стал делать набеги на Запад, этот город получил название сложное, в котором удержалось название эллинское μεγύλη (Великая) и народное славянское и стал называться везде великой Преславой». Сокр. сказ. о делах царя Алек. Комнина. кн. VII, стр. 326 по рус. перев.

³ Ἰβάνκος Так пишет имя его и Никита Хониат. Очевидно, это народное болгарское произношение греческого Ἰωάννης, как русское Иван. Иванко убил Асана по чувству самосохранения. Уличенный в преступных связях с женой Асана, он был потребован к этому последнему ночью. Узнав причину такого несвоевременного требования, он явился к Асану с мечом, спрятанным под платьем, и когда Асан встретил его бранью и угрозами, он обнажил меч и убил его, а сам в ту же ночь бежал. Алляций.

тив него этими городами. Он до основания разрушил Филиппополь, этот славный город, лежащий близ Гебра, потом и все другие города: Ираклию, Паниоп, Редестон, Хариополь, Траянополь, Макру, Клавдиополь, Мосинополь, Перифеорий и многие и другие, которых нет нужды перечислять. Выведя жителей из этих городов, он поселил их при берегах Истра (Дуная) и дал названия этим поселениям от плененных им сел и городов. Он мстил таким образом, как говорил сам, за то зло, какое причинил болгарам царь Василий, и как тот назывался Булгароктоном¹, так он назвал себя Ромеоктоном (Бичом рим- {27}лян). Дойдя до самой Солуни, он умер здесь от колотья в боку или, как некоторые говорили, от Божьего гнева. Ибо во сне ему явился вооруженный муж, который ударил его копьем в этот бок. И поистине еще никто не нанес римлянам столько бедствий, как он, вследствие чего и получил от них прозвание собаки — все и называли его не иначе, как Скило-Иоанн (Собака-Иоанн). Ибо, освоившись с племенем скифским и соединившись с ним родственными связями, он усвоил и характер их зверской природы и находил особенное удовольствие в убийстве римлян. По его смерти сделался владыкой болгар сын сестры его, по имени Ворила, женившийся на тетке своей, скифянке. А сын Асанов Иоанн, о котором я упоминал уже, еще в детстве был взят кем-то тайно и отведен к скифам. Итак, вот что мы должны были сказать о болгарах. Перейдем теперь к тому, что делалось у нас (греков) в это время.

14. Михаил, который, как мы сказали, владел Эпиром и некоторыми частями римских владений, имел трех братьев: Константина, Феодора и Мануила, из коих Феодор был на службе у императора римского Феодора Ласкариса наравне с прочими римлянами. Поэтому Михаил просил императора Феодора отпустить его к нему, так как у него нет возрастного и законного сына (потому что сын его Михаил, о котором мы скажем впо- {28}следствии, был прижит им от наложницы), а между тем он ежечасно опасается смерти и признает остальных своих братьев неспособными к царствованию. И император Феодор отослал этого Феодора к брату его Михаилу, взяв с него наперед клятву верности себе и своим преемникам на римском престоле. Феодор прибыл и стал жить при брате своем Михаиле. Немного спустя Михаил был убит ночью, в то время, как он спал на своем ложе со своей супругой, одним из своих служителей, по имени Ромеем (Ρομαίος). Поэтому Феодор и принял власть брата своего. Братья его Константин и Михаил были при нем же. Получив власть, он значительно расширил свои владения²; приобрел немалый участок земли из владений итальянских и очень значительный из болгарских; овладел Фессалией, Ахридой, Прилапом, Албаном и даже самым Диррахием. При этом последнем он обратил в бегство Петра³, шедшего с большим войском из Италии. Он направлялся в Константинополь как провозглашенный папой⁴ императором (византийским). Этот Петр был женат на сестре первого императора латинских владений (в Римской империи) Балдуина и преемника его Эрика, Иоленте, от ко- {29}торой он имел трех сыновей: Филиппа, Роберта и Балдуина, из коих Роберт и Балдуин впоследствии царствовали в Константинополе, так как старший брат их Филипп передал свои права на престол брату своему Роберту. Были у них и сестры, из которых одна, Мария, была в супружестве за императором Феодором (Ласкарисом). Упомянутый нами Феодор, взяв свое войско, заступил дорогу Петру в то время, как он только что перешел за Диррахией и вступил в теснины албанские. Победа Феодора Комнина над латинянами была так решительна, что почти все войско попало в плен со всеми обозами и сам император Петр сделался жертвой меча⁵. Это событие весьма много поправило дела римлян.

15. Но мы должны опять возвратиться к императору Феодору Ласкарису. От своей супруги Анны, как я сказал, он имел трех дочерей: Ирину, Марию и Евдокию. Вторую из них, Ма-

¹ См. Рим. Истор. Никиф. Григоры стр. 25 кн. 2 по рус. переводу.

² См. Рим. Историю Никиф. Григоры, кн. 2, стр. 23.

³ Этот Петр был провозглашен византийским императором в 1216 г. из графов антисидоренских (Antisiodorensis).

⁴ Гонорием III.

⁵ Иначе об этом событии рассказывают западные писатели. По их словам, император Феодор заключил союз с Петром, когда он был на дороге к Константинополю, и, пригласив его к себе на пир вместе с бывшим при нем папским легатом, овладел обоими и заключил их в темницу. Через несколько времени легат получил свободу благодаря настоятельным письмам к Феодору папы. Куда исчез Петр, неизвестно. Vid. Chronic. Richardi de S. Germano.

рию, он выдал за сына ¹ короля венгерского, который засватал ее, возвращаясь на родину из Иерусалима, а первую дочь, Ири-^{30}ну, сочетал браком с Алексеем Палеологом, которого почтил достоинством деспота. Спустя немного времени деспот Палеолог умер и царь сделал зятем своим Иоанна Дуку, по прозванию Кататзу, происходившего из Дидимотика и исправлявшего должность протовестиария. Незадолго перед этим умерла императрица Анна ², и царь взял себе жену из Армении ³, но, будучи недоволен ею, отослал ее в отечество ее, Киликию, и избрал себе в супруги сестру императора латинского, который, как я сказал уже, назывался Робертом и наследовал дяде своему Эрику. Этот Эрик наделал много хлопот римлянам и самому императору Феодору. Это был человек мужественный, склонный к битвам, очень хорошо понимавший бедственное состояние римлян, увеличившееся особенно после известного сражения, в котором погиб султан, потому что тогда погиб франкский отряд, при содействии которого император Феодор со своими единоплеменниками так смело вступил в бой,— в этом отряде было много рыцарей знатного рода и испытанной храбрости, не расположенных к Эрику, который их побаивался. Поэтому, как говорят некоторые, услышав о победе императора, Эрик вос-^{31}кликнул: «побежден, а не победил Ласкарис!» Я привел эти слова для того, чтобы не затягивать далеко истории,— в них все сказано. Эрик поставил свой лагерь у самого Нимфея, в пустом месте, где никто ему не мешал. Возвратившись из своего лагеря, частью потому что пресытился уже добычей, частью желая отдохнуть (латиняне вообще не очень сносливы в трудной походной жизни), он вступил в союз с императором Феодором. Они условились, чтобы всеми землями, лежащими от Кимены (так называется гора близ Ахирая) и далее за Ахирай, владели франки, чтобы Калама (крепость, от которой начинается провинция Неокастры) осталась необитаемой, а отсюда начинались владения царя Феодора: Неокастры, Кельвианон, Хлиара, Пергам и лежащие по сторонам их Магидия и Опсикия. Кроме того, у императора Феодора была во владении и еще область, начинавшаяся от Лопадия и заключающая Прузу и Никею. В таком положении были дела императора Феодора.

16. Упомянутый нами Эрик ⁴ хоть родом был и франк, однако же был очень внимателен к римлянам и природным жителям Константинополя и многих из них приблизил к себе, других принял в свои войска, ^{32} а простому народу покровительствовал так же точно, как своему собственному. Овладев римскими крепостями Лентианом и Пиманином и встретив там людей, для которых война была стихией и которые совершили дела, достойные великой души, он принял их к себе (на службу), как редкую находку. И действительно, защитники крепости Лентианы, несмотря на то, что у них был сильный недостаток в воде и вследствие голода принуждены были есть кожи от своих щитов и верхних одежд и стена недолго выдержала и пала от стенобитных машин, целых сорок дней держались в ней среди страшного пожара, сами подерживая этот пожар всем, что только было деревянного в крепости. Когда она была взята, никто из них не погиб, исключая брата царского, начальника гарнизона Дермокаита, и Палеолога Андроника, которого, как мы сказали уже, царь избрал в супруги дочери своей Ирине. Всех же других Эрик собрал и распределил по отрядам, дав им вождей из их единоплеменников, а главное начальство над всеми вручив Георгию Феофилопулу, поручил им охранение восточных областей.

17. В управление Эрика же был послан от папы в Царьград архиерей в качестве легата, по имени Пелагий ⁵, со всеми папскими ^{33} прерогативами. Он носил красные сандалии и такого же цвета одежды, тем же цветом были окрашены и покрывало, и сбруя коня его. Будучи жестокого и надменного характера, он много причинил напастей жителям Константинополя.

---

¹ За Андрея II, сына Бэлы IV, короля венгерского.

² Григора вернее называет первую супругу Феодора Ириной. Акрополит сбивается здесь в именах, как видно будет дальше.

³ Григора ничего не говорит об этой армянке. По его словам, Ласкарис, по смерти своей первой супруги, прямо женился на сестре Роберта. Рим. ист. кн. 2, стр. 44 по рус. перев.

⁴ Эрик по смерти брата своего Балдуина год и четыре месяца правил империей без императорского титула, так как в смерти Балдуина еще не были уверены в Константинополе.

⁵ Пелагий — кардинал, епископ Албанский, был послан Иннокентием III в качестве папского легата в Константинополь с целью подчинить Греческую Церковь папе. По сознанию самих западных писателей, он вел свои дела крайне взбалмошно и опрометчиво и содействовал усилению вековой вражды Запада с Востоком. Он умер при Гонории III легатом в Сирии и Египте. Vid. Sabellici Ennead. 9. lib. 5.

Благословною виною его прибытия было следующее. Он принуждал всех покориться власти ветхого Рима! И по этому поводу отправлял в заточение монахов, заключал в узы священников и запер все храмы. Он предлагал одно из двух: или признать папу первым архиереем и помянуть его имя при священнодействиях ¹, или же смерть {34} несогласному на это. Такое насилие ожесточило, наконец, жителей Константинополя, и особенно знатных между ними, которые, отправившись к императору Эрику, сказали ему: «Государь! Мы принадлежим к другому племени, у нас есть свой архиерей, и если мы признаем твою власть, то во внешних только делах, а не в духовных и не в делах совести. Мы обязаны сражаться за тебя на войне, но не можем отказаться от своих обрядов и от того, что считаем священным для себя. Итак, или освободи нас от постигших нас напастей, или позволь нам уйти к нашим соотечественникам. Не желая лишиться такого множества хороших и достойных людей, Эрик против воли упомянутого легата отворил храмы, освободил заключенных в темницы монахов и священников и таким образом утишил охватившую Константинополь бурю. Но еще до этого многие из монахов ушли к императору Феодору, и им отведены были по его приказанию монастыри для жительства. И некоторые священники удалились также в Никею, и одни причислились к патриаршему клиру, а другие, прилепляясь к священным храмам, проводили спокойно жизнь свою. Так кончилось все это дело по распоряжению царствовавшего тогда в Константинополе Эрика. {35}

18. По смерти его брат ² его Роберт ³ вел дела очень слабо. Сестру его взял в супружество император (Феодор). Прошло немного лет после этого,— Роберт, император константинопольский, не успел еще жениться,— и император (Феодор) задумал нечестивое дело: он затеял женить его на дочери своей, Евдокии. Отсюда и возникла ссора между ним и тогдашним патриархом Михаилом, который никак не соглашался на такой непозволительный брак. Но царь не успел привести в исполнение своего намерения. Не успев еще отправить своей дочери в Константинополь, он среди приготовлений к предположенному браку кончил свою жизнь, оставив свое царство зятю, Иоанну Дуке, за неимением возрастного наследника мужского пола. Правда, он имел двух сыновей от царицы Анны, но они раньше умерли, имел он и еще сына, рожденного от другой супруги, армянки ⁴, но {36} он был только еще 8 лет, когда умер царь — отец его. Потому он лишился наследства и этого сына и царство получил муж его дочери. Император Феодор Ласкарис ⁵ умер 45 лет с лишком, царствовал 18 лет. Он был ростом

---

¹ По древнему обычаю, строго соблюдавшемуся в Восточной Церкви до разделения церквей, имя римского первосвященника возглашалось на ектениях церковных наряду с именами восточных патриархов. Но во время, о котором здесь речь, это разделение было уже совершившимся фактом. И потому имя папы было изглажено из церковных диптихов на Востоке и не произносилось уже более в ектениях. Кроме того, как известно, по древним канонам, папа занимал первое место между остальными патриархами, и поэтому имя его и на ектениях произносилось первым. В том и другом случае это первенство было формальной почестью, не больше. Нужно же было кому-нибудь из числа совершенно равных между собой лиц быть первым по счету и сидеть на первом месте в общих собраниях. Из уважения к царственному городу Кесарей это место было оставлено за папой. Но в этом простом факте папы видели гораздо больше. Численное и почетное первенство они превратили в первенство по достоинству, власти и правам, словом, сделали себя не первыми между равными, а единственными, присвоили себе главенство. Оно им грезилось везде, а между прочим и в традиционном упоминании имени их первым на ектениях. Вот почему папский легат так настойчиво требовал восстановления этого древнего обычая. С его точки зрения, восстановление этого обычая равнялось формальному признанию главенства римского первосвященника Восточной Церковью.

² Акрополит называет Роберта, преемника Эрикова, братом его. Это совершенно несправедливо. Роберт был сыном сестры Эриковой Иоланты, или Волантиды, бывшей в замужестве за Петром Кортенеем, графом антисидоренским, о котором была речь выше; следовательно, он был племянником, а не братом Эрика.

³ Роберт был очень слабым государем, особенно после такого мужественного, умного и гуманного государя, каким был Эрик. Современные ему латинские хроники наполнены скандальными рассказами о бесцеремонном обращении этого государя с личностью и честью константинопольских женщин. Он правил Латинской империей в Константинополе неполных семь лет.

⁴ Григора, напротив, уверяет, что император Феодор не оставил после себя никакого сына. Римск. Ист. Григоры, по русск. пер. стр. 22.

⁵ Григора оставил нам такую характеристику Феодора Ласкариса: «Это был стремительный и неустойчивый боец; он подвергал себя опасности во многих битвах, он поправил множество городов, не

мал, хотя и не очень, несколько черноват, имел длинную бороду, книзу раздвоенную, и глаза несколько розвившие; был отважен в бою, склонен к гневу и любовным наслаждениям и чрезвычайно щедр на дары. Кто нравился ему, тем он давал столько золота, что обогащал в одну минуту. Войны с персами и итальянцами часто ставили его в трудное положение; тем не менее он положил начало восстановлению Римской империи, за что и обязаны ему римляне великой благодарностью. Тело его положено в монастырь Иакинфа, где погребен и царь Алексей, и супруга его царица Анна.

19. По смерти его, как сказано, наследовал римский скипетр зять его, Иоанн Дука, который и был коронован патриархом Мануилом, преемником Максима. По смерти патриарха Михаила престол патриарший занял Феодор Ириник, который был прозван мно- {37} гими Копасом; но по шестилетнем управлении ¹ он кончил жизнь свою, и на патриарший престол вступил монах ² Максим, большой угодник женщин, которые в свою очередь сильно ему покровительствовали, и этим только покровительством можно объяснить возведение его в столь высокий сан. Но и этот умер через шесть месяцев ³ своего правления, и на патриарший престол вступил Мануил, который смотрел философом, каковым многие его и называли.

20. Возвратимся опять к делам болгарским. Первый царь болгарский, Асан, имел двух сыновей: Иоанна и Александра. Первый из них во время управления болгарями упомянутого уже нами Ворила убежал в страну руссов, прожил здесь довольно долго и, собрав к себе несколько дружин русских, стал добиваться своего отеческого наследия: вступил в борьбу с Ворилой, победил его и стал обладателем довольно обширной страны. Между тем Ворила заключился в Тернове и в продолжение семи лет выдерживал осаду. Потом бывшие с ним утомились и передались Асанову сыну. Бросившись в бегство, он был схвачен и ослеплен Иоанном, {38} который таким образом сделался обладателем всей Болгарии. Вот доколе о делах болгарских.

21. Между тем Феодор Комнин, о котором мы недавно упомянули, не желая оставаться в том положении, какое занимал уже, но мечтая об императорском достоинстве, когда сделался обладателем Солуня ⁴ и покорил своей власти значительную часть римских владений, частью занятых итальянцами, частью захваченных болгарами, облекся в порфиру и стал носить красные сандалии ⁵, хотя на него сильно восстал за это митрополит Солунский Константин Месопотамит, за что этот защитник канонических постановлений подвергся многим напастям и гонениям. Но архиепископ Болгарский Димитрий ⁶ согласился возложить на него царскую корону, говоря, что он самозаконен ⁷ и не обязан никому давать отчета (в своих действиях) и потому может помазывать на царство кого бы, когда бы и где бы он ни захотел. Провозглашенный императором, Феодор повел {39} дела по-царски, назначил деспотов, великих севастократов ⁸, протовестиариев — словом, весь царский штат. Но плохо знакомый с внутренним строем царского двора, он ввел у себя порядки болгарские или, лучше, варварские. Тут не было ни чина, ни благолепия, ни древних обычаев, соблюдаемых при дворах. Он немало мешал Иоанну. Этот император согласился считать его вторым после себя и участником царской власти, оставил его владеть своей землей (которой он уже завладел) с условием, чтобы он ни на что другое не притязал своих притязаний; а он между тем усиливался все более и более (на счет императора Иоанна).

жалае издержек на прекраснейшие здания и на укрепления, чтобы останавливать и сдерживать движения латинян». Рим. И. Григоры по русск. перев. кн. II, стр. 22.

¹ В Notitia Patriarcharum сказано, что этот патриарх (его фамилия там пишется κῆλᾱς, а не κωλᾱς) жил только один год 4 месяца и 3 дня. Dousa.

² Из монастыря, называвшегося Ἱακωβίτων, как значится в Notitia Patriarcharum. Dousa.

³ В Not. Patriar. чрез 8 месяцев.

⁴ Так как этот город безразлично называется и Солунем, и Фессалоникой, то и мы будем называть его безразлично тем и другим его именем.

⁵ Обувь византийских императоров, достигавшая от ступни до колена. Meursius.

⁶ Пахимер называет этого архиепископа Иаковом. Hist. lib. 2.

⁷ Ἀὐτόνομος. Архиепископ Болгарский пользовался тогда правами нынешних автокефальных митрополитов на Востоке. Vid. Syntagma de perpetna utriusque ecclesiae, occidentalae et orientalae consensione. lib. 1. Allat.

⁸ Севастократ был выше кесаря, и имя его провозглашалось вслед за именем царя. Но должности с этим титулом никакой не соединялось. Cod. ed. Bon. p. 174.

22. Император Иоанн, несмотря на то, что так недавно принял державу Римскую, находившуюся притом в очень затруднительном положении, не хотел, однако же, терпеть других владык над нею и потому через два же года начал войну с итальянцами. Против него собралось значительное латинское войско, которым предводительствовали родные братья царя Феодора, севастократоры Алексей и Исаак,— они вслед за смертью императора, брата своего, взяв с собой дочь его Евдокию, задумали удалиться в Константинополь, но ошиблись в своих расчетах и вынуждены были бе- {40} жать ¹. Сражение произошло в пределах Пиманина, где стоит храм архистратига бесплотных сил Михаила, и царь одержал решительную победу. В то время как уже большая часть римлян была почти разбита, он сам с горстью воинов выиграл все дело: потрясая копьем, бросился он на врагов и показал такую отвагу в этой битве, какой еще не было и примера. Эта победа чрезвычайно содействовала возрастанию могущества римлян и, напротив, унижению и упадку итальянцев. Более знатные между ними на этом сражении попали в плен императору; родные братья его, Ласкарисы, были ослеплены им, как виновные; другие сделались жертвой меча; да и те, которые не принимали участия в сражении, были объаты ужасом. Так, отряд итальянцев, осаждавший в это время крепость Серры, принадлежавшую Феодору Комнину, как скоро узнал об этом поражении {41} своих соотечественников, тотчас же обратился в бегство, сняв осаду Серр, хотя крепость очень скоро принуждена была бы сдаться. Вследствие этого итальянские владения, разбросанные там и сям по Востоку и Западу и стесняемые отовсюду сильными врагами,— царем Иоанном и Феодором, который тоже слыл за царя,— начали клониться к упадку. Разбив, таким образом, в упомянутом месте итальянцев, император Иоанн осадил занятые ими римские укрепления и забрал их одно за другим тем легче, что ни с какой стороны не подавали им помощи. Хотя находившиеся за укреплениями оказывали сопротивление, но так как император не только заставлял их выдерживать продолжительные, но и несвоевременные осады, потому что не только весной, летом и осенью, но и среди зимы он предпринимал походы, придвигал машины и разрушал передовые укрепления; то осажденные, выбившись из сил от утомления, одни изменой клятве покупали себе жизнь, другие падали в бою или попадали в плен. Таким образом император овладел Пиманином, Ленианой, Хариаром и Вервенияком. Этого мало: преследуя латинян на всех пунктах, Иоанн готовил триеры ² и поста- {42} вил их на Геллеспонте у одного места, которое называлось Олкосом, и отсюда сделал им много вреда, высаживаясь на западные берега и производя большие опустошения. Между прочим, он опустошил крепость Мадиты и Каллиополь и все морское побережье, платившее дань итальянцам.

23. Но в то время как император Иоанн неумоимо бился с итальянцами на море и на суше, против него составил заговор. Главой его был двоюродный брат царя Андроник Нестонг. Презрев узы родства, расторгнув союз дружбы, он затеял бунт против царственного брата своего; соучастниками его в этом заговоре был родной его брат Исаак и немало других

---

¹ Обо всем этом Григора рассказывает так: «В это время царствовал в Византии Роберт, племянник по сестре умершего незадолго Эрика. К нему-то обратились братья царя Феодора Ласкаря, следуя внушению зависти и сильной досады на то, что сделались преемниками царства не они, которые, как кровные родственники, ближе к Феодору, чем Иоанн, принадлежащий к их роду по свойству. При посредстве денежных подарков и обещаний собрав войско, сколько тогда было его у Роберта, они выступают против царя Иоанна Дуки, рассчитывая лишить его власти и прибрать ее к своим рукам... Произошло жестокое сражение, латиняне были разбиты наголову, после чего потеряли все города, подвластные им в Азии, потому что те тотчас же сбросили иго латинского рабства и добровольно передались царю». Рим. Ист. Григ. Кн. II, стр. 23 по рус. пер.

² Подробнее о поспешно устроенном флоте и действиях его рассказывает Григора. Вот его слова: «Снарядив немалое число длинных кораблей, он (император) отправляет их к Эгейским островам и в короткое время берет все: Лесбос, Хиос, Самос, Икарию, Кос и острова, смежные с ними. Этого мало: отправившись к Родосу, он берет и его. Когда же царский флот получил такую силу на море, а персидские войска в Азии оставались в покое, силы же латинян мало-помалу истощались и слабели, царь нашел удобном перенести оружие из Азии уже в Европу, чтобы освободить тамошние несчастливые города от рук болгар и итальянцев. Поэтому, с весной переправившись через Геллеспонт, прежде всего нападет на Херсонес (фракийский) и отсюда вносит опустошение в смежную землю, к изумлению крепостных латинских гарнизонов. Взял он весьма много и приморских городов: Каллиуполь, Сист, Кардианы и другие, находившиеся поблизости, одни силой и приступом, другие с их собственного согласия». Римская Ист. Григоры, кн. 2, стр. 27 по р. пер.

знатных лиц, каков, например, Фламулий, которого император почтил званием великого этерарха, Тарханиот Синодин, зять его Стасион, Макрин и очень много других. Заговор этот созрел долгое время. Император узнал о нем, будучи в Лампсаке. Предав огню трииры, дабы они не достались итальянцам, и считая войну внут-^{43}реннюю важнее внешней, он, оставив Лампсак, отправился в Ахерай и здесь принялся за исследование заговора. Все соучастники в заговоре были осуждены на смертную казнь. Но император смягчил строгость закона и только двух мятежников осудил на ослепление и отсечение руки — Исаака Нестонга и Макрина, который, по собственному признанию, часто покушался, стоя сзади императора, извлечь меч и нанести ему смертельную рану. Что же касается других, то он подверг их довольно незначительным наказаниям, разослав большую часть из них по темницам на временное заключение, и в том числе самого зачинщика заговора, добивавшегося царства, Андроника Нестонга, которого заключил в крепость Магнезию. Чувство любви не позволило императору отплатить ему злом за зло.

Спустя немного времени он (Нестонг) бежал из крепости, по словам некоторых, с согласия самого императора, который велел смотреть за ним как можно слабее и как бы хотел, чтобы он украл свое спасение. Убежав из крепости ночью, он ушел к мусульманам и там прожил до самой смерти. Впрочем, после этого события император сделался осторожен, ограничил прежний к себе доступ и назначил телохранителей, которые должны были днем и ночью сторожить вокруг него. На этом особенно настояла императрица Ирина, имевшая характер ^{44} мужественный и со всеми державшая себя по-царски.

Между тем итальянцы, желая вступить в союз с императором, уступили ему крепость Пиги. Таким образом, император Иоанн заключил с ними мир, когда латиняне отказались от всех своих владений к югу, хотя еще владели на севере окрестностями Константинополя и прилежащими к городу Никомидии местами.

24. Но прежде всего этого случилось еще вот что. Жители Адрианополя отправили к императору посольство просить его, чтобы он послал к ним войско и освободил их от власти итальянцев. Царь отправил к ним с войском протостратора Исиса, которому сопутствовал и Иоанн Камидза. Оба они, переплыв Геллеспонт и пройдя через Македонию, прибыли к Адрианополю, были приняты в город и утвердились в нем. Император Иоанн надеялся овладеть при этом и окрестностями города. Но владельцем всех близлежащих мест был Феодор Комнин, — как мы заметили выше, — за исключением одной только горы Родопы с ее крепостями, иначе называемой Ахридос (Αχρῖδὸς), и Меленика. Этими последними владел Стлав, родственник царя Асана, пожалованный в деспоты императором константинопольским Эриком и имевший в супружестве дочь его от наложницы. Этот Стлав, — позволяем себе прервать здесь несколько связь речи, — имея в руках своих ^{45} сильную и почти недоступную для врагов крепость Меленику, был самодержавным государем и никому не подчинялся из окружавших его владельцев лиц. Иногда он помогал итальянцам — по родству с ними, иногда болгарам — по чувству единоплеменности, а иногда и Феодору Комнину; но никогда и никому не подчинялся и на свою верность и преданность никому не давал права рассчитывать на верное и исключительно. По смерти супруги своей он вступил в родство с Феодором Комниным, женившись на дочери Петралифа ¹, его шурина, о которой будет речь впереди. За исключением, как сказал я, областей, принадлежащих этому-то Стлаву, и владел всеми остальными Феодор Комнин. Имея уже в руках своих Мосинополь, Ксанфию и Градзиану, он перешел через гору Стагиру ², кото-

¹ Никита Хониат упоминает о четырех братьях Петралифах, происходивших из рода франков и издавна уже переселившихся в Константинополь. Хон. ист. Мануила Комнина, кн. 2.

² Местности, провинции, города, реки и проч. находившиеся на территории Византийской империи и соседних земель неоднократно меняли свои названия в народе и у писателей. Аллаций представил список таких названий, как древних, так и новых, извлеченный из одного греческого кодекса (под названием Περί Ἐλθονντίας πόλεων καὶ τόπων), найденного в Венеции Аппрозием Винтимиллиа. Мы прилагаем здесь этот список для лучшего понимания византийских историков. «Город Амы теперь Хризополь. Апия теперь Корони. Аполлония теперь Иерисс, она же прежде называлась еще и Олинфом. Аргос фессалийский теперь Ларисса. Птолемида — Филадельфия. Ахайя — Патра. Беотия — Ливадия. Вериуполь — Струмита. Велентиуполь — Велевусий. Елиссон — Елассон. Эпидамн — Диррахий. Европа — весь Запад. Гераклея — Пелагония. Феуполь — Пруза. Ферма (Θέρμη) — Солунь, также Имафия. Иллирийцы — албанцы (Αλβανῖται). Иллирик — Каник и Сербия. Кетейцы — македоняне. Киликия — Арме-

рую многие называют Макрою, {46} и отсюда направился к Гебру,— все эти места он нашел незащищенными и неукрепленными. Потом достигнув Дидимотиха, через несколько времени провозглашается здесь царем всех этих мест. Но придя к Адрианополю, он нашел в этом городе упомянутого протостратора Исиса и Камитзу с войском императора Иоанна. Разными льстивыми обещаниями обогатить жителей и возвысить их над другими римлянами он склоняет их изгнать войско императора и принять его собственное. И действительно, протостратор Исис и Камитза принуждены были оставить город вместе со своим войском, успокоенные клятвой (со стороны императора Феодора и жителей), что им не будет сделано ни малейшего вреда. При выходе протостратор совсем не видал Феодора Комнина (они так условились раньше). А Камитза, встретясь с ним, не сошел с коня и не поклонился ему, как царю. Оскорбившись этим, Феодор Комнин (ибо он хотел, чтобы все римляне считали {47} его царем, так как он вообще слыл за царя) осыпал его ругательствами и едва-едва не прибил его. Но это послужило лишь к тому, что Камитза получил большую почесть от императора. Ибо, как только переплыли они Геллеспонт и явились к императору, его сделали за это великим этериархом¹. А Феодор Комнин, сделавшись владетелем Адрианополя, много повредил итальянцам. Он прошел почти по всем завоеванным ими провинциям. Достигнув до самой Визии, овладел предместьями этого города и взял здесь большую добычу. Отсюда он проник до самых ворот Константинополя и навел большой страх на латинян. В это время одним из воинов Феодора был поражен копьем в шею — некто Асел-Декаэ, женатый на дочери царя Феодора Ласкариса. Рана его была, по-видимому, смертельна, но один искусный врач вылечил его; только голос его с этого времени стал чрезвычайно слаб, а шея неповоротлива. {48}

25. Вследствие такого расширения своих владений сделавшись соседом болгар, Феодор Комнин заключил союз с болгарским царем Иоанном Асаном, который воцарился над болгарями после Ворилы, и вступил в родство с ним, женив брата своего Мануила на дочери его Марии, прижитой им от наложницы. Но этот союз тотчас же сам и нарушил. Будучи человеком горячим и непостоянным не только в царских, но и обыкновенных делах, постоянно нарушая клятвы и изменяя своим союзникам, он пошел против болгар, собрав большое войско из римлян и итальянцев. Оставив позади себя Адрианополь, он направился вверх по Гебру и искал только случая сразиться с болгарями и нашел свою гибель! Он думал, что болгары страшно испугаются его и не выдержат первого натиска его войск. Но болгары и не думали пугаться. Напротив, Иоанн Асан, воодушевленный вероломным поступком Феодора больше, чем своими силами, и взяв небольшое вспомогательное войско от скифов — тысячами считать в нем было нечего,— смело устремился в борьбу, вывесив на знамени, как сказывали, и письменную клятву Феодора. Войска сошлись в одном месте, лежащем близ Гебра, называемом Клокотинидзой, и — скажу кратко — Феодор поражен был скифами и болгарями наголову и попал в плен своим врагам, а вместе с ним немалое число его родственников и других должностных и знатных особ. {49} Равным образом все, что было с ними в их лагере, досталось победителям. Но Асан поступил с пленными весьма человеколюбиво: очень многих из войска, особенно простых и незнатных воинов, он освободил и разослал по их селам и городам сколько из человеколюбия, столько же и для своих выгод. Он хотел через это привлечь на свою сторону римлян и не ошибся, потому что, когда он отправился отсюда далее, все покорилося ему без кровопроли-

---

ния. Киликиец — армянин. Колоссы — Хони (Χῶνας). Одрис и Орестия теперь Адрианополь. Орфагория — Махра. Пидас — Мефона. Херсонес-Гомеров — Пилос, отечество Нестора,— теперь Аварин. Пидна — Китр. Питидея — Кассандрея или Веррея. Родопа — Филиппополь. Сирмиум теперь Венгрия, а в старину Гипедон. Фотика — Бэла. Эллада — Пелопоннес. Эвбея — Эврип. Сюда можно присоединить еще из Анны Комниной: река Монолик теперь Варин; залив Лихнитский теперь Ахридский, Темпа — Клисурь, Кримида — Филиппополь; трибаллы — сербы. Из Никиты Хониата: Колония — Таксара, Сардик — Триадитза; Топпи — Аке. Из Ставрация: гора Афонская — Святая гора». Алляций.

¹ У Кодина в списке придворных должностей великий этериарх занимает 15 место. В круг его обязанностей, кроме распоряжений при выходе императора, входило принимать приходящих изгнанников, отчего, по Кодину, он получил название этериарха как принимающий етеров (ἐταίρης), или друзей. В отличие от подчиненных ему этериархов он назывался великим. По другому мнению, этериарх получил свое название от ἑταρεία, а этерией называлась когорта охранного при особе царя войска, составленного из одних иностранцев. Этерия была большая и малая — отсюда различие этериархов. Главная их обязанность состояла в охране особы царя от подозрительных лиц.

тия, и он подчинил себе Адрианополь, затем спустя немного Дидимотих, потом весь Волерон, Серры, Пелагонию, Прилап и их округа. Прошел также через Великую Влахию¹, занял Елван и овладел всем даже до Иллирика. Таким образом осуществив большую часть своих замыслов и устроив дела по своей воле, он возвратился в свои владения, оставив только некоторые крепости во власти римлян, а большую часть покорив себе и поставив в них гарнизоны, вождей и сборщиков податей. Все дивились ему и превозносили его, потому что он никогда не поднимал меча на своих подданных, не запятнал себя и убийством римлян, как поступали до него бывшие правители Болгарии, за что и был любим не только болгарами, но и римлянами и другими народами.

26. Феодор Ангел, как мы сказали, сдe-^{50}лавшись вместе со своими родственниками и знатными лицами пленником Асана, находился под стражей; впрочем, Асан долгое время обходился с ним весьма благосклонно. Но когда он попытался произвести смуты в его государстве, то Асан ослепил его². Между тем брат его Мануил Ангел, пожалованный им в деспоты, обратившись в бегство одновременно со всем римским войском, ушел в Фессалонику, провозгласил себя ее владетелем и стал управлять ею и ее окрестностями, подписывая свои грамоты красными чернилами³. Между прочим, над ним посмеялся один из отправленных к нему царем Иоанном послов, заметив, что к нему гораздо больше, чем к Христу относится псаломская песнь: «Тебе царя и владыку»⁴. {51} Тем не менее Мануил Ангел стал владеть с этого времени лежащими на западе областями и городами, нисколько не стесняемый болгарами, так как он был в супружестве с побочной дочерью царя их Асана.

27. Но история наша опять должна обратиться к Константинополю и латинянам. По смерти императора константинопольского Роберта, случившейся после взятия им Еврипа, остался брат его⁵ Балдуин, бывший в это время еще малолетним. Поэтому латиняне отправили посольство к Иоанну, титулярному королю иерусалимскому, стяжавшему громкую славу на военном поприще своей силой и своим величественным видом превосходившему всех окружающих его, с тем чтобы он пришел к ним, принял титул императора константинопольского и управлял ими с самодержавной властью, выдав свою дочь (у него была дочь) за Балдуина, которого считали наследником (константинопольского престола), дабы этот последний наследовал ему после его смерти, когда достигнет совершенного возраста⁶. Король Иоанн был очень {52} стар в это время, имея от роду с лишком восемьдесят лет. Я сам видел его и был поражен его величественным видом и осанкой: он далеко превосходил всех ростом и дородством. Иоанн согласился на предложение посольства и морем прибыл в Константинополь, так как с многочисленной свитой неудобно было путешествовать сухим путем. Поселившись в Константинополе, он не решался выступить из него и первым начать борьбу с римлянами, потому что знал о блистательных воинских способностях императора Иоанна и его опытности в битвах с врагами. И потому самого себя укорял за свое прибытие и за то, что принял за это дело

---

¹ Великой Влахией называлась горная часть Фессалии.

² Гораздо короче и совсем иначе рассказывает об этом Григор. Вот его рассказ: «Иоанн (царь болгарский), видя, что Феодор Ангел не хочет оставить нетронутым и Болгарского царства и простирает уже свою тяжелую и губительную руку и на него, входит в союз со скифами, вступает с ним в упорную войну, побеждает его, берет в плен и выкалывает ему глаза». (Рим. История Григоры к. II, стр. 26). Подобным же образом передает развязку этого дела и один западный летописец: «Того же месяца апреля в империи Греческой было у греков сражение, на котором Комнин был взят в плен и лишен обоих глаз». Richardus a S. Germano in Chronico.

³ Императоры византийские обыкновенно подписывали свое имя красными чернилами. Эти чернила хранились в особенном сосуде, называвшемся *καυκλέϊον* и находившемся в ведении особого чиновника, который в то же время скреплял и подпись императора. Codin. ed. Bonn. p. 206.

⁴ Каламбур основан на греческой фразе: *σὲ τὸν βασιλεῖα καὶ δεσπότην*. Мануил был деспотом (*δεσπότης*), а выдавал себя за императора (*βασιλεὺς*); и посол императора Иоанна остроумно замечает, что теперь он и император, и деспот вместе.

⁵ Матфей Паризий в своей Hist. Anglic. называет этого Балдуина сыном, а не братом Роберта, а вслед за ним и другие западные писатели.

⁶ Рихард а. S. Germano в своей хронике под 1231 годом пишет: «Бывший король иерусалимский прибыл к папе в Рим. Целью его прибытия было то, чтобы сочетать браком дочь свою с сыном константинопольского императора, а самому быть правителем (*curator*) империи, пока тот достигнет законных лет. Собрав войско, он отправился в Константинополь морем из Венеции».

(управления латинской монархией), и жестоко выговаривал тем (хотя и сами они думали так же, как он, и призвали его для своих выгод), которые уверяли его, что он вступит в страну, которой не умеет управлять человек, царствующий над нею; потому что он очень хорошо знал и всегда это высказывал, что если бы и десять таких стран было под властью императора Иоанна, он сумел бы держать их в своих руках, царствовать и охранять их от врагов. Поэтому ли или потому, что ему хотелось жить в собственное удовольствие в Константинополе, только он два года не покидал этого города. Затем уже, построивши триеры и собравши сколько мог, войска, он отправился на восток и овладел пристанью близ Лампсака, {53} между тем как император занят был в это время войной с возмущившимся против него кесарем Гавалой.

28. Император, став лагерем близ Стадии, поручил войска и военачальников великому domestiку¹ Андронику Палеологу, о котором мы упомянули несколько выше, и отправил его к острову Родосу с достаточным количеством триир и других кораблей, дабы он действовал против бунтовщика самым решительным образом и всеми известными ему средствами. Но в то время как приводились в исполнение намерения императора Иоанна относительно кесаря, он узнает, что и король (ῥήξ)² выступил из Константинополя и имеет намерение пристать к Лампсаку, высадиться там и начать войну с римлянами. Поэтому император с теми наличными войсками, которые у него были (а их было немного, потому что большая часть войска по причине зимнего времени разошлась по домам), направился к Лампсаку и расположился лагерем близ Сигрены.

29. В это время мои родители отправили меня к императору из Константинополя. Мне было тогда 16 лет, и я только что расстался {54} с энклием³, который многие называют грамматикой. Вслед за мной и мой отец хотел тайно уйти из рук латинян. Хотя он был сильно связан с ними щедрыми благодеяниями и особенным расположением со стороны их и хотя дети его, служители и служанки весьма много затрудняли ему это предприятие, однако же он решился непременно при удобном случае предаться опасному бегству и таким образом исполнить свое искреннее желание. Поэтому-то он и отправил меня наперед к императору. Но тяжкая болезнь разрушила его замыслы. Чуть живой и не владевший целой половиной своего тела, он пролежал в постели два года и наконец окончил свою жизнь, между тем как я получал содержание от царских щедрот при дворе императора.

30. Между тем король Иоанн, признанный императором константинопольским, приплыл, как мы сказали, к Лампсаку и стал на якорь около места, называвшегося Олкосом. А император Иоанн, не имея с собой, по указанной нами причине, достаточно войска, {55} не мог воспрепятствовать этой высадке, затруднял, однако же, и с малыми силами при помощи военных хитростей движение врагов; так что латиняне с царем их Иоанном, высадившись там, держались на своем пути ближе к морскому берегу. Им нельзя было далеко отходить от кораблей своих, потому что император наблюдал за ними и со своими очень незначительными силами умел, однако же, постоянно тревожить их. Таким образом император шел чрез горные хребты, а итальянцы — приморским берегом. Пробыв недолгое время (менее четырех месяцев) в приморских областях императора и пройдя очень небольшое пространство (от Лампсака только до Кенхриона), очень мало или даже вовсе ничего не захвативши (потому что император наперед распорядился все потребное для жизни перевести вовнутрь страны), они добрались до крепости Пиги, овладев только одним укреплением, которое называлось Керамодами и было расположено около возвышенностей Кизикских. У них уже были наготове корабли, чтобы возвратиться в Константинополь. И действительно возвратились бы с бесчестьем и стыдом,

¹ Главный начальник всех сухопутных войск.

² ῥήξ — лат. гех. Византийские историки, говоря о всех государях, кроме своего и болгарского, употребляют это слово. Оно у них значило меньше, чем βασιλεὺς. Из национальной гордости они не хотели ни одного государя равнять со своим. Исключение для болгарского владетеля было сделано по родственным отношениям между царствовавшими домами.

³ Τῆς ἐγκύκλιου. Анна Комнина в пятой книге своей истории говорит: τοῖς ἠροῖσταμένοις τὴν ἐγκύκλιον παιδεύεσθαι παιδείαν и еще: ταῦτα δὲ λέγω ἀχθομένη διὰ τὴν παντελῆ τῆς ἐγκύκλιος παιδεύσεως ἀμέλειαν. По замечанию Алляция, и Акрополит, и Анна Комнина разумеют под Ἐγκυκλοπεδεία одну грамматiku; но Цецес думает, что тот и другая разумеют здесь все семь так называемых свободных наук, входивших в состав средневекового образования. Vid. Tzetzes Chiliad 2, v. 522. В отношении Акрополита, по крайней мере, мнение Алляция вернее, как видно из продолжения его рассказа о своем образовании.

если бы им не удалось воровски овладеть крепостью Пиги. Какой-то человек, умевший искусно лазить по скалам, открыл между ними тропинку и ночью провел ею вооруженных латинян в акрополь¹; а они, неожиданно напавши на стражу, избили ее и взяли крепость. Это несколько встревожило римлян, потому что город был наполнен воинами храбрыми, искусными и приобретшими заслуженную славу в войсках; но благоразумные распоряжения и воинская опытность императора вскоре ободрили римлян и, напротив, навели страх на латинян. Этот страх помешал им даже воспользоваться своей добычей. Потому и возвратились они в Константинополь, мало или, лучше, как мы сказали, ничего не сделав.

31. Обнаруживая такую находчивость в изыскании средств к охранению своих владений, император Иоанн показал еще большую мудрость в том, что нашел средство достигнуть разом двух целей — и обессилить врагов, и обезопасить свою власть. Именно, у него был сын от императрицы Ирины, носивший имя деда своего, императора Феодора Ласкариса,— которому было в то время одиннадцать лет; а у Асана была дочь, по имени Елена, от его супруги, венгерки,— которой был тогда девятый год. Император отправил посольство к болгарскому царю с предложением брачного союза между детьми и договора насчет родства и взаимного вспоможения друг дру-²гу. Асан принял посольство; союз и договор были заключены и скреплены клятвой обоих.

32. В это время и я, будучи объят любовью к изучению математики и высших словесных наук и объявив об этом, по воле императора, вместе с другими юношами, получил доступ к словесным наукам; учителем же нашим был Феодор Экзаптериг. Между прочим, когда мы собрались пред лицо императора, он обратился ко мне и сказал: «Этих я взял из Никеи и вручил учителю, а тебя привел из моего собственного дома учиться с ними. Докажи же на самом деле, что вышел из моего дома, и сообразно с этим занимайся и математикой. Сколько получает годового содержания от царской милости воин, столько же или еще более, по знатности твоего рода, будет отпускаемо на тебя. А когда изучишь философию, то удостоишься больших почестей и званий, потому что нет в мире людей почетнее царя и философа». Таким образом оставив царский дворец, я поступил к учителю, будучи 17 лет от роду. Учителем, как я сказал уже, был Экзаптериг, человек не ³очень сведущий в математике, но красноречивый, потому что долго изучал риторику и приобрел навык выражаться изящно, за что и пользовался большой известностью. А когда он умер, разяснив уже нам хитрости пиитические и искусство сочинения ораторских речей, я вместе с другими перешел к Никифору Влеммиду³, которого

---

¹ Акрополем в тогдашних греческих городах называлась та часть города, которая была обведена каменными стенами, способными выдержать осаду. Акрополь обыкновенно занимал самую возвышенную часть города. Отсюда и самое название ἀκρόπολις верхний город (ἄκρος «высокий» и πόλις «город»).

² В рассказе об этом же самом событии Григоры есть некоторое несходство с рассказом Акрополита. По словам Григоры, не император, а Асан послал посольство с означенными предложениями и дочери Асана был не девятый год, а десятый (Рим. ист. Григоры кн. II, стр. 28 по рус. пер.). Во всем же остальном оба историка согласны между собой.

³ Никифор Влеммид — иеромонах — был замечательным ученым своего времени. От него осталось много сочинений в разных родах. Из них напечатаны его φιλοσοφοῦμενα и λογικά, также трактат об исхождении Св. Духа. Остальные его сочинения находятся в рукописях по разным библиотекам. Из рукописных его сочинений Алляций отмечает как лучшие рассуждение о том, каков должен быть царь (ὁποῖον εἶναι δεῖ τὸν βασιλέα), и историю преподобного Павла и других отцов, подвизавшихся на горе Латре. В Ватиканской библиотеке, по словам того же Алляция, хранится одно из замечательных рукописных произведений Влеммида, которое имеет следующее название: λόγος δὲ ἐπεστάλη* τῷ βασιλεῖ, βασιλικὸς κληθεὶς ἀνδρία: ἐστὶ δὲ καὶ μονασταῖς καὶ παντὶ σπυδαίῳ λυσιτελής, и начинается такими словами: νόμος ἀρχῆθεν συμβαίων τοῖς πράγμασι τοῦς ὑπεκόως εἰσφέρειν τῷ βασιλεῖ.

* В книгах византийских писателей-историков, изданных СПб-ской Духовной Академией и отпечатанных в типографии департамента уделов, в шрифтовом наборе используются две литеры, обозначающих греческую букву «сигма конечная» — **ς** и **σ**. Не будучи специалистом-историком мне трудно достоверно сказать, где необходимо ставить ту или иную букву: ясно, что литера **ς** — это обычная «сигма конечная», т. е. «с». Литера **σ**, судя по контексту, — это лигатура двух букв «с» и «т», т. к. ставилась наборщиками в словах, где явно шли подряд два звука, обозначаемых буквами «с» и «т», например: ково**σ**αῦλος (κοβο**σ**ταῦλος) («коноставл» — греческая переделка западного «коннетабль»); поте**σ**ατος (ποτε**σ**ατος) — «подеста» — сановник в Генуэзской республике; **σ**ρατηγος (στρατηγος) — стратег, военачальник и т. п. Дело осложняется небрежным набором греческого текста в типографии уделов (на-

все мы знали за лучшего знатока по части философии, и слушал у него логику. Доселе — о себе самом; впоследствии я возвращусь еще к себе, когда это нужно будет по ходу истории.

33. По заключении упомянутого союза между императорами, то есть между Иоанном Дукой и владетелем Болгарии Иоанном Асаном, первый из них, заняв предварительно Лампсак, приступил со своими войсками к Каллиополю и, придвинув к этой крепости стенобитные машины, вскоре овладел ею и освободил из рук венециан. Вслед за {59} этим прибыл в Каллиополь к императору и Асан с супругой своей Марией венгерской и дочерью Еленой, и оба скрепили здесь свою дружбу. Асан не захотел переправляться через Геллеспонт, а оставался в пределах Каллиополя; а потому император Иоанн, взяв супругу его с дочерью Еленой, переправился в Лампсак, где находилась императрица Ирина, и здесь соединили детей своих брачными узами; бракосочетание было совершено патриархом Германом. Чтобы еще более возблагодарить Асана за родство и дружбу, по императорскому и соборному определению архиепископа терновский, подчиненный Константинопольскому патриарху ¹, сделан был автокефальным и провозглашен патриархом. Когда все это было кончено, императрица Ирина вместе со своим сыном и новобрачной отправились в восточные области; равным образом и супруга Асана возвратилась в свою сторону, а император Иоанн вместе с Асаном, собрав свои войска, прошли по западным областям, которые были под игом {60} латинян. Захватив там богатую добычу и превратив их в скифскую пустыню (по пословице), затем согласно сделанным условиям разделили между собой города и провинции. Так, Каллиополь, как взятый еще до прибытия Асана императором, остался за ним, равно как и Мадита и весь так называемый Херсонес ². Кроме того, император взял себе укрепление Киссу и протянул границу своих владений до реки, называемой в простонародье Маритзой. Он овладел также горой Гапом и выстроил на ней крепостцу, которую охранять, а вместе и тревожить латинян, находившихся в Цуруле, поручил Николаю Коретзе, человеку испытанному в битвах и стяжавшему такую славу, что все говорили о нем, что ни до него, ни после него не было и не будет человека более искусного в делах такого рода. Асан же взял себе верхние части тех же областей, лежавшие к северу. Оба они подвинулись до самых стен Константинополя, между тем как император Иоанн сидел за ними и смотрел на них, и навели большой страх на латинян и вообще привели дела их в самое опасное положение. Но так как осеннее время уже кончалось и наступала зима, то император Иоанн и Асан, условившись между собой насчет своих дел, отправились один {61} на восток, а другой — в свою сторону болгарскую ³.

34. Так как сын императора, Феодор, был еще несовершеннолетний, только по 12 году, как мы сказали, когда соединили его браком с царевной Еленой, то оба они жили как дети и воспитывались под руководством императрицы Ирины — женщины доброй по природе и склонной ко всему хорошему. Между тем союз двух императоров много повредил делам латинян и нанес их гордости жестокий удар. К тому же вскоре затем умер и царь Иоанн, оставив

пример, довольно часто встречаются перевернутые «вверх ногами» буквы), поэтому, возможно, наборщики иногда путали **ς** и **Ϛ**; в таких сомнительных случаях на месте **Ϛ** я ставил подчеркнутое **ς**т — **Ϛ**т. В переизданиях этих книг рязанским издательством «Александрия» А. И. Цепкова не делается различия между **ς** и **Ϛ**, везде ставится «ς», что, по-моему, неправильно.— *Ю. III.*

¹ Григора, напротив, говорит, что терновский архиепископ был в иерархическом подчинении архиепископу первой Юстинианы. С ним согласен и Ефремий в своей хронике:

τῷ τηνικαῦτα ποιμενάρχῃς Τρινόβῃ,
τῷ Βυλγαρίας ὑποκείμενος θρόνῳ,
οὐκ οἶδ' ὅπως κέκριτο συνόδῳ κρίσει
θεσπίσματί τε τοῦ κρατοῦντος Αὐσόνων
τιμῆν πατριάρχῃ γε καὶ κλήσιν ἔχειν,
κῆδους τινόντων τῶν κρατοῦντων οἱ χάριν.

² Фракийский.

³ Все, что здесь Акрополит рассказывает о совокупных завоеваниях Иоанна Дуки и Асана в областях, признавших над собой власть латинян, Григора приписывает одному только Иоанну. По словам его, «с наступлением лета царь (Иоанн) обходит фракийские и македонские города; начав, можно сказать, от самых ворот византийских, он простерся до Стримона и подчинил себе все упомянутые города еще до окончания осени. Выполнив таким образом все свои планы, он возвратился в Никею, а войско на зиму распустил по домам». Рим. ист. Григ. кн. II, стр. 28 по русск. пер.

владычество над Константинополем в наследство зятю своему Балдуину. Но Асан начал раскаиваться в своем союзе с императором, как оказалось, и уже искал средств отнять как-нибудь дочь свою у супруга ее, царевича Феодора, и отдать ее кому-нибудь другому, потому что он очень опасался перемены дел на лучшее у римлян, так как владел народом, издавна подчиненным римлянам. И действительно, он придумал предлог, по-видимому, благовидный, хотя за-
{62}мысл его не укрылся от людей опытных, именно: он отправил послов к императору и императрице сказать им, что он сам и супруга его, когда придут в Адрианополь, то желали бы видеть дочь свою и облобызать ее, как родители, и что, как скоро они исполнят это, тотчас же отошлют ее к свекру и супругу. Хотя император Иоанн и царица Ирина очень хорошо видели здесь обман и понимали ясно злоумышление, однако же послали к Асану дочь его, приказав сказать ему, что если он удержит ее и разлучит с законным супругом, то есть Бог, который все видит и наказывает преступающих клятвы и расторгающих союзы, заключенные пред лицом Божиим. Но, несмотря на это, болгарин ушел со своей дочерью, отослав назад всех сопровождавших ее, и, перейдя чрез Гем, вступил в Тернов. Когда дочь его плакала и горько жаловалась на разлуку со свекровью, царицей Ириной, и с супругом своим, то Асан, как говорят, посадив ее на седло впереди себя, стал бить рукой по лицу ее, с сильными угрозами выговаривая ей и страшая, что если она молчаливо не подчинится его воле, то он жестоко накажет ее.

35. Около этого времени скифы, теснимые татарами ¹, то есть те из них, которым {63} удалось избежать меча их, переплыв на мехах Дунай, хотя болгарам и не хотелось этого (потому что их было много тысяч), вместе с женами и детьми, заняли области Македонии: одни — раскинув свои кочевья около Гебра и по равнинам, там лежащим, а другие по низовью той реки, которая чаще называется Маритзою. Это тот же Гебр и удерживает это название до тех мест, где с ней соединяются притоки Гема и откуда она течет до самого Эгейского моря и впадает в него; с нею соединяются и усиливают ее многие дру-
{64}гие реки, и она меняет свое название у разных прибрежных жителей. Итак, они разграбили все в Македонии и в короткое время опустошили у жителей всю страну и превратили ее в пустыню скифскую, как говорит пословица, овладев при этом и некоторыми городками, которые были послабее укреплены. Многих они перебили, всех ограбили, пленили и распродали в больших городах, как, например Адрианополе, Дидимотике, Визии, Каллиополе и проч. Осталось только то, что было ограждено неприступными стенами и охранялось множеством жителей.

36. Среди этих событий латиняне, всегда враждовавшие против нас и еще более озлобившиеся по случаю недавнего нападения на них императора Иоанна и Асана и произведенного ими опустошения их земель и укреплений, искали удобного случая напасть на нас и отомстить за свое поражение и нашли, что все это они очень удобно могут сделать теперь. Для этого прежде всего они сближаются с Асаном и заключают с ним мир; потом соединяются со скифами — этими дикарями и пришельцами — и ничтожными подарками, но большими обещаниями привлекают их к себе и делают их участниками в своих предприятиях. Собрав союз-

---

¹ Здесь речь об известном движении монголов, начавшемся при Чингисхане и продолжавшемся при его преемниках. Григора рассказывает следующие подробности касательно этого движения: «В то время, когда римский скипетр держал Иоанн Дука, многочисленная, простиравшаяся до многих мириад часть скифов (монголов), хлынув с дальних пределов севера, неожиданно достигает до самого Каспийского моря. Между тем по смерти их правителя Чингисхана его два сына, Халай и Телепуга, оставив к северу Каспийское море и реку Яксарт, которая, вырываясь из Скифских гор, широкая и глубокая, несетя через Согдиану и вливает свои воды в Каспийское море, — спускается вниз по Нижней Азии. Другой из сыновей Чингисхана, Телепуга, положив границами своей власти на юге вершины Кавказа и берега Каспийского моря, идет через землю массагетов и савроматов и покоряет всю ее и все земли, которые населяют народы по Меотиде и Танаису. Потом, простершись за истоки Танаиса, с большой силой вторгается в земли европейских народов. А их было очень много. Те из них, которые углублялись в материк Европы, были осколки древних скифов и разделялись на кочевых и оседлых... Испугавшись тяжелого и неудержимого нашествия скифов, они нашли нужным передвинуться оттуда, потому что никому нельзя было ожидать чего-либо хорошего; трепетали все: и города, и народы, потому что, будто колосья на току, были растираемы и истребляемы. Таким образом, отчаявшись в возможности сопротивления скифам, они вместо плотов употребили наполненные соломой кожи и переправились через Истр вместе с женами и детьми. Немалое время блуждали они по Фракии, отыскивая места, удобного для поселения, в числе тысяч десяти». Рим. ист. Григоры, кн. II, стр. 34—35 по рус. пер.

ное войско из болгар и скифов, итальянцы вместе с ними выступают против императора Иоанна. Приблизившись к крепости Цурульской (Τζυρούλῃ), они осаждают ее. Асан лично присутствовал здесь со мно- {65} гими тысячами скифских и болгарских войск и итальянскими машинами. Защита цурульского укрепления была поручена императором Никифору Тарханиоту, который был кравчим, а впоследствии великим домашником и был женат на старшей дочери великого домашнего Палеолога — Марии. Это был храбрый воин, хороший военачальник, находившийся под великим Божьим покровом, как будет видно это дальше из окончания этого дела. Посему многие и думали, что он больше счастлив, чем мужествен и искусен в борьбе с врагами. Когда латиняне обложили крепость, у них было много страшных машин и стенобитных орудий, так что ими можно было разрушить не только такое укрепление, как Цурул, но и более высокие стены и более обширные города; тогда Тарханиот ясно доказал своим сослуживцам свою отвагу и воинскую опытность. Впрочем, вернее будет сказать, что все было делом Божия заступления. Он внешним орудиям противопоставил свои внутренние, огромному вражескому полчищу — такое мужество, какое можно встретить только в многочисленных воинах. Между тем император Иоанн был в затруднении не потому, что обложили эту крепость, а потому, что, как человек очень умный и знаток военного дела, он видел, что если эта крепость будет взята врагами, то пропадут для него и все его приобретения на Западе. Однако ж был рад тому, что враги приостановились за осадой этой {66} крепости и попытки их против нее встречают сильный отпор. Его мысли были более заняты Востоком, и он радовался в душе, что тамошние области свободны от войны. Вдруг во время этой осады пришло известие Асану о смерти супруги его, венгерки, сына и епископа терновского. Видя в этом знамение Божьего гнева, он сжег свои стенобитные машины и как можно поспешнее удалился в Тернов. Оставшись одни, итальянцы, так как не имели достаточно сил, чтобы одним продолжать осаду крепости, в свою очередь отправились в Константинополь, прекратив войну. Таким образом город освободился от осады неприятелей, а вместе с ним и кравчий Тарханиот, оказавшийся настоящим Никифором (победоносцем). Между тем Асан после случившегося с ним указанного нами несчастья, весьма справедливо видя в нем наказание Божие за нарушение клятвы, данной им императору Иоанну, и за разлучение своей дочери с супругом ее Феодором, пришел в раскаяние и отправил к императору послов, обвиняя себя в этом постыдном деле, прося восстановить союз и умоляя простить ему его поступок. Император Иоанн и императрица Ирина, как люди весьма благочестивые и набожные, приняли посольство и без дальних разговоров подтвердили прежние клятвы и изъявили готовность снова принять Елену в качестве супруги своего сына. Вследствие этого она и была отправлена к {67} свекру и мужу и мир опять восстановился между римлянами и болгарам.

37. Теперь ход нашей истории должен принять другое направление: нам нужно рассказать о событиях в Константинополе; так как в то время везде дела делались по-своему по причине многовластия, то естественно, что и наша история должна разбегаться по разным сторонам. Сделавшись владыкой Константинополя, как мы сказали, Балдуин, обессиленный битвами с римлянами и особенно своим соперничеством с императором Иоанном (который сильно уменьшил его владения), отправился к королю франков, соединенному с ним кровными узами, который, как единоплеменник его, был враг римлянам и всегда готов помогать против них, просить у него помощи и действительно достиг своей цели. В непродолжительном времени собралось 60000 франков, чтобы выступить против римлян. Так как им неудобно было отправиться на кораблях по причине чрезмерных издержек, то они пошли сухим путем. Миновав Верхнюю Галлию и пройдя Италию через Альпийские горы, они вступили в Острикию, затем, пройдя по Венгрии, переправились через Дунай и достигли Болгарии. На всем пути они встречали все друзей и соплеменников, и сколько по расположению к ним самим, столько же и по вражде к нам правители означенных стран принимали их очень радушно. Болгары, пре- {68} зрев союз с римлянами, дали франкам позволение перейти чрез свои границы, показывая вид, что вынуждены к этому силой. И опять крепость Цурульская была взята осадившими ее латинянами и соединившимися с ними скифами. Защищал же ее тогда Иоанн Петралифа, пожалованный великим хартуларием ¹ от императора Иоанна, человек храбрый и из детства уп-

---

¹ Χαρτουλάριος от charta «бумага» — хранитель бумаг и секретарь. Хартуларии были разного рода. Должность великого хартулария состояла в следующем. Когда император византийский отправлялся

ражнявшийся в делах воинских; тем не менее, уступая многочисленности латинских войск, бесчисленному множеству скифских и сильным машинам, бывшим в большом числе, он должен был сдать крепость итальянцам. Впрочем, иные говорили, что некоторые из осажденных замыслили тайно измену, и потому он побоялся внезапного взятия крепости. Таким образом латиняне овладели Цуруллою и бывших в ней римлян вместе с Петралифой отправили в узах в Константинополь и распродали сво-^{69}им родственникам. Между тем во время осады Цурулла император Иоанн, построив достаточное количество триир и собрав значительное войско, выступил против итальянцев. Поднявшись из Никомидии и миновав Харакс, он неожиданно приступил к Лакивизе и взял ее, а потом к крепостце Никитиатской — и овладел и ею. Но на триирах он был несчастлив, поелику там набраны были неопытные, а главным предводителем был армянин Исфрэ — человек чрезвычайно нерадивый к военному делу. До него начальником флота был Мануил Контофрэ, человек храбрый, дышавший войной и на море и на суше. Но за несколько дней перед этим он отзывался перед императором слишком невыгодно о нашем флоте (он говорил, что наши корабли, хотя бы их было и гораздо больше, не могут устоять против итальянских, потому что знал хорошо и те и другие), за что и был отставлен от должности, которую принял Исфрэ и потерпел слишком позорное поражение. Имея под своим начальством тридцать кораблей, он был побежден тринадцатью и столько же потерял своих кораблей, сколько их было у противников; так что каждый неприятельский корабль получил в добычу по одному нашему кораблю и с людьми и припасами. Так все это кончилось. Хотя император и заключил опять союз с Асаном и соединился с ним родственными узами, но Асан не слишком точно исполнял ^{70}клятвенные договоры: он готов был разрушить их при малейшей выгоде. Вообще он только по виду и лицемерно обнаруживал приязнь и выполнял обязанности дру-
бы.

38. Лишившись супруги, которая, как мы сказали, была родом из Венгрии, Иоанн Асан взял в жены себе дочь Феодора Ангела Ирину, имевшую прекрасную наружность и величественную осанку, не обращая внимания на кровное родство с дядей ее по отцу, который жил с его дочерью, прижитой им от наложницы. У Феодора Ангела были два сына, Иоанн и Димитрий, и две дочери, Анна и названная нами Ирина, от которой Асан прижил трех детей: Михаила, Феодора и Марию. Это обстоятельство развязало руки Феодору Ангелу, и он с согласия зятя своего вздумал овладеть Фессалоникой и всей той страной, которой владел прежде. Получив небольшую помощь от Асана и вследствие этого не в состоянии будучи явно вступить в борьбу с братом своим Мануилом, он решился войти в Солунь тайно и, облекшись в ветхое рубище, действительно вошел туда воровским образом. Сказавшись здесь некоторым своим доверенным, которых привлек к себе благодеяниями и расположил в свои минувшие счастливые дни, и открыв им свой замысел против брата, он вскоре опять сделался владельцем Фессалоники и окружающих ее городов и областей. Впрочем, по причине глазной болезни, он не хотел именоваться импе-^{71}ратором сам, а провозгласил императором сына своего Иоанна, которому и дал право носить красные сандалии и подписываться красными буквами, а сам усвоил себе управление делами общественными и право руководить своим сыном. Таким образом лишив власти брата своего Мануила и посадив его на одну из триир, велел отвезти в Аттал, а супругу его отправил к отцу ее Асану. Асан был более расположен к тестю своему Феодору, чем к зятю Мануилу, потому что страстно любил супругу свою Ирину, не менее чем Антоний — Клеопатру. Высадившись в Атталле, Мануил, сверх всякого чаяния, встретил человеколюбивый прием у агарян. А когда он сказал им, что он хотел бы отправиться к императору Иоанну, они дали ему пропуск, охотно снабдив и нужным на дорогу. Таким образом, отсюда он прибыл к императору, и император принял его внимательно как человека, принадлежащего к своему роду и носившего некогда достоинство деспота, и, дав ему денег и шесть кораблей, отпустил в Великую

куда-нибудь, то, по этикету византийского двора, ему подводил лошадь протостратор и, когда император садился на нее, вел ее за узду на расстоянии четвертой или пятой части всего пространства, находившегося между дворцом и внешними воротами, на этом пункте он передавал узду великому хартуларию, который и вел коня до самых ворот; когда император возвращался назад, великий хартуларий встречал его опять у ворот и снова вел его лошадь под уздцы до известного пункта, на котором сменял его снова протостратор; когда протостратора не случалось, то всю эту церемонию исполнял один великий хартуларий. Vid. apud. Cod. cap. 5. num. 6.

Влахию, взяв с него наперед страшную клятву, как человек умный и предусмотрительный. Достигнув области Димитриады, Мануил послал отсюда через письма известие о своем прибытии своим знакомым и, привлекая их обещаниями, вскоре собрал вокруг себя войско и покорил Фарсал, Лариссу и Платамон с их округами. Потом соединился со своими братьями, Константином {72} и Феодором, вступив в союз с ними; Константин был, как мы сказали, деспотом здесь, а Феодор был отцом сльвишего императором в Солуни Иоанна. Когда они сошлись, то оба брата убеждали Мануила расторгнуть союз с императором Иоанном. Волей-неволей он склонился на их советы, как сказывали бывшие тут и знавшие все это, и с этого времени все трое соединились тесными узами и, довольствуясь разделенными полюбовно землями, вступили в мирные соглашения с латинянами, жившими в Пелопоннесе и Еврипе.

39. Прошло немного времени, и Мануил умер, раскаявшись, как сказывали, в вероломном поступке с императором. Умерла и императрица Ирина, женщина умная, достойная власти и обнаруживавшая величие истинно царское¹. Она любила рассуждения и с удовольствием слушала людей ученых, которых чрезвычайно уважала, что можно видеть из следующего. Однажды во время солнечного затмения, случившегося около полудня, когда Солнце было в знаке Рака, я случайно пришел во дворец (император вместе с нею жил тогда около так называемой периклистры), и она спросила меня о причине затмения. Хотя я не мог в точности объяснить ей (потому что в то время только что начинал свое знакомство с тайнами философии под руководством ученого Влеммида), однако же от своего ума, на-{73}сколько мог сообразить в ту минуту, говорил, что причина затмения — помещение Луны между Землей и Солнцем, что нам только кажется, что Солнце затмилось, а на самом деле тут настоящая утрата блеска; с Луной так это действительно бывает, когда она попадает в тень Земли², потому что она щеголяет (не своим, а) блеском Солнца. Так как наш разговор затянулся надолго, то начал опровергать слова мои врач Николай, человек весьма малосведущий в философии, но искусный в своем собственном деле, которое было ему знакомо особенно из практики (он был весьма любим царицей и имел достоинство актуария³); опровергая меня, он болтал весьма много, а императрица между разговоров назвала меня глупеньким (μωρὸν) и потом, как бы спохватившись, что сделала нехорошо, обратилась к императору и сказала: «Неприлично я сделала, назвав его глупеньким». «Ничего,— отвечал царь,— он еще мальчик». Мне был тогда 21 год, и потому это название нельзя сказать, чтобы вовсе не {74} шло ко мне. «Тем не менее все же не следует нам,— возразила императрица,— так называть человека, высказывающего философские суждения». Я сказал это для того, чтобы показать, как любила она рассуждения и уважала тех, которые не были невеждами относительно этих рассуждений. Таким образом, как я сказал, умерла эта императрица, и я думаю, что затмение Солнца предвещало ее смерть. Кроме того, за шесть месяцев перед этим явилась на севере комета, была она с хвостом (πρωονίας) и блуждала три месяца, переходя с одного места на другое. Вскоре умер и государь болгарский Асан,— между варварами это был человек превосходный не только для своих, но и для чужих: он принимал радушно всех чужестранцев, какие только к нему приходили, особенно римлян, и с предупредительной любезностью снабжал их всем нужным. После его смерти получил власть сын его Каллиман, рожденный от венгерки. У этого Каллимана была родная сестра по имени Фамарь. От дочери же Ангела, как мы сказали, у Асана было трое детей: сын Михаил и дочери Мария и Анна. Приняв отцовскую власть, Каллиман возобновил союз с императором Иоанном, и, таким образом, все было мирно. По смерти же Мануила, брата Феодорова, получил во владение принадлежащую ему область внук его Михаил и присоединил ее к своим прежним владениям. И эти три владетеля были в мирных между собой отношении-{75}ях; то есть Феодор

---

¹ Сн. Римск. ист. Григ. кн. II, стр. 43—44 по русск. пер.

² То есть во время лунного затмения.

³ Чин актуария был если не исключительно, то по преимуществу даваем врачам. Из снесения этого места с одним местом у Пахимера можно, кажется, не без основания предполагать, что актуарий был *главный* врач при особе императора или императрицы, то же, что наш лейб-медик его величества. Вот это место: «Открылись уже признаки приближавшей смерти (речь о смерти императора Михаила Палеолога), понятные особенно для врачей; но актуарию Кавасиле казалось небезопасным делом напомнить царю об угрожающей опасности». Pachim. lib. V. cap. 36.

Ангел, сын которого, Иоанн, управлял с царской властью Солунем и его окрестностями, дядя его Константин, деспот, и внук его Михаил.

40. Так как болгарин Асан умер, а сын его, принявший управление Болгарией, был еще мальчик, то император Иоанн, пользуясь этими благоприятными для него обстоятельствами, задумал лишить Иоанна, сына Ангелова, императорского титула, который тот носил. Для этого прежде всего он приглашает к себе через посольство отца его, Феодора. Этот последний, как человек, совершенно неожиданно очутившийся у управления делами, не подозревая ничего, что бы могло случиться с ним, прибыл к императору Иоанну — и тот принял его с живейшей радостью, окружил его почестями, называя своим дядей, сажая за один стол с собой и оказывая ему и другие знаки внимания. А потом, когда Феодор был уже в руках, император, так как у него к своим римским силам присоединено было значительное войско из скифов (немного раньше перед этим император Иоанн подарками и разными благодеяниями успел смягчить этих варваров и, выведя их из Македонии, переселил на восток ¹), то, вполне спокойный с этой стороны и ничего не опасаясь дурного и со стороны болгар, частью потому, что с ними заключен был союз, а {76} частью потому, что болгарями управлял мальчик, двинулся с востока и, переправившись чрез Геллеспонт, с римскими и скифскими войсками отправился в поход против Иоанна, слывшего за императора Фессалоники. Пройдя через фракийские и македонские области, а также оставив за собой Христополь и Стримон, он приступил к укреплению Рентине, защищаемому какими-то приверженцами Иоанна, которые, еще не успев увидеть войск императорских, предались бегству и явились беглецами в Солунь. Найдя это укрепление брошенным своими защитниками, бывшие с императором овладели им и поставили в нем свой гарнизон. Император, стянув все свои войска к Солуню, расположился лагерем в стадиях восьми от этого города. Место это называлось «сад Проваты». Так как у него не было стенобитных орудий и машин, которыми бы можно было действовать против такого большого города и овладеть им с бою, то он начал производить набеги отдельными отрядами и опустошал все окрестные места, особенно войсками скифскими, — все тогда они ограбили. Но зато у него были трииры, которыми начальствовал Мануил Контофре; за императором следовали знаменитые мужи: Димитрий Торник, облеченный высшей гражданской властью и управлявший общественными делами, Андроник Палеолог, который, как облеченный правами великого доместика, заведовал всеми военными делами, и множество {77} других военачальников — протовестиарий Алексей Рауль, кравчий Никифор Тарханиот, протосеваст Контостефан, великий хартуларий Петралифа и немало других знатных мужей. Обложив город, император употреблял против него все средства, какими только мог располагать. Но и находящиеся внутри него не сидели сложа руки — и они, делая вылазки из ворот, тоже действовали против царских войск. Спустя несколько дней татары выступили против мусульман, сразились с ними и победили их. Весть об этом император получил от сына своего, царевича Феодора, которого он оставил в областях Пиг, отпустив с ним Иоанна Музалона, который был мистиком, когда жил между мирянами, а теперь был монахом, — это был человек с тонким умом, деятельный и более чем кто-нибудь пригодный для дел и великого этериарха Михаила Ливадария. Получив эту весть, император приказал знавшим это молчать и никому не сообщать об этом и вступил в сношения с Иоанном, отправив к нему послом самого отца его, Феодора Ангела. В продолжение сорока дней союз был заключен и утвержден клятвой с той и другой стороны; Иоанн отказался от знаков царского достоинства — красных сандалий и жемчужной шапки, украшенной наверху рубином, а император почтил его достоинством деспота и своей дружбою. Устроивши все это, император возвратился на восток, оставив быв- {78} шего царя деспотом и своим подручником, обязав его обычными клятвами и одарив приличными дарами и наделив деньгами и всех подчиненных его. С ним же он оставил и отца его Феодора.

41. Возвратившись на Восток, император Иоанн провел, по обычаю, зиму в Нимфее, а потом, отсюда отбыв в Лампсак, где пробыл лето и часть осени, в начале зимы отправился в Пиги. На пути его захватила жестокая стужа, которая началась в то время, как царь остановился в Сигрене, и в продолжение целых двух дней он страдал от мороза и жесточайшей вьюги, пока не достиг до крепости Пиги. По дороге погибло много мужчин и женщин — до тридцати человек, как говорили после сосчитавшие погибших, попадали на дороге от вьюги, будучи не в

---

¹ Сн. Рим. ист. кн. II, стр. 35 по русск. пер.

силах устоять против порывов ветра. Бывшие при этом говорили, что никто из них не помнит, чтобы бывала когда-либо подобная стужа. Это случилось, как мне помнится, 18 декабря 6741 (1233) года. Пробыв в Пигах, доколе не смягчился холод, император отправился отсюда в Нимфей и оставался здесь до самой весны. Между тем татары ¹, как {79} мы сказали, рассеяли войско мусульман, над которыми владычествовал тогда султан Ятатин, сын султана Азатина, из доброго государя превратившийся в дурного: он проводил время в пьянстве, в чувственных наслаждениях и чудовищном, неслыханном разврате и окружил себя обществом людишек (ἀνθρώπιςκοίς), не имевших ни смысла, ни природы человеческой. Отец его был вовсе не таков — он хотя тоже платил дань чувственным удовольствиям, но умеренно, оттого он лучше своих предшественников вел дела военные и был дружески расположен к императору. А этот чему послужил, тому досыта и поработал. Попробовал вступить в сражение с татарами — и потерпел поражение. Очутившись в крайне затруднительном положении, он отправляет послов к императору Иоанну, надеясь получить от него добрый совет, как бы ему удалить от себя врагов и пооблегчить себя от их тяжести, что было бы, как говорил он, весьма спасительно для них обоих ²; потому что если му-{80}сульмане погибнут от татар, то это откроет беспрепятственный вход врагам и в области римские. И это было совершенно справедливо. А потому Иоанн, как человек опытный в подобного рода делах, ласково принял посольство и изъявил готовность действовать заодно с султаном, чтобы таким образом дать отпор врагам. И действительно, когда соединились для дружной деятельности два таких могущественных государя, то естественно было струсить неприятелям, метившим на одного и вдруг очутившимся перед двумя. С этой целью император Иоанн и султан Ятатин устроили свидание между собой в крепости Триполи, где протекает и {81} река Меандр. Через эту реку люди султана устроили из деревянных брусев временный мост, дабы сделать им удобнее переправу. Здесь оба государя, приняв друг друга чрезвычайно предупредительно, равно как каждый — состоявшую из знатных лиц свиту другого, и скрепив теснее заключенный перед этим союз, чтобы совокупными силами биться с врагами, разошлись каждый в свою сторону: император возвратился в Филადельфию, а султан в Иконию, где была его столица. Тогда оба они успокоились насчет войны, потому что татары остались у себя дома и не двинулись никуда, как было у них прежде в обычае; они занялись своими внутренними делами.

42. Спустя немного времени кончил свою жизнь Иоанн, которого император Иоанн, как мы сказали, сделал деспотом. У него был брат Димитрий, который, отправив к императору посольство, просил передать ему достоинство деспота, которое носил его брат, а вместе с тем и

---

¹ В своем победоносном движении по Средней и Малой Азии монголы неоднократно сталкивались с турками сельджукскими, которых разумеет здесь Акрополит под именем мусульман, и наносили им более или менее страшные поражения. Стычка между ними, о которой здесь речь, была одна из незначительных. Султан иконийский отделался на этот раз одним поражением и страхом. Гораздо дороже обошлось столкновение с монголами одному из ближайших преемников Ятатина. Потерпев поражение при Ерзенжаде в 1243 г., султан иконийский сделался вассалом великого хана.

² Обстоятельнее рассказывает о побуждениях к этому союзу с той и другой стороны Григоря. Эти побуждения проливают свет на тогдашние отношения греков и турок друг к другу, оставленные в тени Акрополитом, и потому мы находим нелишним пополнить рассказ одного рассказом другого. Вот рассказ Григоря: «Турки, жившие по сю сторону Евфрата, и арабы, занимавшие Келесирию и Финикию, были немало встревожены зловещим соседством скифов (монголов). Поэтому правитель турков (Ятатин) отправляет к царю Иоанну полномочных послов для заключения прочных условий. Он боялся, чтобы, увлеченный в битву со скифами, не был поставлен он в необходимость озираться назад на страшных неприятелей — римлян, потому что было бы делом, решительно превышающим его силы и до очевидности губительным, если бы он, едва имея возможность противодействовать одним набегам скифов, принужден был разделить свои силы на две части для одновременных битв с теми и другими. Этого желал и об этом крепко подумывал и царь по многим причинам: во-первых, ему самому не только не было удобно и легко, но было очень трудно и тяжело в одно и то же время вести битвы в Азии и в Европе; во-вторых, турки, находясь в середине, в случае войны со стороны скифов могли служить для римлян надежнейшим и прочнейшим оплотом и, принимая на свои плечи общую опасность, могли быть тем же, что выдающиеся камни и скалы, которыми иногда природа ограждает взморье от бушующих волн. По этим-то причинам царь со всей готовностью и большим удовольствием заключил дружеские условия с турками, и это принесло много пользы Римскому государству в тогдашнем его положении». Римск. История Григоря кн. II, стран. 40.

соединенные с ним права над всеми, кто только был подвластен покойному деспоту. Но он не был похож на своего брата Иоанна, а далеко от него разнился. Тот отличался благочестием, скромностью и смиренномудрием. Коротко знавшие его сказывали, что он в течение года не опускал ни одного дня без того, чтобы не выслушать божественной службы, если только не был тяжело болен. Проводил целые ночи в молитве {82} и в каждый день исполнял положенные в известные часы последования священных песнопений. Постоянно беседовал с назореями¹, и было у него попечение о том, чтобы как можно больше проводить времени в уединении и наслаждаться вытекающим отсюда спокойствием или по крайней мере находиться в близком общении с лицами, ведущими такую жизнь. Совершенно других нравов был брат его Димитрий. Он беседовал с легкомысленными юношами, знался преимущественно с ними, предавался любовным наслаждениям, вступал в непозволительные связи с замужними женщинами, так что от тогдашних его походов остался у него заметный знак: спасаясь однажды бегством от мужа одной обесчещенной им жены, который влез к ним неожиданно в окно, он упал с высоты и повредил себе поясницу, и хотя после довольно продолжительной болезни вылечился, однако же стал хромать на одну ногу и ходить неровно. Но он недолго пользовался властью. Император Иоанн, пользуясь тогдашними благоприятными обстоятельствами,— тогда, как мы сказали, татары были заняты другими народами и отложили до времени борьбу с султаном иконийским (они заняты были экспедицией против Вавилона и окрестностей этого города, обыкновенно называемого мусульманами Халифою),— летом переправился через {83} Геллеспонт, оставив на Востоке сына своего Феодора. Перед этим временем переселился от здешней жизни в небесные обители патриарх Герман, добре и преподобно пожив и добре пасши свою паству. После него был (патриархом) некто Мефодий², монах, игумен Иакинфова монастыря в Никее, человек, слышавший за многосведущего, на самом же деле знавший очень немного. Но, занимая престол только три месяца, и он скончался. Церковь опять осиротела. Император Иоанн, не спешащий в подобных делах, не мог легко найти вскорости человека, достойного этого места или, лучше, такого, который бы ему мог понравиться, потому что обладающие верховной властью обыкновенно в подобных обстоятельствах соображаются со своим расположением к лицам, чтобы не иметь в этих людях противников своим желанием. Таким образом, времени прошло уже немало, а все еще не было правителя стаду.

43. Как мы сказали, император Иоанн предпринял путешествие на дальний запад для обзора тамошних стран и находящихся в них {84} городов; его владения здесь простирались до самой так называемой крепости Сихна, находящейся близ Серр. В это время правителю болгар Каллиману, сыну Асанову, было 12 лет. Прибыв в пределы Кисса и проведши здесь только один день, на следующий император отправился далее и достиг реки Гебра, протекающей близ монастыря, называемого Вирос. На местном наречии эта река называется Маритзой. Когда император находился среди реки (которую переезжал на лошади вброд, потому что это было в конце лета — 3 или 4 сентября), он получил от правителя Ахриды письмо, в котором тот извещал его, что Каллиман, правитель болгарский, скончался, по одним — от естественной болезни, а по другим — от поднесенного ему его противником питья, в которое был всыпан тайно яд. Но так или иначе, только его не было уже в живых и полученная весть была справедлива, потому что подтвердилась другими согласными с первым известиями. Убедившись в этом, царь отправился вперед и, миновав Христополь, достиг, наконец, Филиппополя и здесь держал совет со своими приближенными о том, нападать ли ему на болгар, захватывать ли какую-либо часть их владений и, между прочим, не будет ли удобно нам взять крепость Серры. Некоторые отсоветовали императору начинать войну с болгарями, говоря, что он не имеет с собой достаточного войска, так как отправился не {85} на войну, а для одного обзора своих владений. А крепость Серры, к которой, прежде всего, приходится приступить, непобедима, как распо-

---

¹ То есть монахами.

² Панвиний в своей хронике говорит, что преемник Германа Мефодий был второй этого имени патриарх. Григора (кн. III, гл. 1 и 2) в этом случае делает странную ошибку. По его словам, преемником Германа был Арсений, монах (о котором Акрополит говорит ниже). Между тем как Арсений был преемником Мануила, Мануил — Мефодия, Мефодий — Германа. В таком порядке следуют патриархи в каталогах Леунклявия, Ефремия и Ксанфопула (Ducang). Герман, по Панвинию, занимал патриарший престол 17 лет и 6 месяцев, по каталогу патриархов Кретцера — ровно 17 лет. Duc.

женная на возвышенном месте, и не может быть окружена таким количеством войска. Стенобитные орудия ставить против нее тоже бесполезно. А напасть и потом отступить — это покрыло бы стыдом державу Римскую (слава ее в то время была весьма велика), и притом начинать войну с мирными болгарами неприлично. Такой совет давали императору лица, отклонявшие его от нападения. Но Андроник Палеолог, который, как мы сказали выше, был великим domestikом, советовал царю совершенно другое, — именно, что нужно попытаться над крепостью Серрами. Если овладеть ею, говорил он, то немало выиграем: дела болгар расстроятся еще более, и они охотнее примут посольство с мирными предложениями, так как государь их умер, а собирается управлять ими другой ребенок, сын Асана от Ирины, дочери императора Феодора, Михаил. Если же и не удастся нам овладеть крепостью, то, что это будет за бесчестие для Римской империи? Сделав эту попытку, мы и остановимся и опять отправим посольство к болгарам, и они с честью примут его, так как ими управляет ребенок, который и понятия не имеет о том, что такое война. Между тем каждый, имея в виду выгоды спокойной жизни, любит мир. Императору показалось, что великий domestik пре{86}красно посоветовал, и он с возможной поспешностью двинулся к Серрам. Приблизившись к ним, он раскинул палатки и расположился лагерем и пытался овладеть ею не столько массой войска (потому что его не стало бы на это, как мы сказали уже), сколько искусным и правильным ведением осады. Серры в древности были весьма большим городом, но Иоанн, болгарин, осаждавший этот город вместе с другими македонскими городами, разрушил его до основания, в каком положении находилось предместье города и в то время; один только акрополь был окружен стенами и приведен в состояние выдержать войну; охранение акрополя было вверено болгарину по имени Драгота, родом из Меленика. Так как нижняя часть собственно города Серр была без стен (потому что наскоро только набросано было вокруг камней без всякого цемента, поднимавшихся на очень незначительную высоту), то император, собрав прислуживавших воинам по найму людей, которые на простонародном языке называются цулуконами, подстрекал их овладеть этой частью города, поелику теперь они терпели недостаток и в необходимом, а из дому отправились затем, чтобы иметь у себя всего вдоволь. Те, видя, что место доступно для нападения, взяли копья и мечи, а некоторые, устроив из досок и щиты для своего прикрытия, с воинскими криками бросились на город и немного спустя были уже внутри него, {87} грабя все, попавшее под руку. Жители города, не успевшие уйти в акрополь, вышли с покорностью к императору. А начальник крепости Драгота, человек, неспособный выдержать долговременную осаду, увидев, что нижняя часть города занята неприятелем, и, кроме того, узнав о смерти своего повелителя, благодаря этой счастливой случайности, подождав немного, посылает к императору посольство. Вслед за тем крепость провозгласила императора своим государем. Драгота получил от императора пурпуровую мантию, затканную золотом, и большое количество золотых статиров. Затем он наделал императору блестящих и вполне справедливых обещаний относительно Меленика.

44. Получив все эти вещи от царя и будучи закуплен ими, как какой-нибудь приманкой, Драгота отправился в Меленик. А когда достиг Меленика, передал жителям все вышесказанное и подговаривал их сдать крепость императору, но это он говорил не открыто, а тайно вел речи об этом со многими. Так как в это время начальник города Николай Литовоис лежал больной в постели, страдая подагрой, то каждый свободно мог делать что угодно. Между прочим, один из знатнейших жителей Меленика, Николай Манклавитис, человек предприимчивый и умевший пользоваться смутными обстоятельствами, открыв замыслы Драготы и сообразив, что ему самому можно привести в исполнение {88} то, что обещано было (Драготой) императору, если ему удастся привлечь к себе побольше народу, не хотел подговаривать тайно, а стал всенародно излагать выгоды, могущие произойти отсюда: «Мы,— говорил он,— немало потерпели под управлением дитяти Каллимана, и та только у нас была надежда, что он возмужает и наши тяжелые обстоятельства переменятся на лучшее, когда он достигнет совершенного возраста и в состоянии будет отличить хорошего человека от дурного. Но злая судьба лишила нас и этого, у нас опять остался ребенок для владычества над болгарами, таким образом, мы были бы глупее самого глупого, если бы отдали себя на жертву новой неурядице, оставаясь всю жизнь без государя, отчего происходит много больших зол. А так как теперь близко от нас император римский, то мы и должны покориться ему, как государю правдивому, умеющему отличать человека доброго от злого и притом издревле имеющему права на нас. Ибо наша страна принадлежа-

ла державе Римской, но, при своей склонности захватывать чужое, болгары сделались, между прочим, обладателями Меленика, а мы все происходим из Филиппополя и чистые римляне. Да притом, если бы мы принадлежали и болгарам, все-таки император римский по справедливости имеет права на нас, потому что сын его, царевич Феодор, в родстве с царем болгарским Асаном, и теперь дочь царя Асана, супруга этого царицы-^{89}ча, пользуется у римлян правами и титулом государыни-царицыны ¹. Итак, ради всего этого, без дальних разговоров, мы должны отправиться и подклонить выи свои под его иго. Иго царей разумных и пожилых приятно и гораздо легче ига царей малолетних». Сказав это, он успел без труда и без больших хлопот склонить всех на сторону императора. Посему, отправив посольство, состоявшее из нескольких граждан, как будто тайно, а на самом деле это было известно очень многим, вступили в сношения с императором. По приказанию императора составлена была грамота, закрепляющая за ними просимые ими права, и с теми же послами была отправлена к жителям Меленика. И немного спустя все они, собравшись единодушно, какие только были познатнее из городских и военных начальников и именитейших граждан, отправились к императору, стоявшему лагерем близ места, называемого Лавиздой,— все это были люди великолепно одетые и знатного происхождения, так что один вид их внушал к ним почтение и уважение. Увидев их, царь сказал: «Какое воинское искусство поставило их перед нами? Какие фаланги конницы захватили стольких мужей? Не явно ли отсюда, как истинно сказанное апостолом ^{90} Павлом: *ни текущего, ни гонящего, но милующего Бога* (Римл. 9, 16)». Поэтому не должно вовсе ни хвалить, ни порицать полководцев: иной из них выдержит сколько битв, рассчитанных тщательно и умно, и весьма искусно воспользуется всеми обстоятельствами, а мало, а иногда и ничего не выигрывает, а иные даже только попусту все потратят. А другой, взисканный счастьем, и беспечно ведет свои дела, а приобретает важные трофеи, как случилось это и с императором Иоанном. Он вдруг сделался обладателем многих городов и стран без всякой войны, без потери людей, без кровопролития, без кровавых сеч, но мирно и тихо, как бы отеческим наследием овладел он всеми ими с доброго согласия. И Стенимах, и Цепена, и рассеянные по горе Родопе местечки и селения покорились ему, так что границей между его владениями и владениями болгарскими сделалась река Гебр. Из областей, лежащих к северу, покорились императору Стумпион и Хотовос, весьма сильные укрепления, и область Велевудия, Скопи́а и Велесос — до Прилапа и Пелагонии, наконец, Невстаполь и Просак — все это подчинилось императору. Вслед за этим состоялся у императора договор и с болгарскими на том, чтобы ему довольствоваться тем, что он уже забрал, и не простираться дальше. Когда все это происходило таким образом, я записывал все эти события и, кроме того, составлял царские грамоты для каж-^{91}дой из взятых крепостей и стран ², потому что у римских императоров издревле был обычай извещать письменно о своих успехах и самые отдаленные свои провинции, дабы и их сделать участниками своей радости.

45. Среди этих успешных деяний, доставивших весьма много удовольствия как самому императору, так и всем римлянам, увидевшим приумножение державы и усиление владычества римского, император вспомнил наконец о своем возвращении на восток (тем более что этого требовало уже и самое время, потому что прошел уже октябрь и было уже около половины ноября), но одно благословное и весьма полезное предприятие приостановило это возвращение. Фессалоника, как мы сказали уже, признавала и именовала своим деспотом сына Феодорова Димитрия, в каковом достоинстве он был утвержден и самим императором. Так как он был юноша негодный, о чем мы также заметили уже прежде, привыкший проводить время в ребячествах и детских шалостях, вместо того чтобы обращаться с людьми разумными, и заниматься общественными делами, и законно чинить суд и расправу, то несколько человек составили про-^{92}тив него заговор. Главными и более известными между заговорщиками были: Спар-

---

¹ Δέσποινα (госпожа, государыня) был, собственно, титулом супруги царствовавшего императора; но нередко этот же титул усвоился и матери императора, и супругам его сыновей, как здесь.

² Здесь, по всей вероятности, Акрополит разумеет те грамоты, которыми императоры закрепляли за каждым покорившимся городом и областью их права и привилегии, о которых, под именем хрисовулов (называвшихся так потому, что к ним прилагалась золотая печать), часто и выше упоминал, и ниже упоминает он. А потому последнюю часть его периода нужно поставить в связь со словами: «Я записывал все эти события...».

тин, Кампан, Ятропул, Куцулат, а из знатных — Михаил Ласкарис и Цирифон, которого император Иоанн пожаловал саном великого хартулария. Другие участники заговора скрывались, как будто они были заодно с толпой в этом деле, и оставались неизвестными большинству. Одного из сказанных заговорщиков, именно Кампана, все они, настроив, как действовать, отправляют к императору, как будто по собственным делам, а на самом деле для того, чтобы выпросить у него грамоту, которая бы подтвердила древние привилегии и права и ограждала бы свободу жителей Фессалоники. Император исполнил все это по их желанию, обещал наградить заправителей этого предприятия и дал письменное обязательство. Обезопасив таким образом это дело, он поднялся из пределов Меленика и подвинулся к Фессалонике, послав наперед послов к Димитрию, чтобы он, согласно существующему договору, вышел к нему навстречу и выполнил свои обязанности к нему, как к императору; потому что так он сам положил и закрепил клятвой. Но Димитрий (ничего не умеющий рассудить собственным умом), пользуясь советами своих наветников, был убежден ими остаться дома; они говорили ему, что приглашение императора скрывает в себе коварный умысел в отношении к нему, а он, как человек легкомысленный, положился на их слова и согласился на то, что они внушали ему. Тут случилось нечто такое, что я расскажу для забавы. Кто-то донес, что Кампан (один из соучастников заговора, как мы раньше сказали) не стоит за Димитрия, а передался императору. Он был представлен Димитрию, и его стали обвинять в том, что сказанное о нем была сущая правда, что он тайно строил ковы и подстрекал к мятежу народ, что находится в переписке с императором и выдает ему тайны правительства. Во всем этом Кампан был подвергнут допросу. Но Спартин, — также участник в этом деле, — узнав о том, бегом прибежал сюда и что было силы и духу закричал: «Владыка (Δέσποτα), в каком преступлении обвиняют этого человека, если он действительно виноват, то достоин многих смертей?» Димитрий отвечал Спартину (он вполне верил ему и считал его самым преданным себе, хотя и не самым вороватым, по выражению Комика ¹): «Его обвиняют в измене, Спартин, люди, которые его преследуют». Тогда Спартин сильно {94} ударил по щеке Кампана и, схватив его за бороду, сказал: «Я возьму его, владыка, в свой дом и, подвергнув его предварительно пыткам, заставлю его признаться во всех тайных злоумышлениях». Сказав это, он с возможной поспешностью ушел. Придя домой, он поместил Кампана на богатом ложе и окружил его всем, что только изобретено лучшего для удовольствия и роскоши, чем обыкновенно услаждаются люди, заботливо хлопочущие об этом. Сказывали еще некоторые, что Спартин сделал мех и, наполнив его воздухом, а потом завязав, чтобы не выходил из него воздух, привязал этот мех к Кампану, и приказал бить по нему палками, давая тем вид, будто бы наказывает Кампана, тогда как на самом деле били не Кампана, а только один мех. Потом, когда прошло уже довольно времени, так что можно было предполагать, что его было достаточно для производства пытки и обнаружения самых сокровенных тайн, Спартин прибежал со всех ног к Димитрию и сказал: «Владыка! Клянусь тебе твоим и нашим Димитрием, защитником и покровителем Фессалоники (эта клятва считалась важнее всех других у солунян ²), что Кампан таков же, каков Спартин, который, — как известно тебе, — {95} любит тебя больше всех людей». Так ловко отклонил Спартин угрожавшее открытие заговора! Между тем император Иоанн, поднявшись со своим войском, подходит прямо к Фессалонике и располагается лагерем около нее. Ему нельзя было осадить ее (потому что он не имел для этого достаточных сил), и он отправляет посольство и требует, чтобы Димитрий вышел к нему, согласно клятвенному договору, и, кроме того, устроил за городом рынок, на котором бы войска его могли купить себе, что им было нужно. Но, пользуясь советами своих наветников, Димитрий по-прежнему не исполнил ни того, ни другого. Спустя очень немного дней, в то время, как небольшой отряд войска стоял у малых ворот города, обращенных к морю

---

¹ Акрополит цитирует здесь слова Аристофана, но почему-то неточно. В своей комедии Πλοῦτος Аристофан заставляет Хремила адресоваться с такими словами к своему слуге Кариону: ἀλλ' οὔ σε κρῖνω· τῶν ἐμῶν γὰρ δίκειτ' ἄν τις τὸτάτων ἢ σοῦμαι σε καὶ κλέτιστατον» (Πλοῦτος, ст. 26), т. е. «не скрою от тебя, что я из всех своих слуг считаю тебя самым верным и самым вороватым». Акрополит, вероятно, по забывчивости заменил слово τιστάτων словом ἐνοούστατον. Мы заменяем этим словом стоящее в издании Алляция слово δυσνοούστατον, которое совершенно здесь искажает смысл речи.

² Потому что св. Димитрий, великомученик, был родом из Солуны, или Фессалоники, пострадал в этом городе и с тех пор считался его особенным покровителем и защитником.

(и потому называемых морскими), и наблюдал за тем, чтобы не вышел кто-либо нечаянно из находившихся в городе и не нанес вреда войску, вдруг от них (ворот) раздался крик, что ворота отворены кем-то изнутри, и за этим криком бросился внутрь города наблюдавший за ними отряд войска, а за ним и все остальное войско вместе с императором. И вдруг вся Фессалоника была уже во власти императора. Сам император остановился у восточных ворот города, куда пришла сестра Димитрия Ирина, супруга Асана болгарского, и на коленях, со слезами умоляла его не ослеплять брата. Сам же Димитрий поспешил заранее убраться в акрополь. Получив от {96} императора клятвенное уверение, что он не лишит его глаз, она отправилась к брату и привела его к императору. Димитрий смотрел еще слишком юношей — у него не начинала еще пробиваться борода — и был красив и строен. Царь оказал почесть Ирине: как только сошла она с коня, сошел и он со своей колесницы и принял ее, стоя на ногах. Так покорилась Фессалоника императору Иоанну или, лучше, римлянам, потому что владельцы ее были не расположены к римлянам.

46. Пробыв очень недолго в Фессалонике (потому что выгоняло его зимнее время, так как был месяц декабрь) и оставив в ней главного domestika Андроника Палеолога Комнина, о котором мы часто упоминали, бывшего главным военачальником, человека весьма умного, кроткого, умевшего искусно вести войну и управлять народом как в военное, так и в мирное время, император отправился, как победитель, на восток, сопровождаемый удивлением и славой за такую быструю и великую победу не только от своих подданных, но и от чужих. Ибо совершенные деяния и непрерывный ряд трофеев казались всем чем-то сверхъестественным и скорее делом промысла Божия, чем следствием военного искусства. Охранение Меленика и округа Серрского он поручил старшему сыну упомянутого нами великого domestika Михаилу Комнину, которого через несколько времени империя Римская имела своим государем, к своему бла-{97}годенствию и славе; а по другим местам поставил других для ограждения областей и городов, выше же всех поставил великого domestika, так, чтобы все повиновались ему во всем, что он скажет и прикажет. А сам император, поднявшись, отправился на восток, а Димитрия, которого лишил власти над Фессалоникой, заключил в крепость Лентианон, приставив к нему стражу. Великий domestik, пожив недолго и с честью для себя пользовавшийся данной ему властью, заболел и, постригшись в монахи, кончил свою жизнь. На его место поставлен был для управления Феодор Филис. Таким образом, Солунь и Веррэ находились под властью царя, а страны, отсюда начинающиеся и простирающиеся до пределов Платамона, так же Пелагония, Ахрида и Прилап зависели от деспота Михаила. А Водинами, Старидолой, Стровосом и их округами владел отец Димитрия и дядя Михаила Феодор Ангел.

47. Перезимовав в Нимфее, император с наступлением весны, по обычаю, вышел оттуда и, пользуясь мирными отношениями, в которых находился ко всем, решил напасть на ближайšie к Константинополю и находившиеся в руках латинян крепости Цурулу и Визию; он видел, что латиняне сильно ослабели. Переправившись через Геллеспонт, он направился прежде к Цуруле. В этой крепости находилась свояченица императора (сестра жены его) Евдокия, которую взял себе в замужество, {98} с согласия сестры ее, императрицы Ирины, и супруга ее, императора, — Асел-Декае. Асел-Декае не нашел в себе достаточно мужества, чтобы остаться в крепости, но, узнав о прибытии императора, вышел из нее, а супругу свою Евдокию оставил в крепости с достаточным для охранения оной гарнизоном; он думал, что император ради свояченицы своей не захочет разрушать крепости. Но он (император), не обращая на это никакого внимания, подступил к городу, поставил машины и камнеметные орудия и через несколько дней взял его, а свояченицу свою отправил в Константинополь, дав ей одного коня, а всех остальных, составлявших гарнизон крепости, отослал пешими. Затем, послав войско, он овладел вскоре и крепостью Визией, присоединив и ее к своим владениям.

48. Около этого времени была взята генузцами в ночное время воровским образом крепость острова Родоса. Это произошло оттого, что правитель его Иоанн Гавала, брат кесаря Леона Гавалы, управлявший после его смерти островом, находился в это время в пределах Никомидии вместе с императором, который отражал здесь набеги латинян из Константинополя. По приказанию императора тотчас посылаются туда Иоанн Кантакузин, имевший сан царского

виночерпия (он был тогда дуксом¹ во Фракии). Высадившись на остров {99} с небольшими силами, он поспешил захватить бывшие на нем укрепления,— одно из них называлось Филеримон, а другое Лиитон. И насколько было в его средствах, бился с генуэзцами. Потом, когда император послал ему достаточное войско для подкрепления, он, раскинув свой лагерь близ самой крепости, осадил находившихся в ней генуэзцев, но не мог нанести им никакого вреда, потому что у них были в изобилии съестные припасы. Найдя в домах родосцев всего вдоволь для жизни, они не терпели ни в чем недостатка. Мало того, они вступили в преступные связи и с их женами и разве тех только выгоняли из крепости, которые были стары или нехороши собой. Впрочем, крепость Родосская скоро была бы взята Кантакузином благодаря неотступной осаде и искусно веденным осадным работам, если бы не случилось следующего обстоятельства. В это время князь {100} Ахайи и Пелопоннеса Вилардуин, переправляя в Сирию к находившимся там франкам вспомогательные войска, между которыми на его триирах была и вооруженная конница, пристал к острову Родосу и, заключив договор с генуэзцами, оставил у них более 100 благородных и отважных всадников. Это принудило римлян снять осаду и удалиться в Филеримон. А данные (на помощь) князем всадники, оставив пеших генуэзцев в крепости, сами выступили из нее и начали опустошать всю страну. Они забирали себе все, что только им нужно было; а у римлян оказался большой недостаток в самом необходимом, потому что в этих набегах приняли участие пиратские лодки, бывшие у генуэзцев. Тогда император Иоанн, живший в Нимфее, соорудил в Смирне значительный флот, построил несколько триир для перевозки лошадей, так что их могло поместиться на них больше 300, назначил адмиралом Контостефана Феодора, имевшего сан протосеваста, и, снабдив его письменными инструкциями насчет того, как, где и когда ему вступать в борьбу и вести ее, отправил его в путь с молитвой о благопоспешении ему и его войску. Протосеваст Феодор, взойдя на корабли и пристав к острову Родосу, начал приводить в исполнение все то, что приказывал император, и обратил в бегство латинян; а тех, которые вышли за стены крепости для грабежа, римляне перерезали всех, так как виночерп- {101} пий Иоанн Кантакузин приказал не щадить никого. Таким образом погибли, по умному распоряжению императора, всадники франкские, а пешие генуэзцы, оставленные в крепости, держались еще в ней, выдерживая осаду. Но не в состоянии будучи противиться долее, они вступили в переговоры и сдали ее римлянам, а эти последние возвратились к императору и получили за заключенный с генуэзцами союз царское благоволение. Таким образом остров Родос опять стал под римлянами. Так все это было.

49. Император Иоанн заключил договор и вступил в родственный союз с деспотом Михаилом², отдав в замужество за сына Михаила Никифора Марию, дочь сына своего царевича Феодора. Для этого супруга Михаила, Феодора, взяв с собой Никифора, отправилась на восток и нашла императора в окрестностях Пиги, где и была сделана помолвка между детьми. Феодора после сего опять {102} вместе с сыном возвратилась домой к своему супругу Михаи-

---

¹ Δούξ — слово, заимствованное греками у латинян (dux — «вождь»). Первоначально это слово у греков было именем должности и означало командующего каким-нибудь отрядом войска, большей частью когортой, состоявшей из 1000 человек. Такие дуксы назывались Μοιράρχαι (тысяченачальники): «Μοιράρχης, ὁ τῆς μόρας ἄρχων, ὁ λεγόμενος Δούξ» (Mauricius lib. 2 strat. cap. 3); то есть Мирарх — тысяченачальник, обыкновенно называемый дуксом. Затем дуксами стали называть правителей или губернаторов областей, сосредоточивавших в своих руках военную и гражданскую власть (vid: apud Ioan. Moschum cap: 49; apud Procopium lib: 3 de aedif. cap. 1: apud Zonar in Michaele Duce et apud alios multos). Дуксами назывались также начальники больших городов, имевшие права и власть правителей провинций (vid apud: Brien. lib 11. num 8, apud Nicetam in Man. lib: 3, num. 1. apud. Theophilactum Bolgar: ep: 49. 50. 68. et apud multos alios). Наконец слово δούξ сделалось титулом вроде графа или князя и стало наследственным. Hoffm.

² Точнее передает все это дело Григора. Вот его рассказ: «Михаил, отправив к царю Иоанну послов, просил для своего сына Никифора руки дочери сына царя Феодора Ласкаря Марии и получил. Брачные условия и договоры были заключены в присутствии сына Никифора и матери его Феодоры, отправлявшихся лично на восток, частью для того, чтобы посмотреть упомянутую невесту, частью же для скрепления брачных условий. Затем, оставив невесту у ее родных, супруга Михаила Феодора с сыном Никифором отправилась в обратный путь, взяв ручательство со сватов-царей в том, что брак будет совершен в следующем году. Между тем Михаил вздумал нарушить заключенные условия и, поднявшись, перешел свою границу со злым умыслом против западных городов, которые были подвластны царям римским». Рим. ист. Григоры. кн. 11, стр. 46—47.

лу, по-родственному отпущенные императором. Но над Михаилом сбылась народная пословица: «Кривому дереву не бывать прямым, а эфиопу — белым». Он вздумал отложиться от императора, послушавшись советов дяди своего Феодора Ангела. Император, узнавши об этом, равно как и о тесном союзе, который они между собой заключили, и помня, что и после взятия Константинополя они только были его врагами,— притом находясь в мирных отношениях с мусульманами, как и с болгарами,— прилично и, так сказать, по-царски вооружился и, собрав все свои силы, переправился через Геллеспонт. С ним было много вождей и между ними — Никифор Тарханион, бывший кравчим и исправлявший должность великого доместика. Император вполне полагался на него и считал его преданным себе и самым искусным в воинских делах, как действительно и показал опыт. Достигнув Фессалоники и потом поднявшись отсюда со всеми своими силами, император расположился лагерем в Водинах, а Феодор Ангел поспешил заранее бежать отсюда и ушел к племяннику своему — деспоту Михаилу. После недолгой временной осады император овладел Водинами. Поднявшись оттуда, раскинул палатки на одном месте, находящемся близ озера Острóва, а вождей своих: Алексея Стратигопула, Михаила Палеолога, сына великого доместика, Иоанна Макринона, Тиранна {103} Гуделина и некоторых других — отправил во владения Михаила-деспота с тем, чтобы они опустошали их, и если бы встретились с его войсками, то вступили бы в битву с ними; а если представится возможность, то разрушили бы и крепость. Так они и делали и захваченное приносили к императору. Сам же император продолжал оставаться близ упомянутого Острóва и скорбел душой, что не успел еще сделать ничего, достойного себя. Сокрушалось и его войско, потому что время было зимнее и оно терпело недостаток в необходимых потребностях. Впрочем, император устранил это затруднение, распорядившись, чтобы из Веррэй на мулах и верблюдах доставляли в лагерь все нужное. Когда император находился в таком положении, сверх всякого ожидания, явился к нему перебежчик из Кастории Главас и вслед за ним — Феодор Петралифа, женатый на дочери Димитрия Торника Комнина, который у императора Иоанна был высшим гражданским сановником и был чрезвычайно любим им и уважаем, так что в письмах своих император называл его братом. Его уж давно не было в живых. В это время не было никого, кто бы носил имя и должность правителя гражданских дел, и император в обыкновенных текущих делах употреблял каких-нибудь безвестных грамматиков¹ вроде {104} Иосифа Месопотамита и Никифора Алиатты и только для особенно важных бумаг, требовавших тщательного составления, употреблял Иоанна Макрота и меня. Названный нами Петролифа, будучи братом жены Михаила, своим прибытием к императору много ободрил и его самого, и все его войско. Ибо тотчас после этого Кастория и вся окружная страна подчинилась императору, а вслед за нею и обе Деаволии, как Малая, так и Большая. Также Гулам из Албана, женатый на племяннице императрицы Ирины, дочери ее двоюродной сестры, и пришедший на помощь Кастории с войском из Албана, присоединился к императору, склонившись на ласковые слова и письменные обещания императора. Император ласково принял всех их и почтил по достоинству. Деспот Михаил, узнавши об этом и видя, что дела его приходят в более и более затруднительное положение, между тем как дела императора постоянно изменяются на лучшее, отправил к императору посольство, состоявшее из Ксера, митрополита Навпактского, шурина своего Малиасина и Лампета, которые, будучи допущены к императору, вступили с ним в переговоры. Михаил уступил царю крепость Прилап, Велесон и находящееся в Албанах укрепление Кроас, а царь со своей стороны скрепил союз письменной клятвой и тоже отправил к нему послов,— это были Фока Филадельфийский, дворцовый приммики-{105}рий², Исаак Дука, иначе называемый Мурзуфлом, Михаил Иалеас и я. Отправившись к Михаилу, мы нашли его в Лариссе, скрепили заключенный союз и, взявши с собой сына его Никифора, которого император ради внучки своей почтил титулом деспота, и дядю, Феодора Ангела, обложенного узами, возвратились назад к

¹ Грамматиками назывались домашние секретари византийского императора.

² Πριμικήριος — Primicerius (из primus — «первый» и seга — «воск») означало человека, занимавшего первое место на восковой таблице чинов, относившихся к известному роду службы. И потому приммикирии были во всех рангах, не только гражданских, но и духовных. Дворцовый приммикирий — Πριμικήριος τῆς αὐλῆς — наблюдал за всеми чиновниками, служившими при дворе: ὁ Πριμικήριος τῆς αὐλῆς ἔχει μὲν ἐν παραστάσει ὑπηρεσίαν, οἷαν προείπομεν· ἐντακτεῖ γὰρ καὶ τοὺς ἐν τῇ αὐλῇ πάντας. Codin cap: 5 n. 44.

императору, стоявшему лагерем в Водинах. Так происходило и так кончилось все это дело. Презимовав¹ в Водинах, император в начале весны, отпраздновав день Пасхи, оставил здесь свои войска и, вверив начальство над ними протовестиарию Алексею Раулю, женатому на племяннице императора, и Михаилу Комнину Палеологу, отправился с небольшим войском для обзора вновь приобретенных теперь областей. Сначала он прибыл в Ахриду, потом посетил Деаволу, а оттуда отправился в Касторию. Наконец осенью, собрав войска, он порешил возвратиться на Восток.

50. Миновав Фессалонику и Византию и вступив в Филиппы, он остановился здесь {106} лагерем по немаловажной, как казалось ему, причине. Ибо, когда он был еще в Водинах, манклавит² Николай из Меленика сделал донос императору на известного уже нам Михаила Палеолога, сына главного domestika. Но так как тогда у императора не было времени для исследования этого дела, потому что он занят был военными приготовлениями и войной, то он и отложил исследование этого обвинения до более благоприятного времени. Теперь царю можно было приступить к исследованию этого дела, и он учредил судилище, назначил судей и нарядил торжественный суд³. Обвинение состояло в следующем. Когда умер Димитрий Торник, — в то время, как великий domestik находился еще в Фессалонике, а сын его Михаил был назначен правителем в Меленик и Серры, — то этот последний, узнав о смерти Торника, весьма опечалился и перед всеми показывал себя сильно расстроенным, потому что Торник имел в супружестве двоюродную сестру великого domestika. Как обыкновенно бывает в таких случаях, кто-то из жителей Меленика, по имени..., спросил другого, которого звали...: «Отчего так печалится Михаил Комнин?» «Оттого, — отвечал этот последний, — что умер Димитрий Торник, — он знал, что это была причина, — родственник его и правитель общественных дел». «Не думаю, — возразил первый, — из-за Торника он не стал бы так печалиться и сокрушаться, потому что от этого, кажется, ему же выгода. А если так, то горе нам! Дела наши, которые теперь так спокойны и благоустроены, опять придут тогда в смятение и расстройство». «О нет, друг мой! — отвечал первый. — Если это и действительно так, то отсюда не произойдет ничего худого для нас, потому что великий domestik управляет Фессалоникой, а сын его Михаил Комнин — нашими областями. Под управлением таких великих мужей нам нечего бояться какого-нибудь смятения, а кроме того, сестра болгарского Каллимана Фамарь⁴, еще незамужняя до настоящего времени, вступит в брак с Михаилом Комнином, и таким образом между нами и болгарам будет союз». Так разговаривали между собой упомянутые лица, а Михаил Комнин ничего и не знал об этом. Этот разговор один из собеседников передал упомянутому манклавиту, а тот сообщил его императору. Оба они были схвачены и подвергнуты допросу. При допросе один высказал обвинение, а другой признался и сказал: «Я действительно говорил так, он от меня это слышал; но говорил я это от самого себя, а не потому, чтобы слышал такие речи от Михаила Комнина. Его принуждали к этому (т. е. сознаться, что он слышал эти слова

---

¹ Григора, напротив, говорит, что император поспешил отправиться отсюда, потому что не хотел зазимовать. См. Рим. Ист. Григ. кн. 11, стр. 48.

² Это не фамилия, а название должности. *Μαυκλαβίται* были стражами, стоявшими при дверях императорского дворца, вооруженные булавой (*clava*), от которой получили и самое название (*manuclavium*, *μαυκλάβιται*).

³ Странно, что об этом суде, который наделал в свое время очень много шума, Григора сказал только несколько неопределенных фраз (кн. 11, гл. 8), а Пахимер перепутал в нем и события, и лица. По его словам, суд этот происходил при императоре Феодоре, сыне и наследнике Иоанна Дуки, и что будто в числе судей был патриарх Мануил, предстательству которого перед императором Михаил обязан и своим спасением, и, наконец, что Михаил будто бы сам требовал судебного поединка для доказательства своей невинности (кн. 1, гл. 7). Франца пошел в выдумках еще дальше. Кроме неверного указания царствовавшего тогда императора (тоже, по его словам, Феодора), он влагает в уста Михаила следующие слова: «*Obsecro te, domine, hoc mihi da, ferrum iu camini flammis conjectum et etiam atque etiam vehementerque caudens manibus complectar prunasque in sinum immitens sperandum qui tres pueros in camino ignis liberavit, et oculum illum omnia contuentem semperque vigilem, qui scrutavit renes et corda, quique novit nec cogitasse nec concepisse me de quibus interrogas, illaesum, si ei placuserit, ab aductione servaturum*». Насколько в этих словах правды, покажет дальнейший рассказ Акрополита.

⁴ Пахимер говорит, что Михаила обвиняли в желании соединиться браком с дочерью деспота Михаила и, оставаясь на службе императора, предать ему царскую область. Кн. 1, гл. 7.

от самого Комнина); но он продолжал стоять на одном, что об этом ровно ничего не знает Михаил Комнин. Вследствие этого предложено было им испробовать военное доказательство, т. е. поединок, так как не было свидетелей ни за того, ни за другого. Оба они вооружились, вступили на отмеренное им пространство и сразились между собой, причем верх остался на стороне обвинителя, а обвиняемый был побежден и свергнут с коня. Его подняли с земли еще живого (потому что он получил не смертельную рану) и стали опять допрашивать, чтобы он сказал сущую правду. Но он стоял на прежнем слове, т. е. что он решительно не знает, виноват ли в чем Михаил Комнин. А так как император думал узнать истину при помощи усиленного истязания, то и назначил самое строгое испытание, именно приказал подвергнуть его так называемому смертному допросу. Вследствие этого у обвиняемого связали руки назад, как будто для смертной казни, а глаза завязали льняным покрывалом — так обыкновенно приготавливались к принятию смертного удара те, которые были осуждены на смертную казнь. Когда все это было сделано и узник протянул уже шею для отсечения головы, его опять подвергли допросу о том же предмете, но он по-прежнему со страшными клятвами утверждал, что решительно ничего об этом не знает Михаил Комнин. Он думал, что идет на смерть, а между тем попал только в темницу, где ожидали его колодки и кандалы. Весь суд перенесен был теперь на самого Михаила Комнина. Назначенные для исследования его дела судьи говорили ему: «Так как на тебя возведены некоторые непригожие речи, то ты должен опровергнуть их каким-либо чудотворением». Речь шла о доказательстве посредством раскаленного железа ¹. Но {110} Михаил (имел своей помощницей истину) отвечал: «Если бы был против меня какой-нибудь обвинитель, я вступил бы в борьбу с ним и доказал, что он лжет, но обвинителя нет; за что же меня судят? Вы требуете от меня чудес, но я не в состоянии их сделать. Я не могу себе представить, чтобы раскаленное железо, попав в руки живого человека, не обожгло их, разве только они будут вырезаны из камня или сделаны из меди Фидием или Праксителем». Так говорил, и, клянусь Фемидой, вполне справедливо, Михаил Комнин. На этом суде присутствовал вместе с другими митрополит Филадельфийский Фока, весьма любимый и уважаемый императором, чего, впрочем, достиг он не добродетелью, а бесстыдством ². Однажды, когда император спрашивал мнения о каком-то общественном деле, он дерзко сказал ему: «Государь! Для чего спрашиваешь нас, когда всегда делаешь только то, что сам задумал?» Когда он это сказал, император обратился с жалобой к предстоявшим: «Митрополит так дерзко говорит, а вы это терпите?» Но немного спустя сделался к нему {111} весьма благосклонен, осыпал почестями и начал советовать с ним о мирских делах. И в настоящем случае император пользовался им как доверенным советником. Отозвав Михаила Комнина один на один, митрополит сказал ему (а я подслушал): «Ты человек благородный и рожден от благородных родителей. Поэтому тебе нужно было и думать, и делать так, чтобы не уронить своего почетного места, ни своей верности, ни своего рода. А так как нет возможности уличить тебя посредством свидетелей, то должен доказать истину раскаленным железом». Но Михаил мужественно и твердо и, подобно какому-нибудь герою, бестрепетно бросающемуся в битву, как изображают писатели, отвечал: «Владыка! Это должно быть нечто святое; а я человек грешный и не могу творить чудес. Но если ты, как митрополит и человек Божий, советуешь мне это сделать, оденься во все священные свои одежды, как обыкновенно приступаешь к божественному жертвеннику и пред-

---

¹ О существовании в тогдашней Греции этого способа судебного доказательства невинности свидетельствует Пахимер. «Подсудимого,— говорит он,— спасало только одно (если он был обвинен в волшебстве — самом страшном преступлении в глазах императора Феодора Ласкариса, о времени которого здесь речь): если он решался взять рукой кусок раскаленного железа из горящего огня, который назывался священным, к чему требовалось трехдневное приготовление. Решившийся на это должен был сперва провести три дня в посте и молитве, а рука его в это время покрывалась сеткой и обвязывалась полотенцем, запечатанным печатью, чтобы кто-нибудь не вздумал намазать ее мазью, уничтожающей действие огня. И пишущий это, приходя в совершеннолетие, сам видел такое диво, что некоторые, подвергшись сему испытанию, выдерживали его невредимо». Георг. Пахимера ист. Михаила и Андроника Палеологов, кн. 1, стр. 26.

² До какой степени искажены и перепутаны были все нравственные понятия во время, о котором идет здесь речь, что Акрополит, один из умнейших людей своего времени, называет бесстыдством благородную откровенность Филадельфийского митрополита. Иоанн Дука гораздо лучше оценил эту откровенность, чем наш историк.

стоишь Богу, и потом своими святыми руками, которыми обыкновенно прикасаешься к божественному жертвоприношению тела Господа нашего Иисуса Христа, вложи в мою руку железо, и тогда я уповаю на Владыку Христа, что он презрит мои прегрешения и откроет истину чудесным образом». Так сказал Михаил Комнин, а митрополит ему на это: «Прекрасный юноша! Этот способ испытания не принадлежит на-{112}шим римским постановлениям, не заимствован ни из церковного предания, ни из законов, ни из священных и божественных канонов. Этот способ варварский, нам неизвестный, и употребляется только по царскому распоряжению». «Но — великий иерарх Божий! — если бы я был варвар и в варварских обычаях воспитан и таким варварским законам научен, то я по варварскому обычаю понес бы и наказание. А так как я римлянин и происхожу от римлян, то по римским законам и письменным установленным пусть меня и судят!» Пораженный этими словами юноши (Михаилу Комнину было тогда 27 лет), который и в несчастье не потерял благородного образа мыслей и благородной твердости в слове, митрополит отправился к императору, — что он ему сказал, я не знаю, но, по всей вероятности, то самое, что и как я слышал. Таким образом, император после долгого испытания не нашел никакой вины в Михаиле Комнине, хотя подводил под вину невинного и силой слов и бичей. Притом все, как латиняне, так и римляне, и особенно латиняне, — потому что они гораздо свободнее говорят о своих государях, — признавали совершенно невинным Михаила Комнина. Мы вместе с Иоанном Макротом, присутствуя на суде, так как и мы тоже были включены в число судей императором, заметили, что некоторые (из судей) стояли здесь, ничем не отличаясь от дерев. Императору хоте-{113}лось, чтобы единогласно осудили (Михаила); а у нас между тем не поворачивался язык, когда без основания судили Михаила Комнина. Не только мы все любили его (я говорю сущую правду), но и все военачальники, и воины, и лица, принадлежащие к синклиту. Для юношей он был приятным собеседником, ласковым на словах и вполне готовым на услуги, для стариков он казался стариком по речам и по разуму и нравился им. И это случилось с ним, как думаю я, по устроению Всевышнего; так как Бог хотел возвести его на царскую высоту, то и подверг его огню искушений и печи испытания, чтобы, взойдя некогда на царский трон, он не считал его недоступным для наветов и клеветы и не поспешно произносил бы приговоры, достигнув возможности делать, что угодно. Не обижен он был (Богом) и в других отношениях, как дальнейший рассказ покажет. В конце розысков император сказал (я эти слова слышал) — «Увы, несчастный! Какой славы ты лишился!» Это было сказано потому, что император хотел выдать за Михаила Комнина внучку свою, старшую дочь сына своего царевича Феодора, Ирину. Она приходилась Михаилу племянницей от двоюродной сестры. Но так делал и император Иоанн, и многие другие, так что это было делом обыкновенным; и хотя Церковь запрещала подобные браки, но императорам это разрешалось для общественной пользы. {114}

51. Таким образом, окончив розыски, император отправился на восток, а Михаил Комнин оставлен был, так сказать, в подозрении. Но знатность его рода и родство его с ним с самим и знатными лицами не позволяли императору пренебрегать его делом. Что же он делает? Посылает его к патриарху. Кормилом патриаршества правил тогда Мануил, муж благочестивый, святой жизни и поведения, хотя и имел жену ¹, но незнакомый с науками, так что не понимал и того, что удалось узнать. Император написал к нему, чтобы он подвергнул Михаила Комнина епитимии ² и связал его клятвами, что он {115} никогда не будет замышлять невер-

---

¹ Эту фразу нужно понимать так, что Мануил был выбран в патриархи из женатых, но что оставил свою жену, сделавшись патриархом. Примеров подобного избрания на патриаршество можно указать очень много в истории Восточной Церкви. Не перечисляя других, напомним пример патриарха Иоанна Гликиса, о котором говорит Григора в VII Кн. II гл. своей Римской истории.

² Здесь для полноты и обстоятельности нелишне привести рассказ об этом Пахимера. За исключением имени императора, все в его рассказе можно принять за верное, потому что не противоречит сказанному Акрополитом в главных чертах. Вот этот рассказ. Тогдашнему патриарху Мануилу пришлось провести несколько месяцев в Лидии, где находился и царь. Собираясь выехать оттуда и узнав, что державный, по сему случаю, желал бы сделать иерарху что-либо приятное, Мануил тотчас, оставив все другое, стал ходатайствовать за узника (Михаила) и просил сжалиться над ним как над жертвой клеветы. «Если ты, царь, отпустишь его и не совсем чистым от подозрения, — говорит патриарх, — все же он дает клятву относительно времени будущего, принимая на себя вместе с тем опасность подвергнуться наказанию церковному, чем связанный, не допустит в свое сердце не только самого дела, но и мысли об отложении

ности к царю, а сохранит в чистоте свою преданность к державному. Так и было сделано, и император опять приблизил к себе Михаила Комнина и отдал ему в супруги внучку брата своего, севастократора Исаака Дуки, Феодору, — она одна и была у отца ее, сына севастократора, Иоанна, который умер еще в молодых летах, оставив вдовой супругу свою Евдокию, дочь Иоанна Ангела, и сиротой свою единственную дочь Феодору, которая благополучно сочеталась теперь браком с Михаилом Комниным. Мать ее, Евдокия, хотя была очень молода, но предпочла переносить свое вдовство, возлюбила добродетель и то, как бы угодить Богу. За что и награждена была от Бога этим союзом. Так все это было.

52. Достигши восточных стран и пробыв там тот год, император опять отправился отсюда в главный город Вифинии — Никею. Время было к концу зимы: истекал месяц февраль. Однажды император, сидя {116} на своем ночном ложе (протекла уже и некоторая часть ночи), вдруг сделался безгласен и, покотившись, упал на постели и совершенно лишился языка¹. Врачи принялись за свое дело, сделали насечки на ногах и вложили в эти насечки эфолвион², равно как пробовали и другие средства, какие предписывает врачебное искусство; но император пролежал без всякого движения как эту ночь, так и следующий день и следующую за ним ночь. Он был поражен апоплексическим ударом, столь сильным, что лишился {117} всякого движения и языка. Наконец он едва-едва очнулся и пришел в себя. Цвет же его лица совершенно изменился. Затем он озаботился добраться до Нимфея, поспешая к празднику Ваий, который имел обыкновение совершать торжественно. Продолжая свой путь, он прибыл в Нимфей и здесь совершил торжество Ваий и отпраздновал и день Воскресения. Затем, по обычаю, начал посещать окрестные места, где прежде постоянно бывал, подвергаясь через известные промежутки времени болезненным припадкам, которые мучили его. Иногда в самом дворце он вдруг падал на одр безгласным, иногда же — на коне и в пути его схватывала болезнь, и бывшие с ним подхватывали его и скрывали все это до времени, чтобы не знали об этом другие. А когда он приходил в чувство, то кое-как возвращался во дворец, а иногда домашние тихонько переносили его на креслах в царские чертоги. По мере усиления болезни и тело императора становилось все хуже и хуже, потому что гораздо чаще начали случаться с ним ее припадки. Все бо-

---

и, как христианин, боясь суда Божия, останется не хитростью верным присяге, данной тебе и твоему роду». Уважив это предстательство, державный показал сочувствие к осужденному и ручался, что вполне возвратит ему душевное свое благорасположение, если и он впредь, по обещанию иерарха, будет твердо хранить данную царю присягу. Потом, в бытность свою в Ахираях, вместе со многими архиереями, Мануил, когда стоял у жертвенника и приготавлился к служению, посылает к державному одного из лиц, украшенных саном священства. Приняв посланного, державный тотчас освободил узника от оков и с удовольствием отпустил его к иерарху вместе с его подручниками. Как скоро Михаил пошел и выслушал от собора обычные увещания, тотчас для большего подтверждения своей присяги царю принял соборное определение о наказании, а потом, опять возвратившись к державному, удостоился великого его благорасположения. Кн. 1, гл. 7.

¹ О болезни и кончине императора Иоанна Дуки Григора рассказывает также точно, как и Акрополит. См. Римск. ист. кн. 11, стр. 49—50 по рус. перев.

² Ἐφὸλβιον ταῖς ἀμνηαῖς ἀνέβαλλον. Мёрсий думает, что это слово нужно поправить в φολβιον — слово, заимствованное греками у варваров и служившее названием одной травы. Димитрий (Constantinop. Hieracosophii lib 2. cap. 1) упоминает об этом растении в следующих словах: φολβίου βοτάνης, κόστης, σμῆρνης ἀρρενικῆς στάχθς Ἰνδικου. Упоминают о ней и многие другие. Дуза думает, что это φολβιον было вид свёклы, которую итальянцы называют foglia molla. Скриверий находит, что изменение в ἐφολβιον должно касаться не первой буквы, а β на κ и читать ἐφοκλιον вм. ἐφολβιον, которое имеет в этом случае значение эпитета при подразумеваемом слове ἴατριον, т. е. отвлекающее врачебное средство, употреблявшееся при кровопусканиях. Но в чем оно состояло, Скривер не берется определить, а выражает только мысль, что оно могло состоять и в одной перевязке, которая обыкновенно употребляется перед кровопусканием, чтобы привлечь кровь к известному месту. Толкование Скривера, на первый взгляд, правдоподобно, но жаль, что оно опирается на одних соображениях, заимствованных автором из медицинской практики своего времени, а не на исторических данных. Между тем известно из истории, какую важную роль играли в XIII в. разные травы, корни и вообще растения в медицинской практике: они вместе с соображениями астрологическими и амулетами составляли почти всю тогдашнюю медицинскую рецептуру. Ввиду этих исторических фактов мы не решаемся признать мнения Скривера за несомненно верное и удерживаем буквальный смысл подлинника, предоставляя каждому понимать это место по-своему.

лее и более усиливавшаяся худоба и отсутствие аппетита жестоко сокрушали его. А когда врачи утомились уже в борьбе с болезнью, то, желая приобрести себе хоть малое утешение, он захотел отправиться в Смирну, дабы там поклониться Христу, да подаст ему облегчение и явит к нему свою милость. Отправившись в путь, он исполнил все это, но не получил ослабы {118} своему недугу, а напротив, пребывая в Периклистрах (это место находится близ Смирны и называется так потому, что со всех сторон стекается к нему много воды), почувствовал, что болезнь его стала еще больше или, лучше, злее. Поднявшись отсюда, он в самом расстроенном состоянии добрался до Нимфея. И здесь не входил и в царские палаты, а велел раскинуть царские палатки в царских садах. Здесь он и скончался в 3-й день ноябрьских календ, прожив 62 года,— как говорили те, которые верно знали все относящееся к нему,— из коих 33 года процарствовал честно и непорочно. Он был кроток и всегда отличался человеколюбием, бережлив в раздавании даров подвластным себе, но зато к иноземцам, и особенно к послам, он был очень щедр, чтобы они хвалили его. После того как умерла супруга его, царица Ирина, он обнаружил слабость к женщинам. Особенно он был увлечен любовью к Маркесине — служанке, а после совместнице супруги своей, из рода аллеманов, императрицы Анны, прибывшей из Италии, и до такой степени поддался этой любви, что позволил ей носить красные сандалии и такого же цвета верхнюю одежду и перевязь,— за нею, как за настоящей императрицей, следовало множество прислужниц. И многое другое делал он, исполняя ее прихоти. На войне он был терпелив и мужествен. В решительные битвы он, впрочем, не любил вступать, опасаясь изменчивости и нена- {119} дежности военного счастья, но брал терпением: он проводил в неприятельской земле иногда весну, оставался в ней и на лето, ждал и до самого конца осени, и зазимует, а добьется-таки победы, потому что враги утомятся наконец царской настойчивостью и терпением. Умирая, император Иоанн оставил царство сыну своему Феодору, которому было тогда 33 года, т. е. ровно столько же лет, сколько царствовал его отец, потому что день его рождения почти совпадал с днем восшествия на престол его отца.

53. Император Феодор вступил на царский престол. Отдав обычный долг императору, отцу своему, и сев, по обычаю, на щит¹ и будучи провозглашен всеми самодержцем, отправился из Нимфея в Филадельфию. Это город огромный и многолюдный, населенный жителями, которые в состоянии были владеть оружием и особенно искусны были в метании стрел, потому что город этот лежит на границе персидских владений и постоянные стычки с неприятелями научили их искусству сражаться. Пробыв здесь недолгое время,— не больше, как сколько нужно было, чтобы отправить посольство к султану,— император отправился отсюда в Вифинию, и именно в главный город ее — Nikeю. А так как в это время Церковь лишилась первостоятеля (ибо патриарх Мануил немногим пережил императора Иоанна), то и нужно было {120} прежде всего избрать патриарха, чтобы совершить коронавание императора в священном храме, и потому искали человека, достойного этого престола. Многие указывали на Никифора Влеммида, моего учителя по философии и догматике, от юности принявшего на себя иго уединенной жизни и славившегося и искусством в слове, и добродетелью, хотя некоторые, и особенно из знати, из зависти не только не находили в нем особенных добродетелей, но и приписывали ему разные пороки. Император Феодор был очень к нему расположен и любил его, потому что считал его учителем своим в отношении к словесному образованию, в занятии которым находил особенное удовольствие,— действительно император был чрезвычайно образован. Но Никифор был больше чем равнодушен к патриаршеству. Да в свою очередь и император не слишком принуждал его, а, скорее, было у него желание, чтобы он не принимал предстоятельства, потому что цари вообще хотят, чтобы патриархами были люди смиренные, недалекие по уму, которые бы легко уступали их желаниям как признанным постановлениям. А это всего чаще случается с людьми необразованными: будучи невеждами в слове, они не способны на смелое слово и преклоняются перед императорскими распоряжениями. Поэтому император Феодор, сделав маленькую попытку над Никифором, обратился к другим. И когда уже он перебрал много людей, которые все ему не нрави- {121} лись, вдруг посылает за одним монахом, жившим при Аполлониадском озере,— это был человек малоученый (потому что он знаком был только с начальными правилами грамматики), не имел никакой священной степени и назывался Арсением,— и велит привести его с возможной поспешностью. Он действительно и

---

¹ См. Рим. Ист. Григоры, кн. IV, гл. I.

прибыл. А поелику император спешил своим отъездом из Никеи, то и приказал архиереям как можно скорее рукоположить его в патриарха; они так и сделали, в одну неделю посвятивши его и в диакона, и в пресвитера, и в патриарха.

54. Причина, заставлявшая императора спешить отъездом из Никеи, была следующая: вождь болгарский Михаил, который приходился шурином императору Феодору, будучи сыном тестя его Иоанна Асана от дочери Феодора Ангела, известясь о смерти императора Иоанна и видя, что западные страны не заняты войсками римскими, захотел опять возвратить под болгарское владычество отнятую у болгар императором Иоанном землю и находившиеся на ней крепости (на что давно с неудовольствием смотрели болгары) и, считая тогдашнее время, по своим соображениям, самым удобным для этого, двинулся со стороны Гема и, переправившись через Гебр, в непродолжительном времени покорил страну на значительное пространство и овладел без всякого труда многими крепостями. Так как жители здесь были болгары, то и передавались охотно {122} на сторону своих единоплеменников, свергая иго иноплеменников. А те крепости, в которых оставлены были римские гарнизоны, будучи не в состоянии противиться среди этих обстоятельств, покорились болгарам: одни из этих гарнизонов были объяты ужасом и, передавая крепости, получали за это свободу возвратиться в отечество; другие, по причине внезапного нашествия болгар, не сумели ничего сообразить для своей защиты и бросились бежать, оставив крепости без охранителей; а иные, так как защита крепости затянулась слишком надолго, утомлены были уже и самой продолжительностью времени. Много было между крепостями и неоконченных, и бесчисленное множество всего нужного к защите. Таким образом, вдруг были взяты Стенимах, Пристица, Крицим, Цепена и все крепости, находившиеся в Ахриде, исключая Мниака, который один только был удержан за собой римлянами. Кроме того, подчинились болгарам Устра, Перперакий, Крибус и лежащий близ Адрианополя Ефрахим. Когда все это происходило и дела римлян на западе находились в опасном положении и слух дошел и до самого царя, рисуя впереди еще большие бедствия, то окружавшие императора немало были встревожены всем этим, потому что знали, что большую часть западных областей населяли болгары и что эти области давным-давно отложились от римлян и только в недавнее время покорились императору Иоанну, но эта {123} покорность не успела еще окрепнуть и они всегда втайне были враждебны римлянам.

55. Император опечален был всеми этими событиями, потому что так несчастно началось его царствование. Собрав гражданские и военные чины, между которыми были и дяди императора Феодора по деду, Мануил и Михаил, он посоветовался с ними насчет того, что делать ему в настоящем случае. Большинство находило нужным, чтобы император переправился через Геллеспонт и остановил стремление болгар. Но этот совет не понравился упомянутым дядям императора, к которым император был внимателен по многим причинам. С одной стороны, побуждало к этому родство с ними, с другой — возраст их старческий склонял его к ним, а к тому же и многосторонняя их опытность немало говорила в их пользу; потому что, будучи некогда изгнанниками, во время владычества императора Иоанна, они находились в сношениях со многими государями и блуждали по разным странам, где, по выражению поэта ¹, насмотрелись разных городов и обычаев. Они и действительно были люди рассудительные, но криво со-{124}ветовали по делам римским, потому что сначала были в пренебрежении у своего брата императора, который не давал им никакого достоинства, приличного братьям царствовавшего императора; а потом, будучи изгнаны из отечества зятем своим, царем, они стали совершенно чужими римлянам. Это, может быть, кто-нибудь назовет и причиной того, почему они так превратно советовали, но вернее сказать, что изменчивые и непостоянные нравы людей сделали их такими. Это не было тайной и для самого императора Феодора, тем не менее

---

¹ Одиссея, к. 1, ст. 1, 2 3.

Ἦνδρα μοῖ, ἔννεπε, Μοῦσα, πολοίτροπον, ὃς μάλα πολλὰ
Πλάγχθη, Ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσεν.
Πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄρξαι καὶ νόον ἔγνω.

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей, города посетил и обычаи видел...

Перевод Жуковского.

как кровных родственников, которых он предположил себе окружать всевозможными почестями, он слушал их. Итак, они своим мнением полагали, что императору вовсе не необходимо отправляться на запад, что тамошние области находятся в слишком плохом состоянии, так что почти нет возможности поправить дело, между тем как войска у императора недостаточно для обыкновенных нужд империи, потому что зима мешала собирать войско. Кроме того, если император поднимется с места и не сделает ничего достойного своего имени и своей славы, то не только закрепит за врагами то, что они уже отняли, но потеряет и то, что осталось, а это поведет к очень значительному усилению неприятеля и, напротив, к немалому ослаблению римлян. Так говорили они, а Георгий Музалон, находившийся в весьма близких отношениях к императору и бывший тогда великим-доместиком, не только советовал императору предпринять поход на запад, а даже настаивал на нем, чтобы все, что было нашего на западе, или, по крайней мере, большая часть не перешло в руки врагов. К этому совету великого доместики присоединилось немало и других знатных лиц. Таким образом одержал верх совет большинства, тем более что и собственное настроение, и горячие порывы сердца подстрекали императора к этому движению. Собравши вокруг себя тех, которые случились у него под рукой, и составивши из них небольшое ополчение, а потом присоединяя к себе многих, встретившихся на пути, а равно и живших близ дороги, которой шел, и которые могли следовать за ним с оружием и лошадьми, он переправился через Геллеспонт, оставив на востоке великого доместики.

56. Отсюда с возможной скоростью он прибыл в Адрианополь. Пробыв здесь только один день, на следующий отправился далее. Один болгарский лазутчик, увидев императора, когда тот выступал из Адрианополя, поспешно прибежал к болгарину¹ (который стоял лагерем около Гебра), объявил ему об этом обстоятельстве и высказал соображение, что нужно ждать скорого нападения на него со стороны императора, подтвердив клятвой, что он собственными глазами видел, как император переправлялся по мосту, перекинутому через реку Гебр близ города. Это смутило бывших с болгаринами, однако же они не покинули места, на котором недавно раскинули свой лагерь, а остались тут же, пока точнее и вернее не узнают, насколько достоверен этот слух. Но и от императора не скрылось место стоянки болгарина, он тоже узнал, где находится его лагерь. Итак, он начал спешить еще более походом и ускорял движение конницы, горя нетерпением столкнуться с болгарским войском. Но один случай помешал исполнению этого желания царского. Передовые отряды римлян наткнулись на передовые посты болгарского лагеря, напали на них и многих изрубили, а других взяли в плен живыми, между этими последними был и сам начальник поста. А остальные обратились в бегство, в глубокую полночь прибежали в болгарский лагерь, рассказали там обо всем и заверили, что император находится уже близко. Тогда все, вместе со своим предводителем, бросились на коней и ударились бежать во внутренние пределы болгарских владений. Во время бегства они оцарапали свои лица о древесные сучья, которые хлопали им в лицо, и сам болгарин испытал на себе эту неприятность, а другие без верхней одежды вскочили на коней и понеслись во весь опор. Ударяя таким образом, они избежали меча римлян. Поутру достигши этого места и увидевши, что на нем нет уже болгарского войска, император опечалился, но делать было нечего. Обдумав, что делать, он направился к Веррэе и сряду же овладел этим укреплением, потому что вся стена его была повреждена и имела множество брешей после того, как оно взято было, подобно другим римским крепостям, болгарскими, хотя жители и укрепили ее подставками от виноградных лоз и брусьями от колесниц. Таким образом войска обильно были снабжены пищей, как сами, так и лошади их, потому что крепость была наполнена съестными припасами. Может быть, император отправился бы и дальше, к самому Гэму, и сделал бы нападение на тамошние крепости (потому что навел немалый страх на болгар), если бы суровая зима, неожиданно наступившая, не помешала его предприятию: в это время выпал глубокий снег и римским войскам оставаться в стране чужой и враждебной показалось для царских советников небезопасным. Поэтому, пробыв здесь шесть дней и будучи не в состоянии сделать что-либо другое, император опустошил всю Веррэю: мужчин, женщин, детей, овец, коров и вообще все движимое отправил в Адрианополь.

57. Собрав здесь приличное войско, он выслал его против укреплений Ахриды, подчинившихся недавно болгарам, дабы опять покорить их власти римлян. Отправленные против

---

¹ То есть царю болгарскому Михаилу.

них с войсками вожди римские легко овладевали ими при помощи машин и стенобитных орудий, потому что болгары лишь завидят врагов или заметят их воинственные приготовления, то поскорее и бросают крепость без обороны. Таким образом в короткое время большую часть их взяли римляне. Между тем и сам император, собрав вокруг себя ополчение, направился к крепостям, находившимся около Родопы, и при помощи машин взял Перистицу и вслед за нею Стенимах, Крицимон, равно как все сильные укрепления, находившиеся как на этой, так и на той стороне горы Родопы. После этого он отправился к Цепене среди жестокой зимы, но неудобства местоположения и суровость времени года недолго позволили ему пробить у нее. А когда наступила весна, он послал приказание Алексею Стратигопулу и Михаилу Торнику, пожалованному саном великого приммикирия при императоре Иоанне, которые стояли тогда лагерем в Серрах, чтобы они, собрав все войско, прибыли к Цепене. Они так и сделали. Но при этом они оказались плохими вождями, потому что, не встретив никаких неприятельских войск, ни людей, с которыми бы стоило вступить в сражение, а услышавши какие-то неопределенные голоса, и шум, и звук рогов, они позорно бросились в бегство, оставив пастухам и свинопасам болгарским весь фураж и множество лошадей. Таким образом, беглецами возвратились они опять в Серры без оружия и коней. Император закипел негодованием {129} на это и в гневе приказал им отправиться туда, откуда пришли, и снова начать войну, для которой были посланы, что для них решительно было невозможно.

58. Когда все это так происходило, случилось нечто еще худшее, угрожавшее большими бедствиями римлянам. Именно, начальник меленикского войска, по имени Драгота, питая неприязнь к римлянам и по самой природе своей, как болгарин, а еще более, чем по этой враждебной неприязни, по ненависти к императору Иоанну (он надеялся получить от него очень многое и то, чем наградил его император Иоанн, считал недостаточным для себя, хотя на самом деле эти награды были велики), задумал открытое восстание и, собрав как всех меленикских воинов, так и многих других из окрестных стран, обложил Меленикскую крепость, держал ее в осадном положении и усиливался разрушить. Начальниками гарнизона в этой крепости были Феодор Нестонг и Иоанн Ангел,— оба были люди, умевшие оберегать крепость и отражать врагов.

Находившихся внутри крепости ничто другое не тревожило (потому что у них было изобилие во всем нужном), кроме недостатка воды, что было особенно трудно и тяжело переносить в летнее время, которое тогда стояло. Тем не менее они (потому что не вовсе вышла у них вода) храбро противостояли врагам, бросали в них стрелы, осыпали камнями и вообще действовали всеми другими военными средствами. Узнав об этом, император принял этот слух с большим неудовольствием, но его озарила прекрасная мысль,— как можно поспешнее собрав все войско, в двенадцатый день он был уже под Серрами, совершив в столь короткое время такой большой переход с большим войском, привыкшим сражаться на близком расстоянии, которое, кроме того, было в полном вооружении и ехало на лошадях, навьюченных грузом, и вообще было обременено всеми другими военными принадлежностями. Когда император прибыл в Серры, то, переждав ночь, на другой день утром поставил в строй свои войска, приказав пешим воинам и вооруженным стрелами идти впереди, потому что его известили, что тесный проход Ропелийский, где протекает река Стримон, сжатая между двух гор, так что едва можно было проехать одной колеснице (отчего народ и называет это место κλεισῦρα¹), охраняется немалым отрядом болгарской конницы и большим отрядом пехоты (болгары устроили здесь и ворота, снабженные запорами и засовами, дабы сделать это место вдвойне неприступным, как по естественной его трудности, так и по искусственным укреплениям),— когда все это узнал император, то и отправился поспешно к тому месту. И действительно нашел здесь все так, как ему рассказывали. Отделив пеших воинов, он составил из них приличный отряд и приказал им подняться вверх по горе над головами болгар и оттуда с выгодной позиции, которую займут на высоте, поражать болгар, находившихся внизу. Они поспешно исполнили это повеление, потому что гора была покрыта густым лесом и пешим пройти было можно. Всадникам же он приказал начать битву близ ворот. Когда болгары заметили над своими головами людей, бросавших в них с верхних гребней горы стрелы и перенесших

---

¹ То есть узкий проход. Это слово греческое усвоено было и латинянами, и варварами, входившими в частые сношения с греками: им те и другие называли горные ущелья. Vid. Glossar. Ducang.

им войну в тыл, то, видя себя в затруднительном положении, обратились в бегство, преследуемые царским войском. Многих изрубили тогда римляне. А некоторые, спасшиеся, бежали до самого болгарского войска и рассказали ему об императоре, равно как и о том, что они от него потерпели. Болгары, смущенные этой нечаянной вестью и тем, что вдруг обрушилась на них такая беда, все как попало бросились на коней и предались бегству. Так как ночь была безлунная, когда они бежали, местоположение трудное и дорога неизвестная, то некоторые из них попадали с коней, и ехавшие сзади их перетоптали и передавили их, иные тяжестью верхнего платья своего были увлечены вниз с крутых утесов, иные другим образом приняли несчастный конец, так что немногие из них спаслись и достигли Болгарии. Тогда же и предводитель {132} их и зачинщик этого возмущения Драгота был изуродован конскими копытами и на третий день испустил дух. А император в ту же ночь, взяв крепость, вступил в беседу с ее защитниками, которые радостно приняли самодержца, рукоплескали ему, величали его хвалебными речами и называли быстрым орлом.

59. Устроив здесь дела как следовало, император вывел из крепости женщин и детей, принадлежавших мятежникам, и приказал конфисковать все имущества их, а сам, поднявшись из Меленика, отправился в Фессалонику и, отсюда перейдя через Вардарий и только лишь миновав Водины, остановился тут лагерем. Он заболел какой-то болезнью, которая была эпидемической в тамошних войсках. Пробыв здесь немного времени,— именно столько, сколько потребовалось для выздоровления от болезни,— он двинулся к Прилапу. И здесь, приготовившись прилично, захвативши с собой и машины и уложивши стенобитные орудия на телеги, направился к Велесу осаждать эту крепость и исторгнуть ее из рук врагов. Жители ее, будучи утрачены одним прибытием царя, не желая доводить дела до осады, вступили в переговоры с императором на том, чтобы им не сделано было ничего дурного, а с оружием и имуществами позволено было выйти из крепости. Взяв с императора клятву в этом, они вышли из укрепления. А когда император увидел, что {133} их так много (их насчитывалось до 500) и притом все народ крепкий и видный, то раскаялся, что допустил такому множеству и такого сильного народа уйти к врагам и быть в числе неприятелей римлян. Но, связанный клятвой, он пустил их на волю. Двинувшись отсюда со всем своим войском, он направил путь через Невстаполь. Место, по которому он шел, было безводно, необитаемо и едва проходимо для большого войска. Таким образом, немало дней войско терпело лишения, а лошади не пили воды целых два дня. Миновав крепость Струмидзу и пройдя по областям Меленика, войско опять вступило в Серры. Здесь император получил письмо с Востока, посланное другом его, великим domestikом Музаломом, извещавшее его, что мусульмане встревожены татарами, и потому отправился в путь и подвигался вперед безостановочно в продолжение многих дней. А когда достиг Гебра, который у простого народа называется Маритзой, и узнал, что дела на востоке не в таком положении, как его извещали, то умерил скорость пути и пошел медленнее, так что стал делать обычные царские стоянки. Свернув с пути, ведущего на восток, он по прямой дороге прибыл в Дидимотик, а оттуда в Адрианополь. И затем ничего не осталось из отнятых болгарскими укреплениями и крепостями под их властью, исключая двух: одного весьма незначительного укрепления, лежавшего на холмах Ахриды и называвшегося {134} шегося Патмом, которое потом без всякого труда было взято Алексеем Дукою — Филантропином, посланным от императора для охранения Ахриды, и другой крепости, называвшейся Цепеною, очень сильной, построенной на том месте, где сходились между собой две высочайшие горы Гэм и Родопа, между которыми протекает река Гебр. Императору чрезвычайно было неприятно, что он не овладел этими крепостями, подобно другим, и что обладание ими выше его средств; особенно тяжело ему было за Цепену. Поэтому он поспешил предпринять экспедицию против Цепены и попытаться над нею своими наличными силами. А между тем лето уж проходило и близко была осень, когда это делалось. Но, не обращая внимания на время, не испугавшись и зимнего холода, он сам, один порешил привести в исполнение свое желание: двинул все войска из Адрианополя, распорядился, чтобы собрать как можно больше колесниц со всей Македонии как для передвижения машин и стенобитных орудий, так и для перевозки провианта войску, и приказал стянуть в одно место пеших воинов, вооруженных стрелами и секирами, в таком множестве, что трудно сосчитать,— а когда все хорошо и по своему желанию устроил, то, поднявшись от Адрианополя, двинулся к Цепене. Войско прошло уже четыре стоянки, как вдруг на месте, которое по

своему положению очень удачно было на-¹звано Макроливадой теми, которые впервые оное увидели, его войско захватила жестокая стужа. Начавшись с вечера, она превратилась во вьюгу, которая бушевала целую ночь, покрыла землю толстым слоем снега и поставила в большое затруднение императора. Место было пустое, а враги близко; не меньше сокрушало дух и ожидаемое оскудение жизненных припасов, так как это составляет самое страшное зло для войска. Приведенный в такое затруднение, он собрал на совет военачальников не только из римлян, но и из латинян и скифов и спрашивал их, что теперь им делать. Почти все они присоветовали возвратиться в Адрианополь. Император не отверг их совета, но сказал им: «Вы, конечно, советовали то, что казалось вам лучше и полезнее; но если бы я сам придумал нечто другое, при помощи Божией, то примете ли вы этот совет от меня, как от государя рассудительного, заботящегося о вас как должно?» Все они единогласно отвечали, что «угодное Вашему величеству будет принято и угодно и всем прочим». Тогда император отпустил их, чтобы они отправились в свои палатки для подкрепления себя пищей от холода, а сам, войдя в свой шатер, советовался с окружающими его лицами о том, что лучше ему сделать. Некоторые из них советовали привести в исполнение совет, данный ему на общем собрании советников, а другие, ¹³⁶ которых совет и показался императору лучшим, утверждали противное. Они говорили: «Отсюда назад до Адрианополя столько же пути, сколько и до крепости Стенимаха, и как там мы найдем в изобилии все нужное, так и в Стенимахе. Но, направившись к последнему, мы докажем неприятелю, что ни страх перед ним, ни неудобства зимнего времени не принудили нас возвратиться назад». Этот совет показался прекрасным императору, и, как только стужа ослабела и снег приостановился, он приказал подать знак к выступлению. Таким образом, взяв свои полки, он отправился в Стенимах и, приказав здесь накормить войско, прямо направился к Цепене. По дороге он зашел в город Ваткунион, где снабдил войско жизненными припасами, которых стало на много дней. Отсюда он отправил дядю своего Мануила Ласкариса, бывшего монахом и называвшегося Максимом, и начальника своего аллагия ² Константина Маргариту сделать обзор местности и открыть удобнейший путь для движения войск. Отправившись и осмотрев местность, они донесли императору, что нашли удобный подступ, и особенно Константин Маргарита, хотя многие, знавшие ее, возражали против этого. Положившись на их уверения, император двинулся со всем своим войском. Между тем страна была повсюду неудобна для похода: скользкий лед, покрывавший всю дорогу, сделал то, что было очень трудно по ней идти, вдобавок по окраинам ее густо росли обнаженные от листьев деревья. Войско всю ту ночь грелось около горевших костров, и у многих прислуга не могла найти своих господ с их палатками. Ни на минуту не переставали все обливаться слезами, хотя и не горькими, потому что дым от горевших костров, удерживаемый густо переплетавшимися ветвями деревьев и не находивший свободного ¹³⁸ выхода на чистый воздух, расстилался понизу, сильно разъедал глаза и вызывал на них слезы. Это испытал и сам император. А как

---

¹ Длинная топь.

² Ἀλλάγιον употреблялось в то время в двух значениях — в значении размена монеты и в значении размена пленнх. Первое значение этого слова можно видеть у Зонары in Nicephoro Phoca, pag. 162. Во втором употребляет его Лев Грамматик in Zenone philosopho, pag. 485. Ἐκ γὰρ τὰρσοῦ εἰσῆλθεν ἐν τῇ πόλει περὶ Ἀλλάγιου ὃ τε Ἀλβάκης ὁ γερῶν ο τοῦ Σαμῶνα πατήρ, т. е. «пришел из Тарса в город (Константинополь) для размена старый Алвак и отец Самоны». Он же in Constantino Leonis filio, pag. 491: βουλήν μετὰ τῶν ἐν τῷ βουλευέται Ἀλλάγιον καὶ εἰρήνην μετὰ τῶν Ἀγάρηνων διαπραξασθαι, т. е. «император со своим синклитом постановил заключить мир с арабами и приступить к размену пленнх». Но вероятно, что Акрополит употребляет здесь слово Ἀλλάγιον вместо Ἀλλάγια, которое значит «стоянка, или квартировка войск» и перешло к грекам от франков, которые во время походов, занимая известную область и располагаясь на ней квартирами, называли эти квартиры allogiamenta или allogia (теперешнее des logemens des gens de guerre). От этих квартировок, или стоянок, по разным областям империи отряды греческого войска получали и названия, как можно видеть у Пахимера кн. 4, г. 27. Вероятно, одного из этих отдельных отрядов был начальником Константин Маргарита, сделанный после в виде повышения по службе строевым игемоном, как говорит дальше Акрополит. Хотя не будет ничего невероятного и в предположении, что этот Маргарита был употребляем в качестве чиновника при размене пленнх или по крайней мере носил титул такого чиновника, потому что тогда вовсе не было странностью поручать одному и тому же человеку и разом, и преемственно несколько должностей, иногда самых несродных между собой, а еще обыкновеннее было давать титулы должностей без самых этих должностей, которые часто принадлежали к давно минувшему времени и не имели ничего соответствовавшего себе в данном настоящем.

скоро прошла ночь и наступил день, узнав, что крепость недоступна для осады, император приказал войску отступить на открытое место. Войска отступили, а сам император охранял это отступление с небольшим отрядом охотников и новичков. После всех и он сам отступил, пеший, как и все, потому что невозможно было ехать на коне по скату холма.

60. Пробыв там два дня и опустошив Ваткуний, император возвратился назад в Адрианополь, а оттуда в Дидимотих. Здесь он сделал строевыми игемонами ¹ Мануила Ласкариса, которого наименовал и протосевастом, — человека совершенно бездарного, худо знавшего дело стратега, — и Константина Маргариту, о котором упоминалось выше, мужика и происходившего из мужиков. Он вскормлен был на ячменном хлебе пополам с {139} мякиной и умел только кричать. Родом он был из Неокастр и прежде служил рядовым в тамошнем отряде, потом сделан был чаушем ². Обратив на себя внимание императора как человек бойкий и способный служить при дворе, он получил место императорского чауша, вытеснив своего предместника, затем к его титулу было прибавлено слово «великий». Император Феодор наименовал его архонтом строя — титулом, какого до него никто не имел. А он с этим новым наименованием начал писать и слово «великий». Этих-то людей и немало других начальников император оставил здесь для охранения страны. Оставил с ними и достаточное количество {140} войска, но наказал им ни под каким видом не вступать в битву с неприятелями, если они выступят против них в союзе со скифами — об этом носилась уже раньше молва. Даже если бы неприятели начали производить опустошения в стране, и в таком случае они не должны были оставлять свою позицию, на которой их, с одной стороны, защищал Дидимотих (это была сильная крепость), а с другой — река Гебр (он приказал им стать лагерем в середине между городом и рекой); разве только показался бы в стране какой-нибудь незначительный отряд — в таком случае им позволено было смело делать наступательное движение. Устроив все таким образом, император переправился через Геллеспонт и раскинул палатку при Лампсаке. Здесь он пожаловал своих приближенных должностями и чинами: Георгия Музалона, которого любил более всех, бывшего великим domestikом, пожаловал теперь протосевастом, и протовестиарием, и великим стратопедархом ³, — брата {141} его Андроника, бывшего протовестиаритом ⁴, на-

---

¹ *Ἡγέμονας τάξας*. Это были начальники небольших военных отрядов в две-три сотни — иногда больше, иногда меньше, человек. Вообще же это чин довольно неопределенный, и трудно указать аналогически близкий к нему в современных нам военных чинах. Что титул строевого игемона имел очень широкое значение — это видно уже из того одного, что часто заменялся титулом *ταξίαρχος*, который прилагался ко всякому строевому начальнику. Vid: S. Basilium in cap. 6, prov. 6, pag. 34. ed. Cotelierianae; Acta Martyrii Ss. Tavachi, Probi et Andronici, cap. 1. Synesii ep: 62. Evseb: lib. 4 de vita Constantini cap. 51. Porphyrog. lib. 1 de Themat cap. 1. in avi Vita cap. 42 edit. Combesii; J. Eustrat. Patriarchae Constantinop: lib. 4 juris Graecorum. pag. 268 ef c.

² *Τζαουσιος γέγονεν*. Титул и должность чауша перешли к грекам от турок. У этих последних чаушем назывался придворный комиссар, который выполнял разные поручения султана и визирей: «Thzaus commissarius aulicus, hoc est, cui variae res a sultano et Vesiribus committuntur, ut eas expediat: cujusmodi sunt divevsae legationes exterorum legatorum deductiones, aut quum literas ad principes extraneos et alios preceres perferre jubentur (Leunclavius in onomastico ad hist. Musul)». У греков чауши были разных родов: военные чауши были полковыми комиссарами, заведовавшими, главным образом, провиантской частью войска; придворные чауши, которые назывались великими, как у турок, были придворными комиссарами, или чиновниками по особым поручениям: *οἱ Μεγάλοι τζαουσιοι εὐρίσκονται εὐτακτοῦντες τὴν τῆς βασιλείας σὺνταξίν, ὑπὸ τὴν Μέγαν ἠριμικηριον ὄντες* (Codin de off. cap. 2 num. 56). В числе принадлежностей их сана Кодин отмечает булаву, которую они носили на своей перевязи с левой стороны: *φέρειν ἀπὸ τῆς ἀριστεροῦς μέρας τῆς ζώνης αὐτοῦ Σειρομάστην, ὃν κοινῶς καλοῦσι Σαλίβαν* (ibid. cap. 4, num. 40). Чауши упоминаются еще in avrea bulla Reg. 1598 f. 3 и apud Theophylactum Hierodias. Homil. 6. pag. 102, 112. Что же касается до прозвания Маргарита (*Μαργαρίτης*), которое Акрополит дает чаушу Константиноу, то, по замечанию Дюканжа, нужно изменить оное в *Μαγαρίτης*, что будет указывать на сарацина по происхождению. Gloss. du Cange, pag. 1563.

³ По Кодину, великий стратопедарх заведовал провиантской частью всей армии: *ὁ Μέγας Στρατοπεδάρχηστ ἐστὶν ἐπιμελητής τῶν τῆς στρατείας ἐπιτηδείων ἤτοι τροφίμων, ποτῶν, καὶ πάντων τῶν χρειωδῶν* (Codin. de offic. Palat cap. 5 num. 20). Знаки его достоинства подробно описаны у того же Кодина в гл. 4 под 12 числом. В числе этих знаков главное место занимала красная шапка, украшенная золотом. Об этом головном украшении, кроме Кодина, упоминает еще Матфей, монах: *ὦν ἐπιτρά τὰ πῖλα διὰ χρύσον ἐμφέροντα τὸ μέρος ἄνω μόνον* — и анонимный писатель in Biblioth Mazarina.

именовал великим доместиком; а Иоанна Ангела, имевшего сан великого приммикирия, сделал протостратором и, наконец, Карионита пожаловал протовестиаритом. Так все это было; и мы упомянули об этом для того, чтобы яснее были дальнейшие события. После этого, недолго пробыв в Лампсаке, отпраздновав здесь торжественные дни Рождества Христова и Богоявления, самодержец через несколько дней отправился в Нимфей.

61. Пробыв здесь зиму, при наступлении весны он собрал большое войско¹, потому что велел вооружиться не только бывшим в военной службе, но и таким, которые никогда не находились в строю. Он поместил в строй войска и тех, которые служили при царской охоте — звериной ли за оленями и кабанам или птичьей — с соколами. Войско было собрано огромное. Власть императора заставляла многих брать на себя и сверх—должное. Таким же точно образом было набрано и все войско. А {142} когда через посольство император узнал, что и персидский государь² не имеет никакого дела с татарами, то нисколько не медля отправился с Востока на Запад, думая, что если дела персидского султана идут хорошо и им ничто не угрожает, следовательно, ему нечего опасаться за восточные пределы своего государства. Итак, собрав все войско, которого оказалось гораздо больше, чем какое имел его отец, и какое до этого времени набирал сам, пошел к Лампсаку, чтобы оттуда переправиться через Геллеспонт, в полной надежде, что, благодаря сделанным распоряжениям, он найдет целым и тот отряд, который оставил при Дидимотихе, и через присоединение его еще больше увеличит свое войско. Между тем бестолковость вождей и неповиновение царскому повелению погубили этот отряд. Как скоро царь болгарский узнал, что император ушел уже далеко, то, пригласив себе на подмогу скифское войско, выслал оное в пределы Македонии для добычи и для острастки римлян. Скифов насчитывалось до четырех тысяч, как утверждали люди, знавшие это. Впрочем, одни говорили, что их было больше, а другие — меньше. Итак, скифы, пройдя мимо Адрианополя, начали заниматься грабежом по соседству с рекой Ригиною и опустошать окрестности Диди-{143}мотиха. Между тем вышереченные начальники отряда, оставленного в Дидимотихе, пренебрегши императорским наказом, вооружились и устремились на скифов. Римляне, по обыкновению, были одеты в тяжелые доспехи, скифы же были легко вооружены³ и действовали стрелами. Итак, они начали издали бросать в римлян стрелы, ранили их лошадей и легко превратили римскую конницу в пехоту и наконец обратили в бегство. Мануил Ласкарис, имевший чрезвычайно быстрого коня, которого за это назвал златоногим, прибыл беглецом в Адрианополь; а Константин Маргарита и с ним много других стоявших во главе отря-

---

Στρατοπεδάρχης ὁ μέγας ἐπὶ τούτοις
Τῶν ὀρθαῖς ἐκ χρυσῆ τὰς καλύπτρας,
Ὅρᾳς κεφαλᾶς ἀεὶ κεκοσμημένας.

Кроме Акрополита, о достоинстве великого стратопедарха упоминают: Пахимер lib. 2, сар. 13; lib. 5, сар. 26. Никифор Григора lib. 7. Кантакузен lib. 1, сар. 18, 53; lib. 2, сар. 25; lib. 3, сар. 36, 76. Касательно же должностей чинов великого доместика, протосеваста, великого приммикирия, протовестиария и протостратора см. выше. стр. 24, 54 и 106.

⁴ В чем состояла должность протовестиарита, чем отличалась она от должности протовестиария, см. Рим. ист. Григоры кн. 6, гл. 8, стр. 188, прим. 2 по рус. пер. Со своей стороны прибавим здесь, что — по Кожину — протовестиарий занимал в списке придворных должностей шестое место, а протовестиарит — девятое. Conf. cod. сар. 2, num. 6 и 5.

¹ См. Рим. ист. Григоры кн. III, стр. 53 по русс. переводу.

² Григора говорит, что при этом случае император Феодор возобновил с турками (которых Акрополит называет то персами, то мусульманами) союз, заключенный еще его отцом, императором Иоанном. Рим. ист. кн. III, стр. 53.

³ Καὶ ἦσαν ὀπλοὶς κατάφρακτοι, οἱ δὲ σκύθοι κῆφοι ὀλίγοι. Говоря выше о сражении Балдуина со скифами, помогавшими болгарам, Акрополит уже заметил относительное неудобство вооружения латинян сравнительно с вооружением скифов, теперь отмечает то же неудобство, сопровождавшееся одинаковыми результатами и в отношении к греческому вооружению. Но еще гораздо раньше Акрополита это неудобство указал Геродиан при описании похода Максиминова против германцев (lib. 7), объясняя им поражение римского войска германцами: «μάλιστα δὲ οἱ,— говорит он,— ἀκοντίζουσι καὶ οἱ τοξόται πρὸς τὰς Γερμανῶν μάχας ἐπιτηδεῖοι δοκοῦσιν, ἐπιτρέχοντες τε αὐτοῖς κῆφος οὐ προσδοκῶσι καὶ ἀναχοροῦντες ῥαδίως». Тот же автор говорит, что и мавры, озроенцы, армяне и парфы вооружались так же легко, как и скифы, и, благодаря этому легкому вооружению, если не всегда побеждали тяжеловооруженных римлян, зато всегда больше наносили им вреда, чем терпели от них сами.

да были взяты в плен и проданы болгарам. Узнав об этом, император опечалился, но в то же время поспешил скорее в Болгарию и шел усиленными маршами. А когда соглядатаи сказали ему, что скифское войско находится близко, то он двинул в ту сто-{144}рону, где, по указаниям, оно находилось, и все свое войско. В один день он сделал переход больше, чем в сорок стадий, однако же не удалось ему захватить их, потому что и они тоже узнали о быстром наступательном движении императора и бросились в бегство со всех ног. Впрочем, многие, и даже знаменитые между ними, сделались жертвой меча около Визии. Обманувшись в своих расчетах, император раскинул палатку около реки Ригины и стянул туда все свое огромное войско.

62. Между тем царь болгарский, не имея возможности предпринять что-нибудь против римлян ¹, — когда император с такими силами был уже на западе и приближался к пределам его страны, — прибегнул к переговорам и хотел заключить мир при посредстве тестя своего, Роза-Ура, который был зятем короля венгерского. И прежде всего он отправил к императору послов, которые предварительно устроили бы, чтобы он мог прибыть к нему без всяких опасений и быть принят с честью со стороны императора. Так {145} и было, и Ур отправился к императору. Самодержец принял ласково и с подобающими почестями как его самого, так и бывших с ним. Мир был заключен и законно скреплен клятвой со стороны Ура, который произнес ее и за себя самого, и за зятя своего, царя болгарского, на том, чтобы возратить императору крепость Цепену (это была единственная крепость из бывших под державой императора Иоанна, которую удерживали еще за собой болгары), а императору быть в мире с болгарам; наконец, той и другой стране довольствоваться прежними пределами. Когда таким образом все это совершенно было по мысли державного, Ур, распроставшись с императором, отправился, осыпанный царскими щедротами (насчитывалось до двадцати тысяч всех увезенных им с собой вещей, лошадей, тканей и прочего), а император остался близ Ригины ожидать сдачи Цепены.

63. В это время случилось одно удивительное обстоятельство, достойное памяти и истории. Был один из преславных и торжественных дней, именно тот, в который мы, верующие, празднуем Преображение Господне. Так как при священном тайноводстве, по обыкновению, должен был присутствовать император, то обед был довольно поздно. Пообедали и мы и, отдохнув несколько, встали. Солнце на горизонте склонялось уже к западу. А у императора было обыкновение каждый вечер при заходе солнца выезжать и объ- {146}езжать весь лагерь, а потом близ одного конца его восходить на одно ровное и несколько возвышенное место и оттуда обозревать все свое войско, которое он называл подвижным городом ², охраняющим все другие римские города. Так он делал постоянно, и, хотя бы на западной половине горизонта появилась уже вечерняя звезда, он не опускал это сделать. Расстояние от ставки императора до лагеря простиралось до сорока стадий, не больше. Не в добрый час я сунулся со своей любовью к императору и попал в беду: узнав, что император уже на коне, я как можно скорее сел на мула и рысью поехал за ним, не обращая внимания на то, что было уже слишком поздно. Сев на лошадь, император поехал очень скоро, а когда заметил, что я отстаю от него, то, подозревая, что я совсем не поеду за ним, сказал: «Не отстань совсем — поезжай скорее!» Приехали на обыкновенное место; вельможи стали вокруг императора, я присоединился к ним, и все мы стали в кружок. Император и говорит: «Знаете ли вы, какое получили мы недавно известие?» — «Нет, государь! — сказали мы. — Не знаем». Император: «Один человек, недавно прибывший, принес неприятную весть, будто бы Роз-Ур нас об- {147}манул, его посредничество для заключения мира — чистая ложь: он дал ложную клятву и приехал сюда для своих выгод.

¹ Григора: «Правитель болгар, услышав о грозном движении царя, начал сильно тревожиться опасениями и перебегать от одной думы к другой. Порешить дело войной ему было неудобно и вовсе невозможно — частью потому, что не было достаточного войска, которое могло бы противостать такому множеству неприятелей, снабженных тяжелым и блестящим вооружением, частью же потому, что царь их был человек молодой, одушевленный жаждой славы и энергически стремившийся к осуществлению своих планов. Поэтому он счел необходимым возобновить прежние условия». Рим. ист. кн. III, стр. 54 по русс. перев.

² Πόλις κινουμένην. Это сравнение военного стана с подвижным городом еще прежде Феодора пришло в голову Анны Комниной. В своей Алексиаде кн. 13 и 15 она говорит: «καὶ ἦν φοβῆ ἔρὸν θέαμα ἐκεῖνο τὸ σύνταγμα καθάπερ τι πόλεως τεῖχος ἀλλήλοις συνηρμοσμένοι... καὶ εἶπερ ἅν ἰδίον πόλιν τινὰ ἐμψυχὸν πενυρωμένην ἐκείνην κινουμένην σύνταξιν».

Все, что он сделал,— один обман; и между тем он имеет благовидный предлог, как говорят, к нарушению клятвы,— именно, что зять его, болгарский царь, не принимает мира на таких условиях. Как вам кажется? Правда это или вздорная выдумка лжеца?» Мы отвечали: «Нам кажется, что во всем этом нет нисколько правды. Это сказал какой-нибудь лжец и не заслуживающий доверия человек, потому что Роз-Ур не за себя только одного, но и за зятя своего, царя болгарского, дал клятву. Статочное ли дело, чтобы христианин дошел до такого вероломства?» Император: «Страсть к деньгам довела его до того, что он решился на такое бесчестное дело. И мы не только не приобрели себе любви болгар, но и попусту только потратили столько денег». — «Нет, государь,— сказали мы,— не может быть, чтобы это была правда». Тогда император, обратившись лично ко мне, сказал: «А ты что скажешь на это?» — «На этот счет я разделяю общее мнение,— отвечал я,— и думаю, что в сказанном гораздо больше лжи, чем правды. Если же, как иногда делают некоторые, Ур решился дать клятву, наперед задумав обмануть нас, то будет иметь своим противником Бога, которого мы за нашу правдивость и истину будем иметь своим защитником». Так говорили мы, и император на наши слова согласился. За {148} тем все мы двинулись с места, чтобы возвратиться к палаткам, потому что была уже ночь. Но полная луна освещала нам дорогу. Император на дороге опять спросил нас: «Как вы думаете о сказанном?» — «Это ложь, государь»,— отвечали мы. И он не раз, не два и не три, а много раз спрашивал нас об этом. А мы на все его вопросы дадим один и тот же ответ — и замолчим. Наконец он еще раз спросил. А когда увидел, что все молчали, то, обратившись ко мне, спросил: «А ты что скажешь об этом?» И на этот раз назвал меня не только по имени, но и по должности. «Это дело к тебе больше, чем к кому-нибудь, имеет отношение и есть по преимуществу твое дело». Это он сказал, желая найти предлог к гневу. Тогда я сказал: «Почему же мое? Если бы я нехорошо составил договорную грамоту или сделал какое-нибудь опущение при совершении клятвы, если бы неприлично принял Ура и бывших с ним, то действительно была бы моя ошибка и моя вина. Если же все это сделано было прилично и как следует, то какое же отношение имеет ко мне перевернутое им по-своему?» Не знаю, с какой целью опять император (потому что я разъяснил ему дело) спросил меня: «Что же ты скажешь об этом?» — «Государь! Я уж несколько раз сказал, что, по моему мнению, в этом больше лжи, чем правды. Впрочем, в делах темных точное раскрытие истины, по моему мнению, дело нелегкое». Он мне на это: {149} «В том-то и заслуга, чтобы в темных-то делах наверное открыть истину, потому что об ясных — то и ослы толкуют». На это я заметил: «Вот, наконец, и мы попали в ослы». — «Ты всегда был глупцом,— сказал, совершенно уже рассердившись, император,— и теперь остаешься им же». На эти слова я заметил только: «Так как я глупец, то и буду молчать; пусть говорят умники». Так сказал я, и император, выйдя из себя, хотел обнажить меч и уже взялся за рукоятку, но удержался и опять опустил в ножны несколько уже обнаженный меч. Между тем великому domestiку своему, Андронику Музалону, велел стянуть меня с лошади. Этот тихонько сказал мне: «Сбрось с себя верхнее платье». Я соскочил с мула. И добрейший мой император, о котором я так много заботился при отце его и который часто вслух при большом собрании говорил обо мне: «Этот человек много сделал для меня хорошего,— разумея уроки логики, которые я ему давал,— и вообще я много ему обязан»,— этот император велел бить меня двум жезлоносцам, которые были выбраны вчера или третьего дня. Число же всех их доходило до двадцати четырех. Для чего они были выбраны, не знаю. Быть может, и для меня, чтобы драматическую сцену обратить в трагедию. Они меня били, а я молча переносил удары. Императора еще более бесило то, что я не прибежал к мольбам даже и тогда, когда били меня. Когда же я много принял ударов {150} по всему телу, то едва слышным и слабым голосом проговорил: «Христе Царю! Сколько раз я подвергался болезням, и почему ни одна из них не лишила меня жизни, а хранил Ты меня на такое время». Так сказал я. Император, как бы пристыженный моими словами, велел освободить меня, сказав одному из следовавших за ним: «Возьми его с собой!» Усадив меня на лошадь, он спросил: «Куда мы поедем?» — «Куда хочешь,— сказал я,— мне все равно». Но он продолжал настойчиво спрашивать меня. Тогда я отвечал ему, что нам лучше ехать к вардариотам, потому что туда тебе, кажется, ехать по дороге. Так мы и сделали и направились к палаткам вардариотов. Увидев меня, приммикий с удивлением спрашивал, зачем прибыл я в его палатку? «Чтобы несколько отдохнуть»,— отвечал я. Недолго пробыл я там, а между тем и приммикий узнал обо всем, что случилось со мной. Немного погодя император велел отвести меня в мою палатку и из опасения, чтобы я, под влиянием

тоски, не вздумал бежать, приказал окружить мою палатку небольшим отрядом и тайно караулить меня. Между тем я, добравшись до своей палатки, спокойно проводил в ней время: не ходил и ко двору, не искал беседы со знакомыми и друзьями, а проводил время в чтении книг и в урочные часы принимал пищу. Так я жил довольно долго, и император очень досадовал, видя непреклонность моих мыслей. {151} Прошел весь август, а я нисколько не переменялся в своих мыслях. Многие из архиереев приходили ко мне, как я узнал после, по приказанию императора, хотя они и хотели скрыть это от меня, уверяя, что пришли ко мне по дружбе и по доброму расположению ко мне. Сильно они уговаривали меня переломить свое упрямство, идти к императору и снова принять иго обычной службы, но ничего не могли добиться от меня. «Если бы император,— говорил я,— оказал мне столько милостей, сколько ни один из его предшественников не оказывал ни одному из своих подданных, или если бы он заставил меня испытать все, что только может быть самого худого и мучительного, чему никогда никто не подвергал ни одного из величайших преступников, то и тогда ни тем, ни другим не заставил бы меня служить себе». Таковы были мои мысли, и так непреклонно было мое намерение. А когда наступил уже и сентябрь ¹, супруга деспота Михаила Феодора прибыла к императору с сыном своим Никифором для заключения брачного союза, на который за несколько лет раньше согласился отец царствующего императора, царь Иоанн,— то император поспешил в Фессалонику, где он хотел совершить этот брак. Снявшись с места, на котором в то время находился, он отправился по дороге, прямо ведущей к Фессалонике, на дороге же он во- {152} дил и в договоры с супругой деспота. Феодора поневоле должна была соглашаться на все требования императора, потому что, находясь в его руках и рискуя попасть в темницу, она не могла поступить иначе. Таким образом, она согласилась уступить ему одно укрепленное место, называвшееся Сервией, и с ним вместе Диррахий. На этом были сделаны и клятвенные записи и отправлены к деспоту Михаилу. Он, по выражению поэта, «добровольно, поневоле» согласился на то, что уже было подтверждено клятвой, потому что хотел освободить и иметь у себя сына и супругу. Между тем в это время император успел смягчить и мое упрямство. Прислав ко мне дядю своего Мануила Ласкариса и протовестиария Георгия Музалона, через них пленил меня успокоительными и ласковыми речами. Взяв с собой, посланные отвели меня к императору. Придя к императору и, по обыкновению, поклонившись, я стал от него подальше. Император сказал мне: «Разве ты забыл обычное место, где тебе стоять? Ведь знаешь свое место,— и займи его». Повинуясь повелению императора, я покинул занятое перед тем место и по-прежнему стал обок императора. Тогда император сообщил мне о своих делах с деспотом Михаилом, рассказав обо всем, как, что происходило с самого начала. Все это случилось в Лангаде (место это лежит близ Фессалоники).

64. Прибыв в Фессалонику, император {153} совершил здесь брак своей дочери Марии с сыном деспота Михаила Никифором, которого пожаловал деспотом. В это время императору было прислано письмо от начальников отряда, находившегося в пределах Вифинии и охранявшего эту страну, извещавшее его, что Михаил Комнин Палеолог, которого, как мы выше сказали, император Иоанн пожаловал великим коноставлом ² и которому вверил управление всей этой страной (Вифинией), бежал к мусульманам ³. Император немало был встревожен этим обстоятельством и, призвав меня, сказал: «Знаешь ли, что случилось?» — «Нет, государь, не знаю,— сказал я.— Что же за новость случилась?» Он мне на это: «Великий коноставл бежал и теперь находится у мусульман. Что ты думаешь об этом? Не возьмет ли он у мусульман войска и не сделает ли нападения на наши области?» — «Мне кажется, государь, он никак не сделает этого,— отвечал я.— Я знаю его мысли и убежден, что он душевно расположен к римлянам». На это император: «Так почему же он бежал от нас?» — «Потому,— отвечал я,— что ты, государь, как сам знаешь, не однажды и не дважды, а тысячу раз угрожал ему разными напастями и жестоко сердился на него, при многочисленных собраниях {154} говорил, что отста-

---

¹ См. Рим. ист. Григоры, кн. III, стр. 54, по русс. перев.

² В чем состояла должность коноставла, объяснено в примеч. к Рим. ист. Григ. См. кн. III. Гл. II, примеч. 1.

³ См. Рим. ист. Григ. кн. III, гл. 2.

вишь его и выколешь ему глаза. Он узнал об этом ¹, от многих слыша то, что ты говорил о нем; естественно, он встревожился, испугался наказания и поспешил избежать казни» ². — «Почему же,— сказал император,— он не остался у нас, хотя бы и пришлось ему потерпеть эти несчастья? Почему счастье на чужой стороне предпочел он несчастью между своими земляками?» — «Государь! Это психически невозможно. Терпеть напасти и подвергать себя бедствиям способны немногие — люди с {155} характером самым твердым и, так сказать, нечувствительным к жизненным испытаниям; в таком положении, где приходится бояться за самую жизнь и ожидать лишения благороднейших частей тела, едва ли кто согласится оставаться и, спасая свою жизнь, едва ли не употребит всех усилий к тому, чтобы избежать напастей». После этих слов мы замолчали. Но, помолчав немного, император сказал: «Что же, по твоему мнению, он намерен сделать?» — «Думаю,— сказал я,— что, пробыв несколько времени у персидского султана, он пришлет ходатаев испросить у вашего величества прощения, в чем, вероятно, примет участие и персидский султан. Но для верности он попросит вас дать клятву, без которой, по моему мнению, не возвратится к вам». Находясь в двусмысленной неизвестности (насчет действий Палеолога), император тревожился. Как вдруг через несколько дней начальники войска, находившегося в Вифинии и Месофинии, прислали императору несколько писем,— письма эти были от великого коноставла (к каждому из них письмо) и содержали в себе следующее: «Напуганный императором и боясь, чтобы не потерпеть какой-нибудь напасти, я бежал, а вы благоразумно и мужественно проходите вверенные вам воинские должности. Желаю, чтобы были целы и невредимы гарнизоны городков и крепостей и чтобы надзор за всей страной и охранение ее производились вами как следует. Как де-{156}лали вы со мной вместе, так и теперь делайте». Подпись на письмах была великого коноставла. Увидев эти письма, император очень обрадовался и поверил моим словам.

65. Доведа наш рассказ до этого события, мы должны продолжить его дальше, потому что приключения с Михаилом Комниным во время его бегства заслуживают подробного рассказа. Когда он прибыл к жилищам туркоманов (этот народ жил в областях, смежных с Персией, питал непримиримую вражду к римлянам, делал на них нападения и собирал военную добычу, особенно когда и дела персов стали очень плохи и расстроились вследствие нашествия татар), то эти последние встретили его, как клад какой-нибудь: их жадные глаза разбежались, смотря на его богатство, и они бросились грабить все, что у него видели: золото, серебро, лошадей, ткани, до самого платья, в которое были одеты его спутники. Разделив между собой всех его спутников, каждый из них обратил доставшегося ему в своего домашнего раба. А Михаил Комнин, едва избежав их рук и хранимый божественным провидением, прибыл к персидскому султану ни с чем. Этот последний принял его не как безвестного беглеца,— напротив, обошелся с ним очень ласково ³. Он знал о его знат-{157}ном происхождении, и все вельможи

---

¹ По сказанию Пахимера, весть об угрожающей Михаилу опасности принес один придворный его приятель по имени Котис и до того напугал его ею, что он решился бежать, нимало не медля. «Если ты,— сказал он Палеологу,— не воспользуешься бегством, то через несколько дней испытаешь великую беду. Да и мне по той же причине небезопасно здесь оставаться, но обоим нам надобно бежать в Персию, если тебе жаль своих глаз». Так говорил он и словом дружбы совершенно убедил Палеолога, который, преследуемый подозрением в домогательстве царствования, и без того всегда боялся за самого себя». Истор. Михаила и Андроника Палеологов кн. I, гл. 9, стр. 16—17, по русс. пер.

² Григора ничего не говорит о личных угрозах со стороны императора Феодора Михаилу Комнину, а объясняет бегство его к султану страхом, который внушали ему разные толки и сплетни на его счет при дворе и в народе. «Повод к побегу указывали такой. Палеолог, говорили, видя, что всюду распространяется против него зависть, и слыша, что тайком ведут о нем речи, полные недоброжелательства, и замышляют настроить царя, чтобы подвергнуть его таким истязаниям, на которые можно обречь разve врага и иноплеменика, не мог оставаться спокойным и, осматривая свое положение со всех сторон, не мог отделаться от тревожных мыслей, которые его сковывали, мучили и терзали, как пленника. Он боялся беспощадной строгости и быстроты царя в определении наказаний и не ждал себе от него никакого снисхождения и никакой пощады. Он полагал, что невозможно ему в короткий срок оправдаться при тех больших и донельзя важных обвинениях, которые недоброжелатели сплели на него и которыми прожужжали уши царя. В отчаянии он и счел лучшим искать спасения в бегстве». Рим. ист. кн. 10, гл. 2.

³ Совершенно согласно с Акрополитом рассказывают о ласковом приеме, сделанном Михаилу Палеологу турецким султаном, Григора в своей Рим. Ист. к. III, гл. 2 и Пахимер в своей истории Михаила и Андроника Палеологов кн. 1, гл. 10.

персидского царя дивились его осанке и уму и, как сказал кто-то из древних, признали его достойным верховной власти. Немного поговорив с ним, они сейчас же поняли, что это человек основательный, и сообразили, что ему должно быть знакомо военное искусство, что он вполне понимает военное дело и не новичок в битвах. Вследствие этого насчет отнятых у него вещей и слуг султан послал грамоты, хотя и бесполезно, чтобы собрано было все и возвращено ему. А когда дела персов стали, как говорят, на острие бритвы,— потому что татары, опустошив большую часть мусульманских владений, расположились лагерем при Акзаре и персы были поставлены в необходимость вступить в сражение с татарами,— то Михаила Комнина назначили предводителем христианских войск¹. Между тем, так как он находился на чужбине, то его возмущала мысль сражаться заодно с мусульманами: он боялся, как сам говорил, чтобы благочестивая кровь не смешалась с кровью неверных и нечестивых; впрочем, подкрепленный божественной благодатью и благородной решимостью, отправился на сражение. Отряд войска, находившегося под его начальством, одержал решительную победу над {158} противниками своими — татарами, когда Михаил прежде всего бросил копье прямо в грудь предводителя татарского войска, который, как говорили знавшие это дело, вскоре и умер. Сломленным победоносным отрядом Комнина, татары бросились в бегство. Между тем один из знатных персов², по должности амир-ахур³ (это важная должность у персов), давно уже замысливший измену своим соотечественникам, теперь привел ее в исполнение и со всем своим отрядом передался на сторону татар. Тогда дело приняло совсем другой оборот: те, которые незадолго преследовали других, сами обратились в бегство и были поражаемы в тыл противниками. Немало пало тут персов, пораженных стрелами татар. Победители преследовали побежденных очень далеко. Во время бегства Михаил Комнин встретился с великим стратопедархом персидских войск, которого персы по-своему называли «пекларпак»⁴, и {159} вместе продолжали отступать, преследуемые неприятелями и ежеминутно сражаясь с ними. А так как близ Кастамоны находился дом этого пекларпака, то они поспешили добраться до него. Между тем татары прошли с оружием всю страну мусульманскую. Но здесь мы на несколько времени прервем свой рассказ об этих событиях и обратимся к тем, о которых говорили раньше, чтобы наша история шла в связном порядке.

66. Когда император Феодор узнал о происшествиях у мусульман, то, заботясь не столько об их делах, сколько о своих собственных (потому что немалая опасность угрожала и областям римским), поспешил возвратиться на Восток. Взяв с собой все римское войско, он двинулся по дороге, ведущей к Востоку. В Фессалонике же и в западных областях для защиты их оставил своего дядю по деду, Михаила Ласкариса, дав ему маленький и невзрачный отряд пафлагонцев, который вместе с находившимися в нем скифами заключал в себе до трехсот человек; а над отрядами, находившимися в Прилапе и его окрестностях, поставил начальником Скутерия, по прозванию Ксилей, действительно по шерсти эту кличку носившего⁵; в Велесе и лежащих около него ме-{160}стах оставил Феодора Калампака, которого величали татаном двора⁶. А Константина Хаварона сделал начальником Албана. Меня, сделав претором⁷, по-

¹ См. Рим. Ист. Григ. кн. III, гл. 2 и историю Михаила и Андроника Палеологов кн. 1, гл. 10.

² Григора говорит, что это был какой-то родственник султана. Рим. Ист. кн. III, гл. 2.

³ Ἀμυραχῦρης — слово арабское, сложенное из двух слов: Emir — «князь» и Ahur Achog или Achur — «двор» и означающее praefectum stabuli или, по-нашему, начальника штаба. Ducang.

⁴ Πεκλαρπάκις — турецкое беглерберг ἄρχων ἀρχόντων, dominus dominoꝝ, господин господ. В рукописной Константинопольской хронике, цитируемой у Мёрсия, это слово пишется: Μπεγλερμειῖς также и у Леунклавия: ἐν γὰρ τῷ πολέμῳ τοῦτῷ ἀλεκτάνη καὶ ὁ Χὰς Μῦράτης ὁ Πρωτοστράτωρ τῆς Ανατολῆς ὁ παρ αὐτοῦς λεγόμενος Μπεγλερμειῖς. Vid. Pandect. Turc. num. 14. 254. В чем состояла должность великого стратопедарха у греков, которой соответствовала у турок должность беглерберга. См. выше стр. 141.

⁵ В фамилии Ευλέας, которую носил этот Скутерий, слышится греческое слово ξύλον — «дерево, чурбан». Вероятно, Акрополит имеет в виду этим саркастическим намеком на грам. корень фамилии Скутерия обозначить крайнюю тупость его и неспособность к должности начальника отдельного отряда, что впоследствии и оправдалось на самом деле.

⁶ Ὁ τατᾶς τῆς αὐλῆς. Кодин упоминает об этом титуле, но замечает, что в его время при константинопольском дворе не было соединяемо с ним никакой должности. Vid. apud Codin. de offic. Aulae Constantinopolit. cap. 5, num. 57. Так как слово τατᾶς означает воспитателя, то Поссин высказал догадку,

ставил над всеми ними. Это сделал он, как я думаю, для того, чтобы через долгую разлуку с собой заставить меня забыть то, что произошло между нами; потому что после известного наказания жезлами он уже не замечал во мне той свободы в обращении и непринужденности в речах, с какими я привык относиться к нему. Таким образом, чтобы дать рассеяться моей угрюмости во время этой разлуки, он это и сделал. Может быть, и он тяготился моим присутствием, потому что я часто противоречил ему, {161} когда видел, что он намерен сделать что-нибудь не по справедливости.

67. Итак, император отправился на Восток, а я остался на Западе. Оставив Фессалонику, я отправился в Веррью, потому что там были папские легаты, которых я по царскому повелению должен был отпустить. Пробывши там несколько времени за отправкой легатов и некоторыми другими делами, оттуда направил путь к Албану и отсюда с знатнейшими лицами города прибыл в Диррахий. Пробыв там дней восемь и заготовив все нужное для дороги, я отправился далее, устроив предварительно, как мне казалось лучше, дела в Диррахий. Таким образом, отправившись {162} из Диррахия и пройдя окрестности Хунавии и перейдя гору, которую называют Худой Скалой, отправился в Матис, а оттуда в Дербу. На дороге я сносился со всеми начальниками крепостей, местных отрядов и со всеми управителями дел общественных и, наконец, через Кицавий прибыл в Прилап. И это путешествие из Фессалоники до самого Прилапа я совершил в три зимних месяца, потому что был декабрь, когда я отправился из Веррэй, а в конце февраля был уже в Прилапе.

68. По прибытии моем сюда до моих ушей дошла страшная весть, именно, что Константин Хаварон, которому император поручил игемонию в Албане, попал в плен к деспоту Михаилу, при помощи интриги, устроенной сестрой жены Михайловой, Марией, которая была замужем за Сфранцином (᾽Ζφράνζην) и в это время вдовела. Она коварно завлекла Хаварона, отуманила его голову любовными письмами (с этой стороны он был слаб, хотя в других отношениях был отличный воин) — и он попался в ее сети. Очевидно было, что Михаил затеял открытую измену. Я в это время находился в Прилапе и узнал об этом бесчестном поступке. А потому, прежде всего, озаботился отправить письмо к Михаилу Ласкарису, уведомляя его о

что чиновник придворный, носивший этот титул, был первоначально воспитателем царских детей до их совершеннолетия.

⁷ Πραιτωρ от лат. Praetor. Glossae Basilic: Πραιτωρ Στρατηγός. Прокопий lib 1 Vandal c. 10. ὅτε τῆς αὐλῆς Ἐπαρχὸς ὄν διη Πραιτωρα καλοῦσι Ρωμαῖοι. В 24 новелле Юстиниана, вначале. Πραιτωρας ἐκάλουν ἐκ τοῦ τῶν ἄλλων ἀπάντων προίεναι καὶ παρατάττεσθαι, ταύτην αὐτοῖς δόντες προσηγορίαν, ἐπιτρέψαντες τε αὐτῆς καὶ τὰ πολεμικὰ διοικεῖν, καὶ τοὺς νόμους γράφειν, ὅθεν καὶ τὰ δικαστικά, καὶ καταγώγια, Πραιτωρῖα καλεῖν ἔταξαν, καὶ πολλοὺς νόμους ἔκ τῆς τῶν Πραιτωρων ἐνεχθῆναι φωνῆς. В новелле 30 гл. 1. Εἰ γὰρ ὁ Πραιτωρ ὁ Ρωμαίων στρατηγός τε ὄμῃ καὶ νομοθέτης... В рукописном сборнике писем ex Cod: Reg: письмо 57 надписано: Πραιτωρι Φρακησίῳ τῷ Ξηρῷ. А в письме 54 этот Ксир называется критῆς τῶν Φρακησίῳ. Письмо 107 надписано: τῷ Πραιτωρι Πελοποννήσῃ καὶ Ἑλλάδος Νικηφορίτζῃ, который в других письмах называется критῆς. Писем с надписями «τῷ критῆ» очень много в этом сборнике, например τῷ критῆ τοῦ Ὀψυκίου, Ἀρμενίας, Μακεδονίας, τῶν Ανατολικῶν τῶν Φρακησίῳ, Παφλαγονίας κ. τ. λ. Из всех этих писем видно, что претор был лицом очень важным, совмещавшим в своих руках и военную, и гражданскую судебную власть. Но это совмещение в руках одного чиновника двух судебных властей, вероятно, найдено было неудобным, и вот явились преторы военные (πραιτωρες) и преторы гражданские (называвшиеся, в отличие от военных, праίτωρες τοῦ δήμῃ). По Кодицу, эта последняя занимала тридцать восьмое место в ряду придворных должностей (сар. 5, num. 59). Об этой должности упоминает и Кантакузин lib. 4. сар. 9. Πραιτωρ δήμου заведовал только гражданским судопроизводством. Хотя Дюканж думает, что император Феодор облек Акрополита правами гражданского претора на том основании, что в это время одна только эта должность из всех преторских должностей и уцелела, но прямое показание Акрополита, что ему поручен был верховный надзор за всеми делами государственными и за всеми чиновниками, не исключая и правителей областей и начальников отдельных воинских отрядов, заставляет предполагать, что эта должность, по крайней мере в его лице, имела более широкое значение. Об этом назначении Акрополита претором и начальником всех других начальников упоминает и Ефремий в своей хронике.

Ἐπὶ τοῖς γε Γεώργιον Ακροπολίτην,
Ἄρχοντα παντῶν καὶ Πρόεδρον, δεῖκνυει,
Πρόσθεν τιμήσας καὶ Πραιτωρος ἄξια.

случившемся, и в то же время написал, чтобы он прибыл в Пелагонию, куда и сам я собирался отправиться, чтобы вместе условиться на- {163} счет мер, какие принять при данных обстоятельствах. Итак, оба мы сошлись в Пелагонии, а вместе с нами и Ксилей Скутерий, потому что мы считали его за человека опытного в военном деле и преданного римлянам. И император Феодор имел о нем высокое мнение как о человеке опытным в стратегии и питавшем неизменную преданность к нему и ко всему римскому. Итак, когда мы сошлись все вместе, то на общем совете положили, чтобы Михаил Ласкарис, взяв какое только было у него войско и римское, и скифское, выступил из областей, лежащих около Веррэй, отправился в Пелагонию и там расположился лагерем. Равным образом положили, чтобы и Ксилей Скутерий взял весь свой военный отряд (он был больше числом отряда Ласкарисова), соединился с Михаилом Ласкарисом и вместе с ним тоже расположился лагерем около Пелагонии. Место это представляло выгодную позицию для действий против деспота Михаила и сервийцев, так как мы узнали, что и они были с ним в союзе. Оставив их (Ласкариса и Скутерия) выполнять общие наши предположения, сам я с приличным конвоем отправился в Ахриду, чтобы устроить дела албанцев. Но предварительно я порешил послать в Албан кравчего Исаака Нестонга, снабдив его инструкцией, заключающей в себе начертание его прав и образа действий. Мне дозволено было так распоряжаться. Я {164} мог по своему желанию менять распоряжавшихся и заведующих общественными делами, лиц, стоявших во главе отрядов, и областных правителей. Затем я порешил отправиться в Албан, как для устройства той страны, так и для того, чтобы узнать, что сделал кравчий. Но, отправившись туда, я принужден был скорее вывести оттуда кравчего, потому что все албанцы раньше уж сговорились и затеяли возмущение — все они соединились с деспотом Михаилом. Видя вокруг себя возмущение, я из Девр (где пробыл дольше, чем сколько нужно было, потому что со всех сторон был окружен неприятелями) с небольшим числом оборонявших меня военных людей достиг Ахриды. Поручив охранение этого укрепленного города кравчему, я чрез Пресну и так называемый Сидирокастр прибыл в Прилап и думал, что достиг небурной пристани. Между тем со мной и со всеми бывшими здесь нашими случилось совершенно противное. Овладев вокруг лежащими областями и укрепленными городами, бунтовщик Михаил оставил нам один только Прилап, но и тот старался, сколько было для него возможно, подчинить своей власти, потому что тогда ему легко было бы повелевать и окрестностями этого города. И действительно, спустя немного после нашего прибытия со всем своим войском подошел к городу и изменник Михаил и покушался овладеть им посредством правильной осады. Но город {165} был крепок, и взять его было трудно. Михаил много рассчитывал на измену жителей. Но был отбит и, собрав свое войско, отступил и бродил по окрестным местам; а мы, заключившись в Прилапе, сидели в этой крепости как в темнице. Вот какого рода обстоятельства случились с нами; а теперь мы расскажем о происшествиях на Востоке.

69. Переправившись через Геллеспонт, император с возможной поспешностью достиг областей Лидии и расположился лагерем около Сард. Когда войско персидского султана было рассеяно, он, имея сердце робкого оленя ¹, как сказал бы поэт, оставил свою страну и явился беглецом к императору. Этот принял его дружески и, одарив как его, так и бывших с ним подарками, отпустил в свою страну и дал им небольшой отряд до 400 человек. Начальником над этим отрядом сделал бывшего тогда приммикирием царского двора Исаака Дуку, которого звали еще Муртзуфлом, — так прозвали его породу люди, привыкшие в шутку давать прозвища. Персидский султан, желая отблагодарить императора, подарил ему город Лаодикию, в который и введен был римский гарнизон. Но обладание этим городом было непродолжительное: он опять перешел к мусульманам; рим- {166} льянам не было никакой возможности удержать его в своей власти. Не имея сил бороться с татарами, султан, посоветовавшись со своими вельможами, вступил с ними в переговоры и соглашение. Мусульмане подчинились татарам и сделали их данниками. А Михаил Комнин Палеолог ², о котором часто мы упоминали, взяв с им-

---

¹ Акрополит припоминает здесь известный стих «Илиады», в котором Ахиллес называет Агамемнона пьяницей с глазами пса и с сердцем оленя. Οἰνοβαρὲς κωνὸς ὀφθαλμῶν ἔχων, κραιδίην δὲ λάφοιο. Илиада песнь 1, стр. 225.

² По словам Григоры, Михаил Комнин был вызван на родину успокоительным письмом императора Феодора, который клятвенно уверял его, что ему не будет сделано ничего дурного. Этому письму, по уверению Пахимера, предшествовало ходатайство в пользу Палеолога перед царем со стороны иконий-

ператора клятву насчет своей безопасности, возвратился к нему, восстановлен был в своих правах и получил все свое имение.

70. Прошло несколько дней, и император очень подробно узнал о смутах на Западе и о том, что большая часть областей занята бунтовщиком Михаилом и что нужно для восстановления спокойствия послать с войском {167} стратега, и он избрал Михаила Комнина¹, дав ему македонский отряд, незначительный по числу и незавидный по качеству. Михаил (так как противиться императорскому повелению было невозможно), взяв этот мизерный и вовсе не воинственный отряд, достиг Фессалоники и, отсюда перейдя Вардарий, который древние называли Наксием², соединился с Михаилом Ласкарисом, и после общего совещания оба вместе двинулись к Веррэе не с тем, чтобы завоевать ее (потому что сделать этого они не могли), а чтобы поживиться около нее добычей. И действительно, они много награбили, угнали, например, так много скота, что нелегко было пересчитать. Но в то самое время {168}мя, когда они занимались грабежом, начальник сервов, человек вероломный и незнакомый с чувством благодарности к людям, сделавшим ему добро, но из малой корысти готовый отвергнуть дружбу и растоптать ногами бокал³, узнав о бунте изменника Михаила, собрал до тысячи человек войска и послал его против римских областей. Миновав Коцавию, его воины начали грабить места в окрестностях Прилапа. Скутерий Ксилей, находившийся в то время со своим отрядом близ этой крепости, как скоро узнал, что войско сервов грабит и жжет страну, то, как человек, не знающий военного искусства и совершенно не имеющий воинской опытности (он не держал даже и согладатаев, чтобы издалека знать о движении неприятелей, и не умел правильно расположить войска), позволял всякому, кто как хочет, делать нападения на сервов. Таким образом, отделяясь от строя небольшими кучками, его воины попадали в руки сервов, далеко превосходивших их численностью. И одни из них сделались жертвами меча, другие схвачены и уведены в узах. Наконец, и сам Ксилей Скутерий, с оставшимся у него войском напавший на сервов, едва спасся бегством, уходя от преследовавшего его неприятеля по горам, холмам и утесистым {169} местам. Таким образом, отряд, находившийся близ Прилапа, рассеялся, а мы опять заключились в Прилапе и были как будто взаперти.

ского епископа, которого Михаил Палеолог просил быть посредником между собой и императором и который действительно взялся за это дело и письменно ходатайствовал перед Феодором за Михаила. Вследствие этого-то ходатайственного письма император, по словам Пахимера, собственноручным ответом обезопасил беглеца, что от царского гнева он не потерпит ничего неприятного, если возвратится на родину. «И действительно, смирившийся был принят великодушно: для возвратившегося отверсты были объятия, сознавшемуся, что его вина непростительна, выражено сочувствие и возвращены прежние почести. Но ограждая безопасность Михаила своей клятвой, император хотел обезопасить самого себя и свое потомство от предполагаемых узурпаторских видов Палеолога и в свою очередь взял с него страшную клятву, что он не будет иметь никаких видов на императорский престол никогда». Так, по крайней мере, рассказывает Григора. «Таким образом, римская земля опять увидела Палеолога, не прежде, впрочем, чем он сам засвидетельствовал страшнейшими клятвами, что останется неизменно верен царю, что никогда не выйдет из границ повиновения, не станет никогда домогаться верховной власти и возвращаться к тому, что прежде на него было говорено и что могло бы снова возбудить прежнее подозрение, уже уничтожившееся, но будет хранить и соблюдать всегда то же расположение и ту же любовь как к самому царю Феодору, так и к сыну его Иоанну и будущим преемникам их дома и царства». См. Рим. ист. Григ. кн. III, гл. 2. Ист. Михаила и Андроника Палеологов кн. I, гл. 10.

¹ См. Пахимера ист. Мих. и Андр. Палеол. кн. I, гл. 10.

² *Ναξειὸν ὀνομάζουσι* Мёрсий предлагает поправить *Ναξειον* в *Ἀξειὸν*, и в подкрепление своего мнения ссылается на Зонару (*Annal. rom. 3 in Basilio Porphyrogenito*), на Никиту Хониата (*lib. 3 de rebus gestis Jsaacii Angeli*) и на Никифора Григору (*lib. 8*). *Ἀξειὸν* действительно называет Bardare Цецес *apud Orteliu in thesauro Geographico*, а Софиан — *Vardati*. На основании этих свидетельств, кроме Акрополита, это слово нужно несколько исправить и в известном письме Феофилакта: *θάτερον δὲ τὸ τοῦ γειτόνος ποταμοῦ, ὃν γὰρ παλαιὰ μὲν καὶ Ἑλληνικῶς Ἀξειον, ἢ νεὰ δὲ καὶ βάρβαρος ὀνομάζει βάρδαριον*. Это в свою очередь подтверждает собой мнение Мёрсия. В манускриптах эта река, по замечанию того же Мёрсия, чаще пишется *Βαραβάριον*. Vid. *Glossar Meursii in βαρδαρηότα*.

³ *Καταπατοῦν κύπελλον*. Вероятно, это была пословица или поговорка, смысл которой легко понять из отношения ее с предыдущими словами, но историческое ее происхождение и значение навсегда потеряно для нашего времени.

71. С теми, которые были с Михаилом Комниным Палеологом и Михаилом Ласкарисом, вот что случилось. Разграбив Веррэю, они расположились лагерем около Водин, в стране ровной и обильной кормом для лошадей. А изменник деспот Михаил, разузнав все подробно о римском войске,— как оно было велико и как, за небольшими исключениями, все было слабо и не способно к битве,— выбрал из своего войска до 500 лучших воинов и, поручив начальство над ними побочному сыну своему Феодору¹, послал против римского войска. Между тем случилось так, что в это самое время Мануил Лампардас, которого император отправил с отрядом, состоявшим из всякого сброду, чтобы он соединился с прочими полководцами, действительно прибыл к ним и выразил им свое неудовольствие в том, что они позабрали и получили добычу, а ему не осталось никакой доли прибыли. Когда таким образом шли толки об этом между вождями отрядов, сброд, бывший под командой Мануила Лампардаса, большей частью имевший под собой рабочих лошадей, обремененных, кроме того, разными необходимыми вещами, тайно от других полковод- {170} цев направился по дороге, пролегавшей дальше за город Водины, чтобы, прибыв туда прежде других, захватить себе добычу. В ущельях водинских гор встретилось с ним войско, посланное изменником Михаилом для военных действий против римлян. Храбрые и с ног до головы вооруженные воины на отличных конях встретились с людишками безоружными, робкими, имевшими плохих лошадей, и тотчас же обратили всех их в бегство. Некоторые из беглецов пришли к Михаилу Комнину и известили его о случившемся. Но он не потерялся перед этой неожиданностью. Обладая физическими силами, мужеством и опытностью в военном деле (потому что и прежде участвовал во многих сражениях), он вооружился, взял копье и пафлагонский отряд Михаила Ласкариса, простиравшийся до 50 человек (потому что один только этот отряд был получше других и мог сражаться), и устремился на неприятелей. Михаил Ласкарис, одевшись, по обыкновению, не в латы, а в небольшой панцирь, чтобы легче было бежать, держался в стороне и наблюдал за ходом дела. Михаил Комнин бросает копье в воина, ехавшего впереди других, и пробивает ему верхнее платье. Это был вышеупомянутый побочный сын изменника Михаила — Феодор. Поднявшись на ноги, он подбежал к Михаилу Комнину и униженно умолял не убивать его. Михаил Комнин не знал его и тут не узнал, что это сын деспота, и потому передал его одно- {171} му турке, который и умертвил его. После этого бывшие с ним пафлагонцы, схватившись с другими, стали убивать их одного за другим, и под конец сражения воины Михаила-изменника обратились в бегство, а бывшие с Михаилом Комниным, захватив живыми больше двадцати лучших воинов изменника и многих убив мечом, прекратили преследование, потому что не могли более преследовать по своей крайней малочисленности, так как многие из них, как мы уже сказали, были убиты и рассеяны еще прежде. Таким образом, и этому отряду изменника Михаила также не удалось его предприятие, как и ему самому под Прилапом. А Михаил Комнин и Михаил Ласкарис и бывшие с ними предводители войска, когда мы начали настаивать, чтобы они вступили в Прилап и соединились с нами, волей-неволей прибыли к нам; но, пробыв с нами несколько дней и не имея силы выступить в открытое поле и сразиться с изменником Михаилом, они покинули нас и возвратились назад,— тем больше что узнали о вероломстве жителей и заметили, что гарнизон, охранявший крепость, держит себя двусмысленно. Таким образом, я опять остался один в Прилапе с гарнизоном крепости, потому что так приказал державный.

72. Изменник Михаил в другой раз приступил к нам, и так как чувствовал себя на просторе (потому что знал, что царское войско не может принять сражения), то обло- {172} жил крепость кругом и поставил стенобитные машины. Ему сочувствовали некоторые из граждан и некоторые из наших. И вот он прежде всего сделал опыт и, вооружив все свое войско, приступил к крепости, имея с собой самых искусных стрелков и пращников. Принесли и лестницы, чтобы по ним взобраться на крепость. Но были отбиты, и многие поплатились жизнью, пораженные камнями и стрелами. После этого на несколько дней они успокоились, а потом граждане и наши опять подстрекнули их; вследствие этого состоялось новое, еще более сильное нападение на крепость, окончившееся таким же отпором, потому что ничего не могли сделать, а больше потерпели сами, чем наделали (вреда нам). Наконец, в третий раз приступила эта напасть к нам, и опять случилось то же самое. Затем неприятели уже не тревожили нас и остава-

---

¹ Пахимер называет этого побочного сына Михаила Мануилом. См. ист. Михаила и Андроника Палеологов, кн. 1, гл. 10.

лись в бездействии. Они не смели приближаться к крепости, потому что больше терпели от нее, чем делали вреда ей. Между тем замышлявшие измену думали, что в суматохе битвы как-нибудь их затеи исполнятся, потому что представлялось чудом, чтобы не одолели одного человека, у которого под рукой было не больше сорока человек конвоя и который силен был одной верой и правдой. И так как во время битвы и свалки не удалось злоумышлявшим против нас исполнить своих замыслов, то они устроили нам пакость среди затишья: под пред-^{173}логом продовольствия гарнизона жизненными припасами они вывели его с крепостных верхов и отвели к житницам. Устроив это, они отворили ворота в оставленной без защиты крепости. Таким образом, крепость Прилап была взята не храбростью неприятелей и не потому, чтобы была слаба, а вследствие небрежности и измены гарнизона. Вместе с крепостью и мы были взяты и сделались узниками. Не помог нам и замок акрополя. Это была скала, которую легко было взять, если бы только подставить к ней лестницы в десять ступеней, по которым можно было бы взойти на эту скалу тем, которые бы вздумали осаждать ее. Нужно заметить, что злоумышленники решились напасть на нас ночью с намерением убить нас и все, что у нас было, забрать себе. Как скоро я узнал об этом, то мы начали, сколько было возможно, оберегаться, а при наступлении дня я вступил в переговоры с изменником Михаилом. Он дал нам клятву, что нам нечего бояться ничего худого и что он со всем нашим имуществом отпустит нас в области, подвластные императору. А мы сдали ему эту небольшую крепостцу. Но его клятвенные уверения были ложны, и он клялся вероломно. И нас, обремененных оковами, пешком переводил из одной стороны в другую. Услышав об этом, император Феодор составил обо мне невыгодное мнение, руководясь при этом обыкновенными человеческими соображениями. Он узнал, что лучшие ^{174} из военачальников, на которых он более всего надеялся, передались изменнику Михаилу — одни прежде занятия им крепостей, как Ксилей Скутерий, Мануил Раматан, Пулах и некоторые другие с ними, другие тотчас после занятия, как кравчий императора Исаак Нестонг, которому император, как я прежде рассказывал, вверил охранение Ахриды; немало и других людей, знатных и именитых, перешло на сторону изменника. Поэтому царь боялся и за меня, чтобы и я не поступил подобно им. Притом его сильно беспокоил недавно бывший поступок его со мной. Но знавшие меня лучше уверяли его, что от меня нельзя ожидать этого. А когда спустя немного времени он узнал от приходивших к нему, что я пойман, заключен в темницу, скован по ногам и по рукам, то одобрил мой образ действий и стал еще более расположен ко мне. Чтобы кто-нибудь не втерся в мое имение или не нанес убытку, он сделал ему опись. Между тем как такой оборот приняли наши дела в Прилапе, с императором Феодором случилось следующее.

73. Болгарский царь Михаил, брат супруги императора, питавший вражду как к зятю своему, императору, так и ко всему римскому народу, находясь за городом, умер от раны, нанесенной ему двоюродным его братом Каллиманом, с ведома некоторых и из жителей Тернова. Убив его, Каллиман взял себе его жену и, по-видимому, захватил власть над ^{175} Болгарией. Но Роз-Ур, приступив с войском к Тернову, возвратил себе дочь свою, жену Михаила; а Каллимана еще раньше некоторые задумали умертвить, вследствие этого он перебежал с одного места на другое. Так как теперь престол болгарский не имел законного наследника ¹, то болгарские вельможи собрались на совет и предложили власть над Болгарией Константину, сыну Тиха. А чтобы власть его была благовидной и чтобы считали его государем по праву наследства — для этого отправили посольство к императору Феодору с просьбой выдать за Константина, сына Тихова, старшую дочь свою Ирину ², которая приводилась внучкой Иоанну Асану, прежде управлявшему Болгарией, и, следовательно, ей прилично было владычествовать в Болгарии. Но как Константин, сын Тихов, имел уже законную супругу, то развели ее с мужем и также послали к императору Феодору. Так-то все это произошло у болгар, и так император Феодор заключил с ними мир; и вследствие этого та и другая страна успокоилась.

---

¹ См. Рим. ист. Григоры, кн. III, гл. 2.

² Григора неверно называет эту дочь императора Феодора Феодорой, потому что Феодора и Евдокия остались девицами по смерти своего отца и были выданы замуж Михаилом Палеологом. См. ист. Михаила и Андроника Палеологов, кн. 1.

74. После этого император Феодор впал в тяжкую болезнь ¹. Врачи истощили над {176} нею все усилия, и все медицинские пособия оказались тщетными. Истощенный продолжительной болезнью и сделавшись совершенным скелетом, он, наконец, начал думать о покаянии и принял монашескую одежду ². Рассказывали мне лица, обстоятельно знавшие последние события в жизни императора, что он принес исповедь, достойную души благородной и великой. Подражая евангельской блуднице ³, он, призвав архиепископа Митиленского для исповедания своих грехов, повергся ниц к его ногам и потоком слез оросил землю, на которой лежал, так что образовалась от этого лужа, как мне передавали достоверные очевидцы, и часто восклицал во время исповеди: «Оставил я тебя, Христе мой!», вставляя {177} эти слова в слова покаяния. Так он кончил свою жизнь ⁴, не процарствовав и целых четырех лет: он вступил на престол в ноябре и скончался в августе. Тело его было перенесено в Сосандрийский монастырь ⁵ и погребено там же, где был погребен и отец его. По смерти своей император Феодор оставил трех детей: одного сына, Иоанна, и двух дочерей, Феодору и Евдокию. Двух других своих дочерей он прежде выдал замуж: старшую, Ирину, как мы сказали, за Константина, сына Тиха, и вторую, Марию, за Никифора, сына изменника Михаила, которая отдала общий всем долг во время измены свекра, по словам одних, от сильных побоев мужа своего, Никифора, а по свидетельству других — от естественной болезни.

75. Иоанн, сын императора Феодора, по смерти отца остался совершенным ребенком. Ему не было и восьми полных лет ⁶. Импе-{178}ратор, его отец, оставил завещание как будто

---

¹ Подробное описание этой болезни можно найти у Пахимера в его «Истории Михаила и Андроника Палеологов». Кн. 1.

² Незадолго до смерти, как пишет Григора, император Феодор «поспешил малую схиму сменить монашеской мантией». Фраза довольно двусмысленная, допускающая очень широкое толкование, если взять ее отдельно. Но если взять ее в связи с показанием других историков, например Акрополита и Францы (lib I, cap. 3), то можно принять за верное только одно толкование ее, предложенное Дюканжем, именно, что «Феодор, *отчаявшись в жизни*, сперва принял *малую*, а потом и *великую* схиму». Что совершенно согласно и вообще с господствовавшим тогда между владельцами и знатными особами обычаем принимать монашеское пострижение перед смертью. И потому мы находим совершенно неверным показание Феодора Монневахийского и его компилятора Матфея Сигалы, которые уверяют (вероятно, на основании неверно понятой фразы Григоры), что император Феодор задолго до смерти постригся в монахи в Сосандрийском монастыре и после благочестивой жизни скончался здесь: Καὶ βασιλεύει ὁ υἱὸς αὐτοῦ Θεόδωρος κρόνους δ. καὶ εἶδε τὸν κόσμον καὶ τὰ τοῦ κόσμου, ὅτι εἶναι μάταια, καὶ ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ εἶναι αἰώνιος ἄφησε τὴν βασιλείαν καὶ ὑπῆγεν εἰς τὴν μονὴν τῶν Σωσάνδρων, καὶ ἐγίνε καλόγηρος, καὶ εὐαρέσθηε τῷ Θεῷ διὰ τῆς ταπεινώσεως. Καὶ ἐκεῖ ἀπέθανεν.

³ Лук. гл. 7. ст. 37 и дал.

⁴ Акрополит, вероятно по личным отношениям, не оставил нам характеристики Феодора Ласкариса, но ее можно найти у Пахимера. См. Кн. 1, гл. 13.

⁵ Этот монастырь, по свидетельству Григоры (кн. 2, гл. 11), был выстроен отцом Феодора, императором Иоанном Дукой, во имя Пречистой Девы и находился в Магнезии.

⁶ Акрополит не дает Иоанну полных 8 лет, Григора дает только 6 лет, Франца следует Григоре, а Пахимер делает его девятилетним. Вернее всех показание Акрополита как современника и человека, близкого ко двору императора Феодора. Но из этой разности показаний различных историков о числе лет сына Феодорова вышло то, что Блонд отыскал у императора Феодора двух сыновей и дал им в опекуны Михаила Палеолога: et forte tunc accidit Theodorum Vattari (нужно читать Batazium, Bataccium или Vatacium) graecorum, ut appellabant, imperatorem mori, duobus filiis superstitibus, quibus pueris Michaellem Palaeologum sibi affinitate conjunctum testamento dederat tutorem. И несколько ниже: «Michael Palaeologus tutor crudelissimus pueros fidei suae sub affini nomine ab eo, qui eum extulerat, commendatos, cum interficisset, imperium absumpsit» (lib. 3. Decad 2. Hist). В этих последних словах Блонд к двум первым ошибкам прибавляет еще третью — убийство мнимых двух сыновей Феодора Михаилом Палеологом. По единогласному свидетельству всех византийских историков, писавших об этом, единственный сын Ласкариса, Иоанн, был ослеплен Палеологом и заключен в крепость Никитскую, где, по смерти Михаила Палеолога, сын его Андроник, император, мучимый совестью за злодеяние отца, навещал этого несчастного и старался как можно улучшить его положение (Пахимер. Кн. 3). Блонду следует Сабеллик: «reliquerat Theodorus Michaellem cogmemento Palaeologum filiis tutorem, fecitque ea res fidem Balduino et Venetis futurae pacis, si tutoris nomine contentus esset Palaeologus. Sed homo vehementi spiritu multaque prudentia non solum Balduini opes fregit, sed evertit etiam funditus» (Ennead 9 lib. 6).

на сына, а на самом деле на протовестиария Георгия Музалона ¹, потому что завещание его делало правителем всех римских дел, с тем, впрочем, чтобы ему иметь верховную власть над Римской империей только {179} до совершеннолетия сына императора ². Распоряжение императора было скреплено клятвой ³ случившихся тут лиц. Но не прошло и трех дней ⁴ после того, как мертвое тело императора было во гробе, как собрались ⁵, будто по общему согласию, все находившиеся здесь римляне; войска было собрано здесь также достаточно. В числе собравшихся было много и обиженных ⁶ императором благородных мужей, принадлежавших к высшему сословию; и между ними — Стратигопул Алексей, сына которого император ослепил, а са-{180}мого его удалил от себя; Константин Торник, который при императоре Иоанне был великим приммикирием, а сыном его был разжалован; ослепленный Феодор Филес и Георгий Загаромматис, которого император Иоанн сделал протовестиаритом, а сын его, Феодор, сперва пожаловал в паракимомены ⁷, а спустя немного разжаловал; Никифор Алиатта, которого неза-

---

¹ Георгий Музалон был незнатного происхождения, но бойкого ума и веселого характера, за что одно еще мальчиком взят был ко двору, чтобы наряду со многими другими и он разделял детские забавы с царем Феодором. Когда же тот вышел из детского возраста, Георгий скоро так успел приноровиться к характеру молодого царя, что стал для него всем: Феодор и говорил, и делал все по мысли и желанию Георгия. С течением времени только усиливались их расположение и любовь друг к другу, так что и после того, как Феодор облекся властью самодержца, Георгий оставался для него всем: прекрасным советником в том, что приходило на мысль и сердце царя, правой рукой его вне дворца, надежным поверенным его тайн внутри. Поэтому в короткое время он и возведен был в достоинство протовестиария и вступил в брак с женщиной, которая была в кровном родстве с царем (Григора). Сабеллик, по обыкновению, и здесь жестоко проврался: «Sunt, qui Gregorium Jmsolum tutorem a Theodoro relictum scribant, quem sucris sperantem Palaeologus, interfecerat, recepta ad se puerorum tutela, quos pari injuria ac nescio an majore etiam sustulit» (Ennead. 9. lib. 6). Георгия он переделал в Григория, Музалона — в Имизола, убитого толпой — в убитого Палеологом, из одного сына Феодорова сделал двух, из ослепленного — убитого. Трудно наделать больше ошибок в таких немногих словах.

² Григора говорит, что Георгий Музалон, по завещанию императора, был оставлен не единственным опекуном малютки Иоанна, а что опека разделена была между ним и патриархом Арсением. Рим. Ист. Григоры, кн. III, Гл. 3.

³ «Об нем (Иоанне) составлен был царем и письменный акт, назначавший Музалона его опекуном и скрепленный страшными клятвами всех подданных лиц, знатных и незнатных». Григора.

⁴ Григора, Пахимер и Франца говорят, что описанное далее Акрополитом убийство Музалонов случилось на девятый день после смерти императора Феодора. Они говорят правду, но не лжет и Акрополит. Мертвое тело императора на шесть дней было выставлено для поклонения и потом предано земле. Таким образом и выходит, что убийство Музалонов произошло на девятый день после смерти императора (по Григоре, Пахимеру и Франце) и на третий после его погребения (по Акрополиту).

⁵ См. Римс. Ист. Григоры, кн. III, Гл. 3.

⁶ «Император Феодор для своих сановников казался властелином тяжелым, потому что назначал людям должности и достаивал их надлежащих почестей, смотря не на благородство происхождения и родственные связи с царским домом, а на отличные качества. Кто был с ним в родстве и одной крови, тому, по мнению царя, уже очень довольно было и этого преимущества». Пахимер.

⁷ Παρακοιόμενος — Cubicularius principis — постельничий. Первоначально эта должность ограничивалась одной службой при спальне императора и поручалась преимущественно евнухам. Григорий в житии св. Василия нового говорит: ἑγὼ ἐπὶ Σαμωνᾶς ὁ Πατρίκιος, καὶ παρακοιόμενος τῶν νῦν καταχόντων τὰ σκῆπτρα Ρωμαίων. Потом несколько ниже прибавляет: ἦν γὰρ Σαμωνᾶς φύσει εὐνοῦχος. Vid etiam apud Zachar. Pap. lib. 1. Dialog c. 5. Theoph. in Mauricio an. 20. in Leone Chasaro an. 5. Pachim. lib. 3. cap. 16. et apud multos alios.

Позднее эта должность разделилась на две: явились παρακοιόμενοι τοῦ κοιτῶνος, или собственно императорские постельничие, начальствовавшие над комнатными служителями императора: ὁ Παρακοιόμενος τῆς κοιτῶνος, εὐρίσκεται κεφαλὴ τῶ κοιτῶνι παιδοπούλων, καὶ τῶν κοιτωναρίων, ἔχων ὑπ' αὐτὸν καὶ τὸν Προκαθήμενον τοῦ κοιτῶνος: μένει γὰρ καὶ ἐντὸς τοῦ παλατίου (Cod. de officiis Palat. c. 5),— и παρακοιόμενοι τῆς σφενδονῆς, состоявшие при императорском перстне; παρακοιόμενος σφενδονῆς τὴν τοῦ βασιλέως σφενδονῆν λαμβάνων, σφραγίζει διὰ κυροῦ ἐνθα δεῖ. Из этих слов Кодина (cap. 5. num. 27) видно, что должность паракимомена перстня состояла в том, чтобы запечатывать именным императорским перстнем отправляемые императором бумаги. Какие же это бумаги? Это исключительно письма императора к матери, супруге и сыновьям: они только запечатывались восковой печатью. Все же императорские письма на имя деспотов, патриарха и других знатных сановников отсылались обыкновенно за свинцовой печатью. Παρακοιόμενος τοῦ κοιτῶνος был выше несколькими рангами паракимомена перст-

долго покойный император пожаловал в каниклии, а потом без всякой причины разжаловал, отрезав ему язык, и многие другие заслуженные и знаменитые мужи. Подговоривши воинов, они вместе с ними бросились в Сосандрийский монастырь и шумно напали на протовестиария-опе-¹{181}куна и его братьев. Протовестиарий находился здесь в это время и правил поминки по умершему императору. Узнав о нападении этой толпы, протовестиарий бросился вон из храма, в котором он слушал божественную службу. Но некоторые соумышленники в заговоре, бывшие здесь с ним, опасаясь, чтобы он, выйдя из храма и вскочивши на коня, не ускользнул от них и не привлек к себе народа и таким образом не добрался бы до них самих, затеяли устроить новую присягу. Когда император Феодор был при последнем дыхании и его завещание было прочитано во всеуслышание, то все присягнули, что императорские распоряжения будут хранить непреложно. Потом, когда он скончался, опять присягнули на то же. Наконец, уже в третий раз, по вышесказанному случаю, затеяли новые клятвенные обещания; они убедили протовестиария остаться в храме вместе с братом его Андроником, возведенным в сан великого domestика, и со старшим братом, который был пожалован протокинигом ². Но, увидев устремившуюся на них {182} с обнаженными мечами толпу, они бросились в алтарь ³ и, ухватившись за святую трапезу, погибли все под ударами мечей и даже после смерти не возбудили к себе сожаления ⁴ в своих убийцах. А толпа дошла при этом до такого озлобления против убитых, что, рассекши протовестиария на части, или на члены, или даже на мельчайшие куски и овладев каким-нибудь куском, каждый неистовствовал над ним. Так происходило это.

76. Между тем первые лица в римском народе, занимавшие первые места в гражданском управлении, начальники войск вместе с предстоятелями священного чина (потому что с ними был патриарх и некоторые из знаменитейших архиереев) сделали совещание ⁵ об общественных делах,— кто из {183} них был бы достоин принять управление или и мог бы лучше других управлять. Неприличным считали, чтобы такой империей управляло дитя, которое способно только лакомиться или играть в бабки; напротив, сочли необходимым поставить у государственного кормила человека, который мог бы спасти корабль Римской империи в такое время, когда дует в него так много противных ветров, когда ударяют в него сильные волны и угрожают ему опасностью или — кратко сказать — когда он находится среди великого волнения и потому нуждается в надежном кормчем, способном стать выше угрожающих напастей. Действительно, римляне были в затруднительном положении, потому что только что перед тем смежные с персидскими владениями области были потревожены нападшими на персов татарами, с которыми не заключили еще полного мира, не сделали договора и не установили прочного согласия. А на западе изменник Михаил завоевал все области до самой реки Наксия, которую многие называют еще Вардарием, и завладел находившимися там городами и крепостцами и, никого не боясь и ничего не опасаясь, владел ими на всей своей воле. Кроме того, еще одно

ня, по свидетельству Кодина (сар. 2. п. 17). Георгий Загаромматис, вероятно, был *παρακομιόμενος τοῦ κοιτόνας*, потому что пожалован был в эту должность в виде повышения из протовестиаритов, которые в иерархии чинов византийского двора занимали место, низшее *παρακιμομένων τοῦ κοιτόνας* и высшее *παρακιμομένων τῆς σφενδοῦς*.

¹ Сн. Григоры, кн. III, гл. 3 и Пахимера кн. 1, гл. 19.

² В чем состояла эта должность, объяснено в примечании 3 к III Кн. Римской Истории Григоры, стр. 63, по русск. перев.

³ «Протовестиария убил некто Карл, который, осмелившись войти в алтарь и обыскав там все, сперва не нашел, кого искал, и хотел было уже идти назад. Но судьба не избавила от гибели того, кто там спрятался. Этот Карл подлез под престол, осмотрел там все и, увидев стоявшего на коленях несчастного, бросился и умертвил его». Пахимер.

⁴ Причину этой странной ненависти так передает Пахимер со слов самих злодеев: «На языке их непрестанно вертелась вина погибших: „Враги, злоумышленники против царей, правители царства, всеми способами домогавшиеся власти, если бы только не было препятствия, губители войска, тайными кознями чародейства подделавшиеся под отца, под видом охранения и безопасности овладевшие сыном, понеся достойное и заслуженное наказание, получили справедливое воздаяние, и мы теперь, освободившись от того зла, будем усердно служить своему государю“». Очевидно, разъяренная толпа, лично несколько не заинтересованная в быстром возвышении Музалонов и не имевшая причин жаловаться на них, кричала под диктовку аристократической партии, устроившей всю эту катастрофу.

⁵ Гораздо обстоятельнее об этом совещании, его характере и результатах рассказывает Пахимер. См. кн. 1, гл. 27.

обстоятельство тревожило многих, особенно людей умных,— я говорю о родственных связях Михаила. Он выдал дочь свою Елену, как мы сказали прежде, за короля сицилийского Манфреда, а другой родственный союз он устроил, выдав дочь {184} свою Анну за князя Ахайи. Между тем в Константинополе по-прежнему находились враждебные римлянам латиняне, над которыми царствовал Балдуин. В таких затруднительных обстоятельствах находилась Римская империя. Поэтому первые государственные лица искали хорошего управителя. Глаза всех¹ обратились на Михаила Комнина, о котором мы часто упоминали. А поелику нужно было спросить и народ, чтобы узнать о его желании,— к кому кто больше расположен,— то предложены были вопросы по народностям и по сословиям. Сперва спросили римлян, и все единодушно, как бы одними устами, сказали, что они хотят иметь правителем римских дел и попечителем о благе государства Михаила Комнина и считать его как бы своим владыкой. Потом были спрошены латиняне, и они не замедлили ответом, а тотчас потребовали, чтобы Михаил Комнин Палеолог был сделан начальником над всем. Когда спросили скифов, то и они не {185} по-варварски, а вполне по-эллински и благородно отвечали и настойчиво утверждали, что они не знают лучшего человека, который бы мог начальствовать над всем, кроме Михаила Комнина. Затем священный чин, увидев, что Михаил Комнин не только затрудняется принять на себя управление римскими делами, но и положительно отказывается, отвергает предложение, выставляя причиной своего отказа данную им недавно присягу сыну императора Феодора, даже Священный собор не только устно склонял его к этому делу, но и составил письменный акт, на котором патриарх и все архиереи подписались и в котором представляли Комнину, что, приняв предложение, он не только не даст ответа в этом деле на неподкупном суде Христовом, но что сплетутся для него венцы за то, что он явится спасителем христоименитого народа. Таким образом убедили, как и должно, Михаила благоразумно отбросить все опасения.

77. Таким образом Михаил Комнин взял на себя подвиг царствования. Сперва возвели его в достоинство деспота и возложили на его голову шапку, обыкновенно носимую деспотами. Спустя немного времени волей-неволей он должен был взойти и на высшую ступень царства, быв принужден к тому знатнейшими лицами, на которых лежала забота об общественных делах, и так, посадив его на императорский щит, гражданские сановники и высшие начальники войск {186} провозгласили его императором. Потом, когда нужно было ему венчаться царской диадемой, он отправился в главный город Вифинии — Никею, где патриарх Арсений и возложил на него царскую диадему². Так как из числа приближенных императора Феодора и знатных вельмож оставался Карианит³, которого последний сделал протовестиаритом и который

---

¹ Говоря о единодушном желании всех духовных и светских сановников и простого народа видеть правителем государства Михаила Палеолога, Акрополит умалчивает о тех подземных средствах, которыми Палеолог подготовил это желание. А между тем здесь сказалась вся гибкая натура Михаила: он пустил в ход и клятвы, и деньги, и самые великолепные обещания, заискивал в одних, льстил другим, услуживал третьим... Не мудрено, «если глаза всех были устремлены на него»... См. Григоры, кн. III; Пах. кн. 1, гл. 29. Там подробно рассказано, каким образом Михаил Палеолог постепенно делался из великого конетабля великим дуксом, из великого дукса — деспотом, а из деспота — императором и насколько и как участвовало в его возвышении духовенство с патриархом.

² Акрополит опустил здесь очень многое, не желая компрометировать своего любимца — Палеолога. Дело шло вовсе не так гладко и красиво, как он передает. Патриарх, напр., совершенно и не знал,— да, конечно, и не он один,— что Михаил провозглашен уже императором (sic!), и когда узнал, то «был поражен этой вестью в самое сердце — удар ножа, кажется, не произвел бы такой боли,— он совсем потерял покой, боясь за дитя. Сначала он хотел было подвергнуть отлучению как провозглашенного царем, так и провозгласивших, но сдержал себя и рассудил — лучше связать их страшными клятвами, чтобы они не смели ни замышлять на жизнь дитяти (Иоанна), ни посягать на его царские права. Это было в самом начале декабрьских календ. Но не прошло еще месяца, как Арсений делает для безопасности то, чего боялся: он собственными руками со священного амвона венчает Михаила Палеолога и украшает царской диадемой, присоединив к голосам Сената и Священного собора и свой в пользу Михаила. Впрочем, не навсегда предоставляет ему самодержавную власть, но до тех только пор, пока это будет необходимо,— пока не достигнет совершеннолетия законный наследник и преемник царства, после чего Михаил сам, добровольно должен уступить ему одному трон самодержца и все знаки царского величия. В этом смысле снова были произнесены клятвы страшнее первых». Григора.

³ Вина Карианита перед Михаилом Палеологом была не в убийстве Музалонов, в котором он не был виноват больше других, а в его близости к покойному императору и в сочувствии его малолетнему сыну.

убил как протовестиария, так и братьев его, о которых мы выше сказали (по-187 тому он командовал тогда римским войском), то император Михаил посадил его в темницу, чтобы он снова не предпринял чего-нибудь подобного. Убежав из темницы, он бросился к персам, но был задержан туркоманами, ограблен и убит. Еще из числа вельмож и знаменитых мужей оставался Иоанн Ангел, который имел достоинство протостратора, жил на Западе и командовал значительным отрядом войска. После протовестиария император Феодор любил его больше всех и в почестях и во всем другом давал ему прямо второе место. Император (Комнин) послал к нему некоторых из своих приближенных, чтобы они привели его к нему, но он от сильного испуга умер на дороге. Это были лица, более других отличенные покойным императором и поставленные выше других по достоинству, а о прочих не стоит много говорить; поэтому мы и оставляем их в стороне как людей незамечательных. Еще прежде коронации император Михаил брата своего Иоанна Комнина сделал великим доместиком и, вручив ему римские войска, послал его в западные области против изменника Михаила. Вместе с ним послал и Стратигопула Алексея, и Иоанна Рауля, старшего сына протовестиария Рауля, и других, понимавших дело стратегов и умевших давать сражения. Когда же провозглашен был императором, то брата своего Иоанна Комнина пожаловал в севастократора, послав ему на Запад знаки 188 этого достоинства, а Стратигопула Алексея пожаловал великим доместиком, а другого брата своего, от другой матери, Константина, почтил саном кесаря и послал в пределы Пафлагонии обозреть тамошние города, войско и укрепления.

78. Когда Михаил Комнин получил в свои руки императорский скипетр, то всех задержанных за какую-либо вину императором Феодором под стражей или как-либо иначе обиженных им освободил, приблизил к себе и пожаловал их щедрыми наградами. Но и вообще ко всем он был заботливым и внимательным государем, без всякой бережливости осыпал деньгами своих подданных. Таким образом, можно было видеть, что римский народ, к какому бы классу и сословию ни принадлежал, какого бы рода ни были его занятия, преисполнен был удовольствия и радости по поводу всего происходившего перед его глазами. Как если бы кто из мрачной глубокой ямы¹ вышел на яркий свет солнца или 189 от бури перешел к тишине, от зимы к весне, из урагана в спокойно-прохладный воздух и как из состояния сильной печали в состояние удовольствия, так теперь все веселились и прыгали от радости, потому что избавились от прежнего томительного и тяжелого состояния. Между тем живущие в Константинополе латиняне и царствовавший над ними Балдуин послали к императору посольство с неумеренным и неуместным требованием². Презрительно относясь к императору, как только что получившему власть, они предложили ему тяжелые требования. Они начали эти свои требования с города Фессалоник, именно, чтобы император уступил им этот город и всю остальную землю до самого Константинополя. Выслушав их, император очень учтиво отвечал им: «Этот город — моя родина; им правил мой отец, который, как и вы знаете, был великим доместиком. В нем он кончил свою жизнь, и там погребено его тело. Как же можно такому городу быть не в моей власти?» Выслушав эти слова, послы питали, однако же, надежду, что император усту-

---

Какими средствами Михаил Палеолог привлекал к себе одних сановников и отделялся от других, можно видеть у Пахимера, кн. II, гл. 13 и дал.

¹ Как ни ярок свет солнца, поразивший вышедших из мрачной ямы (разумеется предшествовавшее царствование), но он должен померкнуть перед скромным лучом правды, направленным на блестящую фигуру и великолепную обстановку нового императора, из нейтрального лагеря. Вот что рассказывает Пахимер: «Между тем царствующий (Михаил) то и дело ораторствовал, ласкал народ и в толпы его обеими руками бросал золото. Благодетельствованные, сходясь, благословляли благодетеля, а дитя (Иоанна) и его интересы упускали из виду и не знали, какое отсюда может произойти зло,— между тем отсюда-то именно и начался замысел одного царя против другого... Палеолог, наораторствовавшись, рыскал на коне и, со своими правителями забавляясь бросанием копья и гоньбой шара, увеселял собой зрителей. Речами своими он располагал народ к такой беспечности, а приближенных своих обольщал такими сладкими надеждами на прекрасную жизнь в будущем, что напоминал им даже о древних отношениях граждан, имевших форму свободы (куда махнул!), а эта форма свободы состояла в том, чтобы, расчесывая бороду, завивать ее и необузданно веселиться либо завивкой разделять ее надвое,— и я смотрел на них с восторгом, представляя, что так приказал царь, обещающий быстрое движение дел государственных». Пахимер.

² См. Пахим. кн. 11, гл. 10.

{190}пит им что-нибудь из требуемого, и, переменяв речь, сказали: «Итак, государь, позволь нам от Серр владеть всеми прочими странами». На это император отвечал: «Вы предлагаете мне неприличное требование, потому что я в первый раз начал управлять этой страной по воле блаженной памяти императора, деда моего, в ней я в первый раз был и начальником над войском и люблю это место, как родное мне. Таким образом, не прилично мне уступать вам и этого города». Послы бросались с одного места к другому и, ничего не получая, стали подумывать о том, чтобы хоть что-нибудь получить, чтобы похвастаться добычей, и потому сказали: «Государь! Уступи нам по крайней мере те страны, которые находятся между Валером и нашими границами!» Император отвечал: «Я часто в этих местах охотился и здесь научился извлекать пользу из охоты и считаю неудобным выпускать из своих рук такую страну, в которой я и опять с удовольствием буду охотиться и развлекать себя ловлей животных». «Что же ты дашь нам?» — сказали послы императору. «Ничего, — отвечал он, — но если вы хотите жить в мире со мной (вы хорошо меня знаете: вы уже сражались со мной из-за обладания Вифинией и Тарсом, а потому видели, как я сражался с вами), то вот условия: я хочу латинян, живущих в Константинополе, подчинить римской власти и брать с их торговли ¹ дань, соответствующую количеству привозимых товаров. Если вы позволите мне это, я готов на мир с вами. Если же нет, то объявлю войну, которая, при помощи Божией, больше принесет пользы римлянам». Таким образом, латинские послы со стыдом удалились в Константинополь, не добившись ничего.

79. Император послал посольство к изменнику Михаилу в лице Феодора Филеса, ослепленного императором Феодором. Посольство было сделано в примирительном духе и уступало ему много из принадлежавших нам крепостей и местечек. Император уступал изменнику, желая склонить его к дружеским отношениям, он и требовал очень немногого, и неприлично было пренебрегать этим требованием. Но изменник был несговорчив и неподатлив на речи. Он не только не принял посольства как следует, но и дал ему неприличный ответ. Его надмевало родство не только с Манфредом, королем сицилийским ², но и с Вильгельмом, князем Ахайи, потому что и с этим он уже вступил в родственную связь. Поэтому он много мечтал о себе и поговаривал свысока. Чрезвычайно оскорбленный его словами и обиженный его ответами, Феодор Филес возвратился к императору, сказав следующее изменнику: «Я вижу, что ты дурачишься и потому говоришь вещи неприличные. Но скоро узнаешь ты, как крепка императорская власть и римская сила и раскаешься, но уж будет бесполезно». Сказав это, он возвратился к императору, жалуясь на сумасбродство Михаила, что он не хотел нисколько уважить императора, не хотел освободить ни Константина Хаварона, ни меня, пишущего эти строки, — его потому, что он воспитывался вместе с императором и часто состязался с ним в воинских упражнениях, а меня как родственника императору, у ног которого горько рыдала моя жена; между тем как император освободил из темницы больше двадцати человек, которых взял в плен на сражении при Водинах, куда был послан императором Феодором, и из которых одни были родственники изменнику, а другие — лучшие из его воинов и происходили от знатных фамилий. Такими следствиями сопровождалось посольство, отправленное к изменнику. Император посылал посольство и к зятю изменника, королю сицилийскому Манфреду, в лице каниклия ³ Никифора Альятты, {193} которого Манфред продержал у себя около двух лет; да и как бы он мог выполнить хоть одно из требований императора, — он, связанный совершенно с

---

¹ Εκ τοῦ κομμερκίου αὐτῶν. Κομμερκίον — латинское слово commercium, перешедшее в греческий язык вместе с другими словами в средние века. Толкователь правил Латеранского IV собора говорит в примечании к 16 правилу: «οἱ κληρικοὶ ἕκ ὀφείκια ἢ κομμερκία κοσμικά μὴ Ἐμμεριφεσθῶσαν», то есть клирики да не берутся за должности или мирские торговые предприятия. Vid Hist. Pachim. lib. XI, cap. 29.

² Τῷ ῥηγὶ τῆς Σικελίας τῷ Μανφρέ σν. Григоры ист. кн. 3, гл. III и Пахимера ист. Михаила и Андроника Палеологов, кн. 1, гл. 30.

³ Τοῦ ἐπὶ τοῦ κανικλείου. Каникλείου-ом назывался сосуд с пурпуровой жидкостью, которой императоры подписывали свои грамоты. — Анастасий в примеч. к актам VII собора говорит, что император из каниклия «Phoeniceas literas scribebat». ὁ ἐπὶ τοῦ κανικλείου — Каниклий, — чиновник, хранивший этот сосуд. В круг его обязанностей входило также скреплять императорскую подпись. Codin.

Михаилом-изменником и мечтавший о больших выгодах¹? Император посылал послов и к князю Ахайи. Но он, смело полагаясь на родственный союз с изменником и ожидая от него многого, вовсе не пристал и к речам.

80. Итак, император, как мы выше сказали, брата² своего, севастократора, послал на Запад против изменника Михаила и, вручив ему войска с их начальниками, велел прямо держать путь против изменника, пока не встретится с его войском. Севастократор Иоанн исполнил волю императора. В это время изменник Михаил со своей супругой и домашними расположился в пределах Кастилии. Вдруг доходит до него крик, что римское войско идет против него и уже перешло равнины валинские. Услышавшие этот крик испугались и не только сами обратились в бегство, но и других увлекли к тому же. А так как была ночь и нельзя было рассмотреть, куда кто бежит, то для многих эта дорога, как меч, была причиной смерти: Феодор Петралафа, родной брат супруги изменника Михаила, вскочив на рыяного коня, попал на гористое место,— и сам, и лошадь оборвались с утеса, и оба погибли. Другие добежали до своих границ, или до Пиринейских гор, которые древний и новый Эпир отделяют от Эллады и нашей стороны. После всего происшедшего таким образом севастократор³, найдя страну без охранного войска, с полной безопасностью стал делать нападения на находившиеся в ней крепости. Сперва он пошел на Ахриду, на которую все смотрели, как на архиепископию болгарскую, имея с собой и ее архиепископа Константина Кавасилу, который императором Феодором был удален от своей паствы, потому что последний подозревал его в чем-то против царской власти, так как два брата архиепископа, Иоанн и Федор, были в то время с изменником Михаилом,— Феодор считался в числе его вельмож, а Иоанн управлял почти всеми делами: и общественными, и домашними. Поэтому, как мы сказали, император Феодор и подозревал архиерея. Но император Михаил, менее подчинявшийся подобным случайностям в своих поступках, приписав большую часть случившегося, а то {195} и все — Богу, даровал архиепископу свободу, и вследствие этого он отправился в путь вместе с севастократором. Прибыв в Ахриду, как мы сказали, севастократор придвинул к ней военные машины, а архиепископ принялся убеждать жителей к сдаче словами. И спустя немного Ахрида была уже в их руках. Устроив здесь все порядком, севастократор устремился на Деаволис и перед крепостью этого города хотел выставить разнородные машины. Так действительно и распорядился: поставил стенобитные орудия, сделал разные приготовления, предписываемые военным искусством, постоянно производил приступы и вообще употреблял все меры к тому, чтобы овладеть городом. И его цель была достигнута им на самом деле. Когда много народу, находившегося внутри крепости, было убито и немало ранено стрелами, тогда прочие, упав духом (потому что западный народ по самой природе очень несостоятелен для защиты крепостей), сдали севастократору крепость Деаволис. И вся находившаяся близ этих крепостей (Деаволиса и Ахриды) страна, как-то: Преспа, Пелагония, Соск, Молис — сдалась римским войскам и стала подвластной римлянам. Обитатели западных стран таковы, что легко сдаются всем государям. Поэтому избегают опасностей и сохраняют большую часть своего имущества. Это происходило, когда наступала весна.

81. Между тем изменник Михаил, видя, {196} что дела его принимают не совсем благоприятный оборот, вздумал дать отпор силам императорским и двинул все свое войско или, по пословице, натянул все пружины и веревки. И своих всех собрал поголовно, и получил немалую помощь от зятя своего, короля Сицилии. Насчитывали до 400 всадников⁴. Они были снабжены надежным оружием и видными и быстрыми лошадьми, и все считались отличными воинами между своими. А другой его зять, князь Ахайи, также собрав все свое войско⁵, сам отправился на помощь своему тестю. Он вел с собой бесчисленное ополчение: тут были и франки, и римляне, жившие в Ахайе и Пелопоннесе, которыми он владел; но большая часть

¹ «Они (король сицилийский и князь ахайский) надеялись без труда занять все Римское царство от Ионийского залива до самой Византии и как будто упрочили уже за собой власть над ним, делили его между собой на участки, прежде чем коснулись тела». Григора.

² У императора Михаила Палеолога были два брата от одного отца, но не от одной матери — Иоанн и Константин. См. Пахим. ист. Мих. и Андроника Палеологов, кн. 1, гл. 20 по русс. перев.

³ Подробности об этом деле можно найти в Рим. истории Григоры, кн. III, гл. 5.

⁴ В цифре всадников очень далеко расходятся между собой Акрополит и Пахимер. Последний возводит эту цифру до 3000. См. Ист. Мих. и Андр. Палеологов, кн. 1, гл. 30.

⁵ Τὴν πᾶσαν αὐτοῦ στρατιάν. Пахимер: τὸν δὲ γε πρίνικτα ὅλον εἶχε σὺν τοῖς στρατεύμασιν.

была латинян. Таким образом составилось огромное войско, и все они вместе устремились против брата императорского — севастократора Иоанна. Этот последний (потому что был снабжен хорошими советами от своего брата, императора) военными хитростями провел своих противников. Сам он с воинами, одетыми в панцири и латы, занял места укрепленные, а легковооруженным воинам, которым легче было переходить с одного места на другое, приказал сражаться с неприятелем в открытом поле. Это были то скифы, { 197 } то турки, впрочем, много было и римлян, которым больше других известно было искусство стрелять из лука. Бросая стрелы в неприятелей, они поражали их издалека. А начали они свое нападение на врагов с места, называемого Βορίλα λόγγος. Ни днем не давали они им безопасно пройти, ни ночью отдохнуть; они тревожили их днем на водопое, если кто-нибудь отъезжал поить лошадь несколько дальше. Нападали на них и на дороге, подкрадываясь к телегам и вьючным животным и обирая их дочиста, между тем как конвойные разбежались в разные стороны. Делая это часто, воины севастократора Иоанна сделались безмерно смелыми в отношении к неприятелям, так что нередко вступали в рукопашный бой с ними и отнимали у них все, что случалось. Таким образом войско изменника Михаила уменьшалось и пришло в немалое уныние, так что почти отчаивалось в спасении. С большим затруднением и едва-едва миновали они Стан, Соск и Молиск (цель у них была достигнуть Прилапа, чтобы укрепиться в нем), и когда были в этих местах, то каждый из них думал только о том, как бы унести ноги. А изменник Михаил с сыном своим Никифором и немногими другими приближенными, которых он обыкновенно посвящал во все свои дела, ночью сели на коней и по хорошо известной им дороге бежали ¹. Поутру на

---

¹ Григора говорит, что полководцы Михаила Палеолога употребили следующую хитрость, чтобы заронить подозрение в душе Михаила Ангела насчет его союзников и посорить его с ними. Они подослали к нему одного человека, который под видом перебежчика пришел к Михаилу Ангелу и сказал ему: «Знай, что тебе и всем твоим сегодня угрожает опасность. Оба твои зятя и союзники, принц Пелопоннеса и Ахайи и король Сицилии, тайно посылали к римлянам послов с обычными подарками для заключения с ними мирных условий. Поэтому, если тебе дорога жизнь, позаботься как можно о себе, пока еще условия и соглашения между ними не заключены». Михаил поверил и, известив о том своих, кого было можно и сколько время позволяло, предался бегству еще до восхода солнечного. Услышав о его бегстве, бросились за ним и другие, и так все воины Михаила рассыпались в разные стороны, спеша обогнать друг друга. Союзники, пробудившись утром и увидев, что Михаила нет, разинули рты от изумления, не зная, чему приписать это. После этого взяться за оружие против римлян они уже не посмели: частью потому, что не могли разгадать происшедшего, а частью и потому, что теперь вместо огромного числа они представляли незначительное. Поэтому они бросились бежать, вообразив, что преданы Михаилом (Римс. Ист. Григ. кн. III, гл. 5). Как ни грубой представляется с первого взгляда выдумка, на которую военачальники Палеолога поддели Михаила Ангела, тем не менее, если возьмем в соображение тогдашнюю лживость всех отношений, даже и родственных (чему примеры можно находить чуть не на каждой странице у византийских историков), где все основано было на своекорыстных расчетах и где торговля самыми священными узами была самым обыкновенным явлением, то не будем удивляться, что Михаил Ангел дал себя обмануть такой грубой ложью и погубил свое дело и своих союзников. Затруднительность его тогдашнего положения придавала еще более вероятия мнимой угрожавшей ему измене со стороны своих союзников, и он, обращаясь в бегство, со своей точки зрения, избирал из двух зол только меньшее. А что он действительно получил фальшивое предостережение насчет своих союзников из неприятельского лагеря — это доказывается, между прочим, и тем, что он убежал тайно — только с сыном и немногими доверенными лицами, чего не сделал бы он, по крайней мере, по отношению к своим зятям-союзникам. Оставляя их на произвол судьбы, он показал, что подозревает с их стороны что-то недоброе для себя. Во всяком случае нам представляется более вероятным это сказание Григоры, чем сказание Пахимера, по словам которого настоящая катастрофа, разразившаяся над союзными войсками, была подготовлена побочным сыном Михаила Ангела Иоанном, который из-за личной ссоры с князем ахайским тайно снесся с неприятелями и во время битвы изменил своим союзникам, напав на них с тыла. В этом факте, как мы рассказали его до сих пор, еще нет ничего несбыточного. Но дело в том, что, по уверению Пахимера, Иоанн заранее подготовил к своей измене своего отца и брата Никифора и что вместе с ним разыграли на поле битвы второй акт комедии: поместившись где-то в стороне, и, когда их союзники, попав в расставленную им западню, погибали под ударами врагов, они преспокойно поворотили лошадей и бросились в бегство (Пах. Ист. Мих. и Андр. Палеол. кн. 1, гл. 31). При всем уважении к почтенному историку, мы не можем не заметить, что в его рассказе мы не видим смысла. Можно изменить своим союзникам, — хоть бы этими союзниками были зятя, братья, сыновья, — но по каким-нибудь сильным побуждениям. Но изменять так себе, ни с того ни с сего, и притом со страшным вредом самому

{198} следующий день, узнав о бегстве Михаила, обратились в бегство и его воины. Тогда отряд, состоявший из римлян, и более знатные его предводители, в том числе и побочный сын изменника Иоанна, пришли к севастократору Иоанну, сдались ему и присягнули императору. {199} Князь Ахайи ¹ и все бывшие с ним рассеялись в разные стороны. Князь был захвачен в плен при Кастории. Он скрылся в каком-то гумне, но был узнан одним из воинов по зубам (потому что передние зубы были у него очень велики и выдавались из-за губ) и, связанный, отведен к императору. А знатнейшие из его когорт, а также и его родственники, как-то: Асел-Детуси, Иофред Коританский и много других знаменитых мужей были {200} взяты в плен то при Платамоне, то в других местах и узниками отведены к императору. И вспомогательный отряд Манфреда, короля сицилийского, посланный на помощь изменнику и простиравшийся, как мы сказали, до четырехсот, был взят в плен со всем оружием и лошадьми четырьмя человеками, из которых один был великий domestik Алексей Стратигопул, другой — Никифор Римпсаг, турок по происхождению, но сделавшийся вполне православным христианином, двое других не известны. Всех захваченных в плен также узниками послали к императору. И такую победу одержали наши благодаря советам императора, что слава ее прошла во все концы земли. Немного таких побед видело солнце. Таким образом тогда наши покорили все города и всю страну.

82. Затем севастократор Иоанн, пройдя по Фессалии и укрепив тамошние крепости и укрепления, расположился лагерем при новой Патре, имея вместе с собой и побочного сына изменника Михаила — Иоанна. А великий domestik Алексей Стратигопул и Иоанн Раул перешли через Пиринейские горы и направились к Арте, оставив небольшой отряд при Иоаннинах для осады этой крепости. Они взяли Арту, где нашли и меня самого. Проведя с ними несколько дней, я решил отправиться из Арты, оставив здешних жителей не совсем расположенными к нашим, потому что нехорошо обращались с ними воины. {201} Поэтому из упомянутой знаменитой победы, покрывшей таким блеском римлян, немного спустя вышло нечто совершенно неблестящее. Я отправился прямо к севастократору Иоанну, царскому брату, бывшему при новой Патре, и, пробыв у него несколько дней, направил путь к императору. Между тем Иоанн, побочный сын изменника Михаила, с некоторыми другими лицами затеяли измену, и, когда севастократор Иоанн пошел на латинян и, миновав Левадию, опустошал Фивы, он привел в исполнение свою измену, которой он болел, и с немногими другими бежал к отцу своему, изменнику Михаилу. Этот последний, будучи поражен такой неожиданной переменой своих обстоятельств, не имел, где приютиться на суше, а вместе с сыном своим Никифором, с женой и с некоторыми из приближенных, сев на судно, плавал по морю и привитал около островов Левкады и Кефалонии. Когда же прибыл к нему побочный сын Иоанн, как уже изъяснено выше, то он ободрился и, отложив все опасения, направился к Арте. По прибытии туда, когда он нашел, что все жители расположены к нему (между тем в его власти был еще один город, находившийся в этой стране — Бондичи), то, собрав всех бывших там своих приверженцев, он выгнал наших из пределов Арты. Мало этого, он далеко отбросил и от Иоаннин отряд, осаждавший эту крепость. Таким образом, дела римлян стали принимать {202} худой оборот; и что так хорошо было пошло, при помощи царских советов, теперь обратилось в ничто или почти в ничто. Брат императора, севастократор Иоанн и тесть его Константин Торникий, оставив поле сражения, присоединились к императору, находившемуся тогда при Лампсаке. Севастократора Иоанна ² император пожаловал саном деспота в благодарность за победу и с целью сравнять его с теми, с кем он бился, то есть чтобы с деспотами сражался деспот. Тестя же его Константина Торникия, бывшего великим приммикирием, пожаловал саном севастократора. А родного брата своего Константина из кесарей переименовал в севастократоры. Вновь пожалованные севастократоры отличались один от другого тем, что брат императора носил

себе,— на такую измену способны только сумасшедшие, к числу которых мы не имеем права отнести Михаила Ангела с его сыновьями.

¹ Князь Ахайи после взятия Константинополя был отпущен императором на волю и через несколько времени снова, вопреки своей клятве, стал во враждебные отношения к грекам. Подробности об освобождении князя и следствиях этого освобождения для греков см. у Пах. в его ист. Мих. и Андр. Пал. кн. 1, гл. 31.

² См. Ник. Григоры Римс. ист. кн. 4, гл. 1.

обувь с золотыми орлами, а Торникий без орлов. Стратигопула Алексея, великого domestика, письмом на его имя пожаловал в кесари, сделав это достоинство наследственным. Так все это происходило.

83. Перезимовав при Лампсаке, по наступлении весны император пошел на Константинополь. Все его желание, вся цель состояла в том, чтобы вырвать Константинополь из рук латинян. Итак, он пошел на Константинополь, впрочем, не потому, чтобы надеялся на свое войско (его войска недостаточно было для осады такого города), а потому что был обманут речами своего двоюродного брата Асела. Он ложно наговорил императору, что живет в стене города, что городские ворота в его полном распоряжении, что ими он может провести в город императорские войска без всякого шума и без сражения. И его речам действительно поверили, потому что, с одной стороны, родственные отношения его к императору заставляли думать, что этот человек говорит правду, с другой — то, что император клятвенно обещал наградить его всевозможными почестями. Он дал эти обещания императору и в свою очередь от него получил за это обещания, в то время как потерпел неудачу в сражении с князем ахайским и вместо больших благ ожидал получить за это большие неприятности. Обнадеженный его словами, как мы сказали, император пошел на Константинополь и расположился лагерем против северного рога города¹ — на месте, называемом Галата, и представлял вид, что ведет осаду укрепления Галаты, а на самом деле тайно сносился с Аселом насчет исполнения его обещаний. Между тем Асел обращал внимание на свою выгоду, а не на правду и потому давал ложные ответы, отговариваясь то тем, то другим. Когда, таким образом, прошло довольно времени, а между тем он ничего не сделал, даже и тогда, как войско в полном вооружении, по его собственному распоряжению, подошло однажды ночью к его жилищу; тогда явно стало, что он солгал. И так как он не имел никакого благовидного извинения в своей лжи, то всю вину сложил на начальника города. Этот последний, говорил он, сообразил, что ключам от городских ворот нехорошо быть у меня, и взял их себе, и потому я на этот счет ничего не могу сделать. Когда, таким образом, император ясно понял обман этого человека, то удалился от города. На дороге приходили к нему трое послов от латинян и просили мира. Император согласился на перемирие, но только на один год, доведя их дела до последней крайности.

84. Переправившись через Геллеспонт, император занял область Паг. А когда подходило к концу лето и наступало время осени, тогда он оставил эти страны и отправился в Нимфею, где цари обыкновенно имели в это время свою резиденцию² с тех пор, как они потеряли Константинополь. Меня же отправил послом к царю болгарскому Константину. Я отправился и пробыл у него несколько дней, тому что случились в то время праздники Рождества и Крещения Господа нашего Иисуса Христа, которые болгарские цари праздновали с особенной торжественностью. Болгарский царь пожелал, чтобы я остался у них посмотреть на церемонию. Исполнив все, что мне было поручено, я отправился из Тернова и прибыл к императору, бывшему тогда еще в Нимфее. Здесь император и перезимовал, а когда настала весна, выехал из Нимфеи, отпраздновав там светлый день Воскресения Господа нашего. Пробыв несколько дней во Флевиях и отбив отсюда к месту, которое называлось Клизоменой, он раскинул палатки; потому что, выезжая из Нимфеи, императоры большую часть весны обыкновенно проводили здесь, так как местоположение было ровное, обильное травой и водой, так что можно было прокормить много лошадей, а вблизи имело много селений и городов, откуда в изобилии доставляемо было все нужное для содержания людей. Когда император жил здесь, прибыл сюда из Никеи севастократор Торникий и настойчиво просил императора за бывшего патриархом Арсения, ибо патриарший престол осиротел, так как патриарх Никифор, возведенный на патриарший престол из митрополитов Ефесских, переселился из здешнего мира в горняя, не занимая патриаршего престола и целого года. Арсений же был возведен на патриарший престол еще

---

¹ Ἀντίπεραν τοῦ βορείου κέρως τῆς πόλεως. Григора: «Царь с большими силами отправился во Фракию, имея в виду попытать воинского счастья и в самых предместьях Константинополя. Пробыв под ним довольно долго, он осадил было сперва лежащий на противоположной стороне (κατὰ τὴν ὑπερῆσαν это та сторона, которая в настоящее время называется Перей) так называемый замок Галата... (Рим. ист. кн. IV, гл. 1). Самые мелкие подробности касательно взятия Константинополя можно найти у Пахимера в его ист. Мих. и Андр. Пал. кн. 11, гл. 20 и дал.

² См. Григоры Рим. ист. кн. IV, гл. 1.

императором Феодором. Это был муж весьма сильный и словом, и делом, особенно отличился {206} он природным даром слова¹. Учился он немного. Усвоив кое-что из начального круга наук, чтобы не показаться в них совершенным невеждой, не знающим того, чем представлялся пренебрегающим, уязвленный в душу стрелой любви Божьей, он, простившись со всем мирским, на что многие нелегко решаются, избрал жизнь уединенную. Этот самый муж совершал и обряд коронования императора. А когда заметил, что император не склонялся на его желания², {207} то сделался к нему не расположен; и это нерасположение к императору разделяли с ним Андроник Сардский и Мануил Фессалоникский, по фамилии Опсара. Когда император раскинул лагерь близ Константинополя и жил там, то епископ Сардский принял монашескую одежду из рук Иоанникия Филадельфийского. Раньше он постоянно надоедал императору просьбой отпустить его в Пафлагонию (оттуда он был родом), но император, зная его замыслы, не дал ему на это позволения, потому что у него была цель возмутить паф- {208} лагонцев против императора. Император отказывал ему на весьма справедливом основании. Он говорил: «Так как ты хиротонисован митрополитом в Сарды, а не в Пафлагонию, то и должно тебе быть расположену к тем местам, жить там и пасти свое стадо». Видя, что царская воля неизменна, и не зная, что делать, он избрал жизнь монашескую. А Мануил Фессалоникский поневоле выехал из Никеи и жил по соседству с нею. И сам бывший патриарх Арсений, оставив свой престол, также поселился в одном монастыре. Потому-то все архиереи, сошедшись в Лампсак, с общего согласия и по царскому повелению возвели в сан патриарха Ефесского предстоятеля Никифора. Но он, как мы сказали, не прожив и одного года, скончался. По смерти его севастократор Торний, бывший в дружеских отношениях с Арсением, убедительно просил императора, чтобы он опять возвел Арсения в сан патриарха. Рассказывая о каких-то

---

¹ Григора: «Относительно добродетели и богоугодной жизни этот человек немногим уступал людям самой высокой святости, но по житейской опытности и по управлению гражданскими делами он отставал даже от тех, которые под вечер оставляют заступ. Дело известное: духовное созерцание и гражданская деятельность по большей части не уживаются вместе». Рим. ист. кн. III, гл. 3.

² Акрополит очень ловко этой широкой фразой прикрыл настоящее яблоко раздора между императором Михаилом Палеологом и патриархом Арсением. По особенной нежности к своему царственному родственнику он заботливо обходит все более или менее темные стороны в его характере, все более или менее возмутительные его поступки, положившие неизгладимые пятна на личность этого государя. Так и здесь, он не хочет сказать прямо истинную причину неудовольствия между царем и патриархом, а отделяется общей фразой, допускающей самые снисходительные толкования. Но другие историки, не заинтересованные родственно в личности Михаила Комнина, — Григора и Пахимер, — с беспощадной откровенностью разоблачают перед нами маскируемые Акрополитом факты. Так, от них мы узнаем, что причиной ссоры между Арсением и Михаилом было устранение от родительского престола малолетнего Иоанна, сына покойного императора Феодора Ласкариса. Между тем этот же Палеолог по крайней мере трижды заклил себя самыми страшными клятвами, что не будет домогаться не принадлежащего ему престола. Когда он был сделан соправителем юного Иоанна, то Собор снял с него эти клятвы, но положил на него не менее торжественную клятву, которой он обязывался никаким образом не посягать на личность и права своего юного товарища, всегда смотреть на него как на законного наследственного государя. Патриарх Арсений был главным опекуном малютки императора и главным свидетелем клятвы его нечестного товарища. И вот этот последний самым наглым образом попирает свою клятву. Поэтому-то что было делать патриарху-опекуну и свидетелю? Как честный человек, он не мог не протестовать против такого вопиющего беззакония. И он действительно протестовал тем, что отказался от патриаршего престола, чтобы не быть сообщником в чужих преступлениях. Сделать больше было не в его силах. Таковы были причины нерасположения патриарха к императору, обозначенные у Акрополита общей фразой «о неисполнении якобы желаний патриарха императором». У почтенного историка не стало даже добросовестности как-нибудь поаккуратнее поставить свою фразу, чтобы она не бросала тени подозрения на личность патриарха. А то легко подумать, что все неудовольствия между царем и патриархом вышли из-за капризов последнего. Сказанное нами о причинах ссоры между императором Михаилом и Арсением нужно приложить и к тем двум епископам, о которых здесь говорит Акрополит. За благородную поддержку патриарха в его протесте против беззаконного насилия и вероломства Михаила Комнина оба они лишены были кафедр. Вот почему епископ Сардский докучал императору просьбой о монашестве. Эта просьба была безмолвным протестом против самоуправства последнего. И вот что означает неопределенная фраза Акрополита насчет епископа Фессалоникского: «Мануил Фессалоникский поневоле жил по соседству с нею». См. Римск. ист. Григоры кн. IV, гл. 1, 4 и истор. Михаила и Андроника Палеологов кн. 11, гл. 15, 16, 17 и 22.

чудесах и необычайных делах Арсения, он постоянно докучал императору, настойчиво требуя сделать патриархом не расположенного к нему человека. Император волей-неволей склонился на совет севастократора¹ и опять возвел Арсения на патриарший престол. Вот что об Арсении. {209}

85. Между тем император, давши несколько войска Стратигопулу Алексею, кесарю, послал его на запад, с тем чтобы он вместе с бывшими там римлянами вступил в сражение с неприятелями, поручив ему, между прочим, мимоходом, так как дорога лежала неподалеку от Константинополя, сделать нападение на этот город и подвинуть свой отряд до самых его ворот, чтобы напугать находившихся здесь латинян (см. Рим. ист. Григ. кн. III, гл. 5, по русск. пер.). В то же время, по устройению промысла Божия, случилось следующее. Один огромный латинский корабль прибыл из Венеции в Константинополь, и на нем один молодой Екзусиаст, которого они называли подестой², человек, как оказалось, {210} деятельный и отважный в битвах, подстрекавший бывших в Константинополе латинян к битвам и дававший им такой совет: нам нужно не в городе только сидеть и охранять себя и город, но должно предпринимать что-нибудь и против римлян, чтобы они не смотрели на нас с презрением. И так он убедил их на трехвесельных кораблях, какие они имели, и на некоторых других судах, также на лодках и ботиках отправиться против острова Дафнусии, авось как-нибудь удастся овладеть им или, по крайней мере, поживиться добычей с него. Таким образом город³ опустел: в нем остались только женщины и дети да еще по-царски управлявший им Балдуин с небольшим числом воинов для управления и охранения народа. Между тем кесарь Алексей Стратигопул нечаянно ночью подошел к Константинополю. А так как он имел при себе несколько таких людей, ко- {211} торые по разным причинам удалились раньше из Константинополя⁴ и до подробностей

---

¹ Натяжка. Михаил Палеолог был не таким человеком, которого мог какой бы то ни было приближенный своими докуками и рассказами о чудесах склонить сделать что-нибудь против воли. Если он делал что-нибудь против воли, то только по причинам, которых устранить не мог. Так и здесь, он решился возвратиться на патриарший престол отказавшегося от него Арсения потому, что боялся смут церковных и политических, как справедливо заметил Пахимер (кн. III, гл. 1). Акрополит, поставив своей задачей раз навсегда обходить все факты, бросающие тень на его царственного родственника, и на этот раз остался верен своей задаче и поставил — очень, впрочем, вероятное — ходатайство севастократора Торниккиа за бывшего патриарха главной причиной возвращения этого последнего на престол, умолчав о действительно главной причине.

² Потестάτων, ит. podesta, но корень этого слова латинский — potestas. У древних римлян это название было названием важной гражданской должности. Ювенал в 10 сатире говорит: «Praetextam sumere mavis, an Fidenarum Sabiorumque esse potestas?» Светоний in Claudio: «Atque etiam per provincias demandavit». Итальянскому или, точнее, генуэзскому podesta соответствовало греческое ἐξῆσιδης или ἐξῆσιδρᾶτορ. Григора, говоря о правах свободного управления, данных императором Михаилом Палеологом венецианцам, пизанцам и генуэзцам, присовокупляет, что у всех у них были и свои главные начальники. «Такой начальник по-венециански называется баюл, по-пизански — консул, по-генуэзски — потестат; а если эти названия перенести на греческий язык, первому будет соответствовать ἐπίτροπος, второму ἑφορος, а третьему ἐξῆσιδης». Это разграничение равноправной, по-видимому, должности тремя особыми названиями наводит на мысль, что по крайней мере в глазах греков все эти равноправные чиновники пользовались не одинаковым значением и почетом. Недаром же они генуэзское podesta переводили словом ἐξουσιαστής, которое издавна было титулом владетельного князя Абазгии и Алании: ὁμοίως καὶ ὁ ἐξῆσιδρᾶτορ Ἀλαβίας (Const. Porph. de Adm. Imp. cap. 10). У того же Константина Порфирородного называется ἐξῆσιδης Ἀβασγίας ἐξῆσιδίων Ἀλαβίας Никифора Вриенния (lib. 2. с. 1).

³ Город Дуфнусия, находящийся при Евксинском понте и омываемый его водами, отстоит от Константинополя на 1000 стадий (Григора). О Дафнусии упоминает патриарх Никифор in Breviario storico. Pag. 44. A. ed. Lupanar. Дафнусия — небольшой остров Эгейского моря между Самосом и Лесбосом. Hoffman.

⁴ Ἀνδρας τινὰς ἐξωρμημένους. обстоятельнее рассказывает о взятии Константинополя Пахимер (см. кн. II, гл. 2). Рассказ его, в главных чертах сходится с рассказом другого византийского историка — Григоры (кн. IV, гл. 2). Что же касается западных историков, повествовавших об этом событии, то на рассказах некоторых из них стоит здесь остановиться ради их замечательной курьезности. Напр., Сабеллик (Rerum Venet. Decad. lib. 10) серьезно уверяет, что некоторые из константинопольских греков, наскучив владычеством латинян, дали знать через верных людей императору Михаилу Палеологу в Никею, чтобы он подошел со своим войском к Константинополю, обещаясь в известный час ночи тайком провести его в город со всем войском, так что он может овладеть им врасплох, без шума и без боя. Па-

знали этот город, то он, расспрашивая их, узнал, что в стенах города есть один про-{212}ход¹, которым может пройти внутрь города вооруженный воин, и без всяких отлагательств приступил к делу. Этим проходом сперва вошел один, за ним другой, третий и так далее до пятнадцати, а скоро по-{213}сле того взошли и многие другие. И когда около стены нашли одного человека, которому поручена была стража города; то некоторые из солдат, взошедши на стену и взявши его за ноги, бросили за город. А другие, взяв топоры и сбивши с ворот запоры, открыли войску свободный вход в город. Таким образом кесарь Стратигопул и все бывшие с ним римляне и скифы (потому что в войске его были и они) очутились внутри города². Быв поражены неожиданностью совершившегося события, бывшие в городе³ стали заботиться, каждый как только мог, о своем лишь спасении. Одни побежали в монастыри и одевались в монашеское платье, чтобы только избежать смерти. Женщины укрывались в расщелинах стен и в темных и потаенных местах. А обладатель города Балдуин бросился в Большой дворец⁴. Между тем от-

---

леолог будто бы с радостью ухватился за это приглашение и немедленно, с отборным войском, никем не замеченный, подступил к Константинополю и в условный час действительно был впущен заговорщиками в город и таким образом взял его без большого кровопролития. Император Балдуин и латинский патриарх Константинополя Панталео Юстиниан, продолжает повествовать Сабеллик, пользуясь суматохой, поднявшейся в городе вследствие неожиданного появления греческого императора с войском, захватили с собой все драгоценности, какие только могли забрать, бросились в Еврип на корабль и немедленно отплыли на остров Эвбею. Так рассказывает Сабеллик о взятии Константинополя греками. С ним согласен и другой западный историк — Флавий Блонд (lib. 8. Decad 2): «Inita itaque conjuratione Palaeologus de recipienda urbe per idoneos est admonitus. Classe igitur imperatoria, quae omnes asportaverat Latinorum nervos iu Pontico jam agente, adveniens exercitu Palaeologus, refracta a coujuratis porta, nocte concubia est admissus. Balduinus vero imperator et Pautaleo Justinianus Patriarcha, navigio derepente cum suis omnibus et rapta supellectile ad Euripum sese profugi receperunt». Послушаем еще Сабеллика (Ennead. 2. lib. б): «Sed dum ille (Балдуин) extremam im formidat, domestica opprimitur, urbs vacua a paucis Palaeologo prodita est... Sunt qui dicunt eum abfuisse, quum hosti tradita est: sed sive affuit, cum hostis in urbem receptus est sive in castris fuit, satis constat. Bysantium proditione amissum». Далось им это несчастное proditio! Если бы что-нибудь похоже на секретное предложение измены сделано было, как утверждают названные нами латинские историки, со стороны византийских греков императору Михаилу Палеологу, то он не предоставил бы Алексею Стратигопулу чести взять греческую столицу, а взял бы на себя это дело, как брался он за него в предшествовавшем году, полагаясь на темные обещания своего родственника Асела. А то он преспокойно оставался в Никее и даже во сне не видел счастья, так неожиданно доставшегося в руки его полководцу. Где же тут личное участие во взятии Византии? Как далек был Михаил Палеолог от надежды овладеть Константинополем, видно и из того, что Алексея Стратигопула с его отрядом отправил не против этого города, а против изменника деспота Михаила, а завернуть к Константинополю велел ему только потому, что дорога, по которой он должен был идти со своим отрядом, лежала неподалеку от этого города, и для того только, чтобы пугнуть тамошних латинян. Неожиданное же взятие Константинополя было равно неожиданно как для императора Михаила, так и для кесаря Стратигопула, — оно было делом благоприятно сложившихся обстоятельств, которыми полководец Михаила воспользовался ex improviso, по вдохновению, а не вследствие задолго раньше обдуманного плана. Что же касается до басни о том, что император Балдуин и патриарх латинский забрали с собой во время бегства свои сокровища, то она могла сложиться только разве в головах Блонда и Сабеллика. Какие же мог захватить с собой сокровища Балдуин, не успевший взять с собой и своей императорской шапки, сапог, меча и других регалий? Высоким беглецам было не до драгоценностей, когда они принуждены были одеться в чужую одежду, чтобы не быть узанными, и броситься в первую же попавшуюся рыбацкую лодку, чтобы спастись от позорного плена.

¹ Ὀλίην τινὰ. «Они (окрестные жители Константинополя, по Григоре, и изгнанные константинопольцы — по Акрополиту) прибавляли, что имеют свой дом подле ворот, которые ведут прямо к храму Божьей матери живоносного источника, и что они знают тайный ход, кем-то давно, как бы нарочно, для настоящего замысла выкопанный, через который пятьдесят воинов легко могут ночью войти и, избив стражу и разбив ворота, открыть вход в город всему войску». Григора.

² Ἐυσίλθε διὰ ταύτης. «Проведя целый день в приготовлении своих воинов к битве, кесарь вошел в город ночью, перед рассветом». Григора.

³ Сн. Пахим. ист. Мих. и Андрон. Палеологов, кн. II, гл. 27.

⁴ «Царь же Балдуин, услышав о взятии города, так поражен был этим, что будто сошел с ума, и видел, что ему ничего не остается больше, как бежать. Поэтому, оставив Влахернские палаты, так как нельзя было уже защищать ту сторону, быстро переехал он в Большой дворец (ибо собирался бежать

правившиеся против острова Дафнусии латиняне и с ними подеста ничего не знали об этом. Но так как не могли сделать ничего на острове Дафнусии (потому что защищал его Бог), то, ступив, возвращались в город. Они ничего не знали о происшествиях в Константинополе до тех пор, пока не {214} приблизились к храму св. Михаила Архистратига Высших сил; поравнявшись же с этим храмом и узнав о случившемся¹, стремились проникнуть в город. Но римские войска, узнав об этом, подожгли дома латинян², находившиеся около берега, и сожгли все: сперва дома венециан, а потом принадлежавшие другим племенам и называвшиеся кампами³. А когда латиняне увидели⁴, что город весь {215} в огне, то ударили себя по бедрам и, забрав на свои триеры и другие суда тех, кого могли, отплыли прочь от города. Одна из триер⁵ подошла к Большому дворцу и приняла Балдуина, которому угрожала опасность живому попасть в плен. Так все это случилось⁶, и Константинополь по Божию промыслению опять стал в руках римского императора достойно и праведно 25 июля, индикта четвертого, 6769 г. от сотворения мира (1261 г. по Р. Х.), быв под властью врагов 58 лет.

86. Император жил тогда в Метеории, как вдруг ночью разнеслась молва⁷ о взятии Константинополя между многими. Молва эта вышла от одного служителя родной сестры императора Ирины, переименованной в монашестве Евлогией, прибывшего из окрестностей Вифинии: он по дороге узнал, что Константинополь взят римскими войсками. Сестра императора как можно скорее отправилась к императору и нашла его погруженным в сон, тихонько толкнула его рукой и громким голосом проговорила: «Государь! Ты овладел Константинополем». Это она сказала несколько раз, а между тем император ничего не отвечал ей на это. А как скоро она переменила слова и произнесла: «Встань, государь, Христос даровал тебе Константинополь», то он, встав с одра и простерши руки к небу, сказал: «Это слово и я, сестра, принимаю; а того первого слова, что ты сказала, будто я овладел Константинополем, никак не принимаю; потому что каким образом мог я сделаться обладателем Константинополя из Метеория? Тем больше что не послал для этого и достаточного войска. Богу это сделать действительно легко,— сам я это признаю,— он может, если захочет, еще с меньшими и слабейшими средствами сделать даже больше этого». Сказавши это, он велел собрать всех сановников и спрашивал у

морем) и, бросив там царскую калиптру (шапку) и меч — символы своего царствования, как мог скорее искал спасения на корабле». Пахимер.

¹ Григора, напротив, говорит, что они узнали о взятии Константинополя греками в тот же день и поспешили возвратиться к городу, чтобы подать помощь своим соотечественникам (кн. IV, гл. 2). С Григорой согласен, кажется, и Пахимер. См. ист. Мих. и Андрон. Палеологов кн. II, гл. 27.

² πῦρ ταῖς οἰκίαις. Григора и Франца говорят, что, прежде чем возвратились латиняне из-под Дафнусии, кесарь Стратигопул велел зажечь город. Пахимер, соглашаясь с Акрополитом, прибавляет, что кесарь приказал зажечь город по совету бывшего врача Балдуинова, некоего Иоанна Филакса. См. кн. II, гл. 27.

³ ἄς καὶ κάμπης κατωνόμαζον. Кодин: «ποιήσας οὖν ὁ αὐτὸς βασιλεὺς (Феодосий Младший) ἰκεσίαν καὶ λιτήν ἐς τὸν κάμπον τοῦ τριβουναλῖς μετὰ τοῦ πατριάρχῃ Προκλῶ», т. е. сам император вместе с патриархом Проклом сделали крестный ход на поле судилища (τριβῦνἄλλον — tribunal); на этом же поле, на котором стоял главный трибунал, производились и смотры войск. Vid. apud Psellum in Glossis juris Mss apud Philostorg. lib. II. cap. 3. apud Theophanem an 21. Constantii et apud alios multos. На этом поле располагались часто лагерем войска, а иногда, во время землетрясений, сюда же выбегали из города и испуганные жители, как видно из следующих слов одного историка: ut timentes Byzantii extra civitatem, in loco qui Campus dicitur, essent perseverantes... et caet. Это поле во время, о котором здесь речь, было отдано под дома генуэзцев, венецианцев и других западных выходцев, но не только удержало свое древнее название campos, но, как видно из слов Акрополита, сообщило это название и самим домам генуэзцев, венециан и др.

⁴ См. Рим. ист. Григ. кн. 4, гл. 2.

⁵ Григора рассказывает, что бывший константинопольский император «бросился в простую лодку и искал спасения в бегстве». Кн. IV, гл. 2.

⁶ Франца: «Tali modo urbs ampla illa et urbium imperatrix auxilio Dei omnipotentis et caesaris peritia solertraque militari ab jtalorum Latinorumque manibus vindicata, ad Romanos tandem post annorum novem et quinquaginta, mensium trium, dierum quatuor intervallum rediit». Пахимер число лет владычества латинян в Константинополе указывает согласно с Акрополитом ἐν ὀκτῶ μῶνοις ἡρὸς τοῖς πεντήκοντα ἔτεσι κατεχομένης τῆς πόλεως τοῖς ἐχθροῖς.

⁷ Смот. Пахим. ист. Михаила и Андроника Палеологов. кн. II, гл. 29.

них, кажется ли им справедливой разнесшаяся молва? И одни настаивали, что разнесшаяся молва справедлива,— это те особенно, которые достоверно знали о походе латинян; а другие подвергали сомнению этот рассказ — это те, которым не дано было проникнуть в судьбы высшего Промысла, они утверждали, что подобное дело принадлежит к числу самых трудных и неудобовыполнимых. В таких рассуждениях прошла и часть ночи; когда же настал день, то у всех явилась надежда, что кто-нибудь прибудет из лагеря и принесет верную весть, но и тот день прошел, и между тем никто не являлся. Все находились в сильном {217} беспокойстве и тревоге, особенно император. Но в следующую ночь ¹ прибыл наконец вестник с доброй вестью и объявил, что римские войска с кесарем Стратигопулом находятся в Константинополе. И все, как было, рассказал.

87. Император, поднявшись из Метеория с большим удовольствием, спешил как можно скорее достигнуть Константинополя ², боясь, чтобы латиняне, возвратившись из-под Дафнусии и вступив в город, не начали жестокой битвы с римлянами и, будучи гораздо многочисленнее римлян, не вытеснили бы их за городские стены. Но этого не случилось, потому что они, будучи поражены неожиданностью, обратились в бегство, как объявлено выше, а император продолжал свое путешествие. Когда он миновал и горные хребты Каламийские и раскинул палатку близ Ахирая, ему принесли царские знаки бывшего императора константинопольского, Балдуина,— это были калиптра, устроенная на латинский манер, украшенная жемчугом и с рубином наверху, червлёная императорская обувь и меч, покрытый червлёным шелковым чехлом. Тогда и большин- {218} ство уверилось в действительности события, потому что необыкновенность дела не позволяла крепко полагаться на рассказы. Итак, император ускорил своим движением и как можно короче и реже делал привалы. Когда он приблизился уже к Константинополю, то пришло ему на ум сделать свое вступление в Константинополь более боголепно, чем по-царски, и искал способа, как бы сделать это с благодарственными молитвословиями к Богу и молебным пением за царство и иерархию, за город и живущих в нем и, наконец, за всех православных христиан. Отыскивая человека, способного написать нужные молитвы, он изъявил желание поручить это дело философу Влеммиду. Но этот человек был далеко: он имел тогда пребывание около Ефеса. Таким образом, дело это не могло состояться. Между тем император не хотел медлить своим вступлением в столицу и потому был огорчен этим обстоятельством. Но я разрешил его затруднения: «Если, государь,— сказал я,— ты хочешь получить молитвы от святого человека, то мне говорить нечего; а если от какого-нибудь, кто бы только мог написать, ты принял бы исполнение твоего желания, то я исполню это желание и напишу тебе молитвы». Это показалось самым лучшим императору, и для ускорения своего вступления он согласился, чтобы я составил требуемые молитвы. Я тотчас же принялся за дело, и не прошли еще сутки, как я написал тринадцать молитв, из которых каждая имела свою цель. {219}

88. Итак, император достиг ³ Константинополя. Это было 14 августа. В тот день он не хотел вступить в Константинополь, а остановился в монастыре Космидийском, лежавшем неподалеку от Влахерн. Переночевав здесь, он на следующее утро встал и совершил вступление ⁴ в Константинополь таким образом. Так как патриарха Арсения не было, то молитвы должен был произнести вслух кто-нибудь из архиереев. Это дело выполнил митрополит Кизика Георгий ⁵, которого прозывали Кледой. Взойдя на одну из башен, стоявших у золотых ворот, с изображением Богоматери, называвшейся Одигитрией по монастырю, из которого была взята, он вслух всех произнес молитвы. Самодержец, сняв калиптру и преклонив колени, пал ниц, и все бывшие с ним позади него пали на колени. Когда кончена была первая молитва и диакон знаменовал встать, все, встав, возгласили «Господи помилуй» сто раз. Когда это кончилось, произнесена была архиереем другая молитва. За второй следовало то же, что и за первой, и так

¹ Франца: «sed postquam nuntius alter etiam cum literis a Caesare ipso conscriptis supervenit, iis visis dubitationem a se amovit, deoque gratias egit, et patriorcha totoque senatu assentientibus propter victoriam adeo admirabilem et facta Caesaris ingentia, quibus Romanum imperium amplificasset». Пахимер говорит, что в самый день взятия Константинополя император Михаил получил письмо об этом кесаря Стратигопула. См. кн. II, 29.

² См. Пах. кн. II, гл. 31 и Григ. кн. IV, гл. 2.

³ См. Пах. кн. II, гл. 31.

⁴ См. Акр. кн. IV, гл. 2.

⁵ См. Пах. кн. II, гл. 3.

далее, пока не кончены были все молитвы. Когда совершено было это священнодействие, тогда более боголепно, чем по-царски, император вошел в золотые ворота: он шел пешком, а впереди него несли икону Богоматери. Дошедши таким {220} образом до самого Студийского монастыря, император сел на коня и отправился в храм Премудрости Божией. Воздав там поклонение Владыке Христу и принеся Ему должное благодарение, удалился в Большой дворец. И было тогда веселье, и великое удовольствие, и несказанная радость всему римскому народу; не было тогда ни одного человека, который бы не скакал от радости и не ликовал, почти не веря, чтобы все это совершилось наяву,— так неожиданно было это событие и так переполняло всех удовольствием. А когда нужно было быть в Константинополе и патриарху ¹, по истечении нескольких дней, которые прошли в рассуждениях и совещаниях об этом, император отправился в священный храм — святилище Великой Премудрости, чтобы передать кафедру архиепископу. С императором собрался сюда весь синклит, и знатнейшие из начальников, и все множество народа. Император, держа патриарха за руку, сказал: «Вот престол твой, владыко, которого так долго ты был лишен. Займи же теперь свою кафедру». Так-то император устроил дело в отношении к патриарху.

89. Случилось тогда еще нечто, чего не передать письменно считаю неприличным. Я написал слово на освобождение Константинополя. Целью слова в начале было благодарение Богу за Его благодеяние, благоутробное попечение и заступление, в слово введено было и благо-{221}дарное обращение к императору. В заключение слова было предложено приглашение императору-отцу сделать участником своей власти и первородного сына — Андроника Палеолога. Это было тайною для многих, и особенно принадлежащих к синклиту, которым и в голову не приходило подобное дело. Занимавшие высшие места из наших, как-то: деспот Иоанн, брат императора, и тесть его севастократор Торникий (кесарь Стратигопул, хотя и был в числе их, но вовсе не хлопотал об этом),— не зная цели и значения этого требования, принуждали императора выслушать это слово, а императору это было чрезвычайно неприятно, потому что солнце склонялось уже к полудню ² и настало время обеда. {222}

---

¹ См. Григ. кн. IV, гл. 2.

² ἥδη γὰρ μεσημβρινὰς. См. Мих. кн. II, гл. 31.